

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
Институт славяноведения РАН

На правах рукописи

Ясинская Мария Владимировна

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГЛАЗАХ И ЗРЕНИИ
В ЯЗЫКЕ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН**

Специальность 10.02.03 – славянские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук
С.М. Толстая

Москва 2015

Содержание

Введение.....	5
Глава I. Представления о глазах в языке и традиционной культуре.....	30
1.1. Номинация глаз и зрачка в славянских языках.....	31
Номинация глаз.....	31
Номинация зрачка.....	35
Вторичные значения слов, обозначающих глаз, зрачок, и их дериватов.....	39
1.2. Глаза в народных представлениях.....	45
Глаза в системе ценностей.....	45
Глаза и макрокосм.....	48
Глаза в народной анатомии.....	52
Роль глаз в социальных характеристиках человека.....	54
Глаза живых и глаза мертвых.....	55
1.3. Норма и аномалии глаз в языке и культуре.....	58
Глаза демонов и колдунов.....	60
Глаза животных в магии.....	75
Глазные болезни и народная медицина.....	76
Глава II. Предикат ‘смотреть’. Взгляд в языке и традиционной культуре.....	80
2.1. Лексика со значением ‘смотреть’ в славянских диалектах.....	80
Семантические сдвиги у глаголов со значением ‘смотреть’.....	81
Характеристика манеры смотреть.....	85
‘Смотреть’ и ‘говорить’.....	86
2.2. Взгляд по данным языка.....	87
2.3. Действие ‘смотреть’ и взгляд как коммуникативный акт.....	89
2.4. Логический анализ ситуации ‘смотреть’.....	92
2.4.1. Субъект.....	94

Взгляд демонов и колдунов.....	94
Взгляд животных.....	98
Взгляд покойника.....	100
Взгляд человека.....	100
2.4.2. Объект.....	104
Взаимоотношения субъекта и объекта в ситуации ‘смотреть’.....	107
2.4.3. Обстоятельства.....	108
2.5. ‘Смотреть’ как ритуальное и магическое действие.....	112
Социальные функции ритуального действия ‘смотреть’.....	118
2.6. Взгляд в народной традиции. «Дурной глаз».....	122
Способы противодействия «дурному глазу».....	135
Глава III. Предикат ‘видеть’. Зрение в языке и	
традиционной культуре.....	142
3.1. Видеть и зрение в языке.....	144
Видеть и знать.....	146
3.2. Зрение в ряду других видов восприятия.....	148
Зрение и свет.....	149
3.3. Логический анализ ситуации ‘видеть’.....	150
3.3.1. Субъект.....	150
Зрение и слепота мифологических персонажей.....	151
Зрение покойников.....	153
Зрение младенцев.....	165
Зрение животных.....	166
3.3.2. Зрение человека. Видение невидимого.....	167
Люди со сверхъестественными способностями.....	168
Люди в лиминальных состояниях.....	169
Праведники и дети.....	169
Люди в измененном состоянии сознания.....	170
Способы обретения сверхзрения.....	172
3.3.3. Слепота.....	185

Наказание слепотой.....	187
Символическое ослепление.....	188
3.3.4. Объект.....	193
Магическая невидимость.....	198
3.4. Обман зрения в языке и народной культуре.....	204
Заключение.....	224
Список сокращений.....	231
Библиография.....	233
Приложение (указатель слов и выражений).....	262

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистика XIX – первой половины XX века в основном была обращена к изучению языка изнутри как целостной системы – исследовала его в диахроническом и синхроническом аспекте, описывала его структурно-системные особенности, сравнивала различные языки между собой, устанавливая родственные и типологические связи. Со второй половины XX века язык начинает изучаться с точки зрения его функций, в том числе коммуникативного аспекта; в науке все большее внимание уделяется человеку как творцу, носителю и «пользователю» языка. Н.А. Бердяев в своем этюде о человеке утверждает, что «разгадать тайну о человеке и значит разгадать тайну бытия» (Бердяев 1985: 89). По словам Н.Д. Арутюновой, «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе – земной и космической, свои действия, свое отношение к коллективу людей и другому человеку» (ЛАЯ 1999: 3). Наука становится все более антропоцентричной, появляется интерес не только к форме, но и к содержанию языковых знаков (лексической семантике и прагматике), в котором исследователи также начинают видеть «системный» характер. Развиваются такие сравнительно новые направления лингвистики, как когнитивная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика. Эти научные направления отличает междисциплинарный характер: они работают на стыке собственно лингвистики и других наук: психолингвистика – психологии, социолингвистика – социологии, этнолингвистика – этнологии, этнографии, фольклористики; они исследуют язык в его соотношении с психикой человека, с человеческим обществом, этническим самосознанием (духовной культурой этноса, народным менталитетом) (Толстой 2013: 19).

Следствием интереса к человеку и его роли в языке стало изучение

так называемой «языковой картины мира» (ЯКМ) – комплекса представлений о мире, зафиксированных в языке. Понятие «картины мира» восходит к идеям В. фон Гумбольдта, Э. Сэпира и Б. Уорфа (Сэпир 1934; Уорф 1960). К настоящему моменту ЯКМ посвящено много научной литературы (см. в Урысон 2003; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Языковая картина мира 2006). Изучение ЯКМ входит в компетенцию различных направлений языкознания, и для каждого из направлений характерны свои особенности, обусловленные как выбором объекта исследования, так целями и задачами, которые ставят перед собой ученые. Кратко остановимся на тех из них, которые наиболее близки подходу, реализованному в настоящей диссертации.

Во-первых, это лингвистическое направление, занимающееся реконструкцией «картины мира» исключительно на основании данных языка, называемое также «антропологической» лингвистикой. В рамках этого направления лингвисты изучают так называемую «наивную картину мира», которая противопоставлена научному взгляду на мир, она также отличается и от так называемых «обиходных» представлений человека о мире (последние, во многом, складываются на основе школьного образования и простой естественной логики) (Урысон 1998: 19). Объектом исследования выступает литературный язык (письменные и устные тексты, тексты художественной литературы), рассматриваемый в синхроническом аспекте. Среди научных школ, работающих в рамках данного направления, можно назвать Московскую семантическую школу под руководством академика Ю.Д. Апресяна, результатом многолетней работы которой стал выпуск «Нового объяснительного словаря синонимов» (НОСС 2003), а также первые два тома «Активного словаря русского языка» (Активный словарь русского языка 2014); работа над «Активным словарем» в настоящее время продолжается. С близких позиций изучается язык в рамках направления, получившего название «логический анализ языка», руководит которым Н.Д. Арутюнова (см. серию изданий широкой тематики под

общим названием «Логический анализ языка», напр., – ЛАЯ 1999). Следует также упомянуть польскую семантическую школу А. Богуславского (Bogusławski 1998) и отдельное направление в изучении ЯКМ, связанное с трудами А. Вежбицкой (Wierzbicka 1992; Вежбицкая 1996, 1999). С точки зрения реконструкции заложенных в языке представлений о мире, в частности, изучаются отдельные стороны языка – словообразование, морфология, лексическая семантика и прагматика (Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина, В.Г. Гак, А.Б. Пеньковский, А.Д. Шмелев и др.). Данные исследователи занимаются изучением современной русской ЯКМ. С одной стороны, модель мира в каждом конкретном языке уникальна и неповторима, что обеспечивает возможность проводить сопоставительный анализ ЯКМ различных языков, с другой – модели мира, представленные в различных языках, имеют типологические и универсальные черты.

Во-вторых, это «комплексное» направление в изучении ЯКМ, когда в качестве объекта исследования выступает не только язык, но и культура (в частности, традиционная народная культура) в широком понимании. В рамках данного направления необходимо отметить труды Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова (Иванов 1973, Иванов 1973а, Иванов 1973б; Иванов, Топоров 1965; Иванов, Топоров 1973; Иванов, Топоров 1974; Топоров 1997), Т.В. Цивьян (Цивьян 1978; Цивьян 1978а, Цивьян 1979, Цивьян 1990 и др.). Пользуясь методами, разработанными в сравнительно-историческом языкознании, ученые реконструируют древние структуры и формы, сложившиеся еще в период балто-славянского единства. Данное направление А.Ф. Журавлев назвал «этимологическим». В родственных языках (в языках, принадлежащих одной семье) отражается модель мира, сложившаяся еще в период общности данных языков и сохранившаяся благодаря своей устойчивости в довольно архаичном виде.

Комплексное направление в изучении языка и традиционной народной культуры развивалось также в трудах академика Н.И. Толстого, основателя Московской этнолингвистической школы, его коллег и

учеников (С.М. Толстой, А.В. Гуры, О.В. Беловой, О.А. Седаковой, И.А. Седаковой, Е.Е. Левкиевской, А.Ф. Журавлева, Т.А. Агапкиной, А.А. Плотниковой, Е.С. Узеновой, М.В. Валенцовой, Е.И. Якушкиной и др.). Этнолингвистика подходит к исследованию языка «сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества» (Толстой, Толстая 1995: 5; Толстой 1983: 181-190; Толстой 1982: 397-405). Это научное направление может быть условно названо «диалектологическим», так как оно изучает традиционную народную культуру славян с учетом ее диалектного характера. Подходя к традиционной народной культуре, как к языку (сложной знаковой системе с множеством планов выражения), этнолингвисты применяют в анализе и описании языка культуры лингвистические методы (Н.И. Толстой даже использует термин «грамматика славянских обрядов» – Толстой 1995: 63-78). Ученые, работающие в рамках этого направления, занимаются реконструкцией картины мира на основании целого комплекса источников: прежде всего это язык (в его диалектных формах), обряды, верования, устное народное творчество (фольклор), народное искусство. В отличие от картины мира, реконструируемой только по данным литературного языка, картина мира, которую изучают этнолингвисты, отражает представления носителей *традиционной* культуры (диалектной разговорной речи, народного менталитета, устного народного творчества). Благодаря традиционности и устойчивости, используемые источники позволяют выявить более архаичные представления, содержащие следы мифологических верований, которые в меньшей степени подверглись влиянию современной городской культуры, книжной письменной культуры (за исключением некоторых жанров), а также поздних иностранных заимствований. При этом фольклорные, этнографические, языковые данные дополняют друг друга и позволяют более полно реконструировать архаические представления о мире. К преимуществам этих исследований относится то, что ученые

стараятся не ограничиваться рамками одной национальной культуры, и привлекают в своих работах материал по всему славянскому (иногда шире – балтославянскому и балканскому) миру. Благодаря тому, что предметом реконструкции славянской этнолингвистики является сложившаяся еще в период общности славян архаическая картина мира, рассеянные по разным уголкам славянского мира верования и обряды дополняют и поясняют друг друга, складываясь в единую картину. В рамках данного направления основополагающими являются работы Н.И. Толстого (Толстой 1982; Толстой 1983; Толстой 1995; Толстой 1995а), С.М. Толстой (Толстая 2005, Толстая 2008, Толстая 2010; Толстой, Толстая 2005; Толстой, Толстая 2013 и др.), Л.Н. Виноградовой (Виноградова 1989, Виноградова 1997, Виноградова 2000) и других ученых. Это направление разрабатывается в других городах России: в частности, на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета в Екатеринбурге Е.Л. Березович и ее учениками (Березович 2007), в Курске – А.Т. Хроленко (Хроленко, Завалишина 2005), Перми – И.И. Русиновой, Сыктывкаре – Т.Н. Бунчук, Ярославле – М.М. Кондратенко (Кондратенко 2000) и др. За рубежом подобные исследования проводятся Люблинской этнолингвистической школой в Польше (Бартминьский 2005, Niebrzegowska-Bartmińska 1996, Niebrzegowska-Bartmińska 2008; SSSL), в Сербии (Раденковић 1996, Sikimić 1996, Сикимић 2006), Болгарии (Младенова 2006, Галанова 2011), Словении (Mencej 1997, Mencej 2006, Mencej 2013) и др. Несмотря на широкую разработанность проблем ЯКМ, терминологический вопрос остается еще не вполне решенным. Объект исследования в разных работах называется «картиной мира», «моделью мира», при этом ей может даваться эпитет «языковая», «наивная» или «мифопоэтическая», в работах польских исследователей используется термин «językowy obraz świata» (JOŚ). Все перечисленные определения так или иначе отражают суть исследуемого объекта, подчеркивая его различные аспекты: системность (модель), символичность (картина, поэтическая),

мифологическую природу, связь с языком, а также несоответствие научному взгляду на мир.

Настоящая работа выполнена в рамках этнолингвистического направления, разрабатываемого Московской этнолингвистической школой.

Объектом изучения в диссертации являются представления о глазах и зрении (зрительной перцепции), запечатленные в языке и традиционной культуре славян во всех ее формах: вербальной (лексика и фразеология, паремиология, тексты фольклора), ментальной (верования), акциональной (обряд)¹.

Семантическая структура «зрительного кода» и системные отношения между его элементами, их функционирование в языке и различных сферах традиционной народной культуры составляют **предмет** исследования.

История вопроса. Зрительное восприятие – объект изучения многих областей науки, прежде всего, анатомии, физиологии, медицины, физиологии, психологии и философии.

Занимается им и лингвистика различных направлений. Лингвистов интересует, с одной стороны, роль зрительного восприятия в языковой категоризации мира, вербализация визуальной информации (данные вопросы находятся в области компетенции психолингвистики и когнитивной лингвистики – см., например, Анохина 2011, Рябинина 2005). С другой стороны, лингвисты изучают отражение модели зрительной перцепции в языке. В работах ученых, принадлежащих к направлению «антропологической» лингвистики, значительное внимание уделяется тому, как в языке представлен образ человека, как категоризируются представления о различных аспектах его бытия и деятельности, в том числе и о визуальной перцепции. А. Вежбицкая (Wierzbicka 1992: 10) выделяет 8

¹ К народной культуре относятся также объекты материальной культуры: в частности, народное изобразительное и декоративное искусство. Например, мотивы глаз могут встречаться в народных орнаментах, вышивке, надгробиях, украшениях обрядового печенья (Толстой 1995: 195-205). Однако они не рассматриваются в рамках данной диссертации, так как она ориентирована, прежде всего, на язык в контексте обрядов и верований.

основных систем, из которых в языке складывается образ человека, каждая из этих систем описывается с помощью семантических примитивов. Среди этих систем первое место занимает система физического восприятия, которой соответствует примитив «воспринимать». Система восприятия, по А. Вежбицкой, является самой простой: способность к восприятию объединяет человека со всей остальной живой природой. Самая сложная система, свойственная исключительно человеку – это речь. Внутри системы восприятия, как и внутри других систем, выделяется ряд подсистем, среди них зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Подсистема зрительного восприятия является самой сложной среди других подсистем. Высшие подсистемы используют в своем арсенале единицы низших (Апресян 1995: 48). Например, система восприятия принимает активное участие в номинации мыслительных процессов, она также оказала влияние на некоторые модели номинации, относящиеся к сфере эмоций и чувств.

Языковая категоризация системы восприятия (в том числе зрительного) рассматривается в работах Ю.Д. Апресяна (Апресян 1995), Е.В. Урысон (Урысон 1998, 2003), С.М. Толстой (Толстая 2014). Она также была затронута А. Вежбицкой (Wierzbicka 1992), Н.Д. Арутюновой (ЛАЯ 1999: 3-10), Е.В. Падучевой (Падучева 2001, 2004), Г.И. Кустовой (Кустова 2004: 346-371) и др. В «Новом объяснительном словаре синонимов» Ю.Д. Апресян и Е.В. Урысон в словарных статьях «Взгляд», «Видеть» и «Зрение» анализируют сочетаемость данных слов, грамматические конструкции, в которых они могут употребляться, и выявляют различные оттенки их значения и нюансы употребления. Е.В. Урысон описывает русскую языковую модель зрительного восприятия, сравнивает ее с обиходными бытовыми представлениями. Она приходит к выводу, что языковая модель во многом не совпадает с обиходными представлениями, так как она отражает более архаичный пласт народного мышления, сохранившийся также в фольклоре и традиционной народной культуре (Урысон 1998: 20). Архаические представления о глазах и зрении

отражаются не только в языке, но и во фразеологии. Польские диалектные фразеологизмы, содержащие компонент *oko* 'глаз', рассматриваются в книге А. Кравчик-Тырпы, посвященной соматическим фразеологизмам в польских говорах (Krawczyk-Tyrpa 1987: 106-111). На параллели между славянскими фразеологизмами со значениями 'терять зрение', 'слепнуть' и 'умирать' указывали С.М. Толстая (Толстая 2012: 60), Г.И. Кабакова (Кабакова 2012: 46).

Для традиционной народной культуры тема глаз и зрения является одной из стержневых. Она проникает в различные области традиционных представлений и отражена в самых разных сферах и жанрах традиционной культуры (верованиях, обрядах, фольклорных текстах многих жанров – загадках, заговорах, проклятьях, приметах, запретах и предписаниях, быличках, лирических песнях, причитаниях и мн. др.). Представления о глазах и зрении, с одной стороны, составляют часть народной антропологии, физиологии и медицины. Они смыкаются с такой областью верований, как народная демонология (согласно традиционным воззрениям, глаза есть не только у человека, но и у мифологических персонажей; их глаза и зрение отличаются от человеческих). С другой стороны, ими пронизаны архаические мифопоэтические представления о Космосе и природе в целом. Традиционной картине мира присущ глубинный антропоцентризм: свое строение тела, действия, чувства и переживания человек переносит на окружающие его предметы и явления: печь, дом, дерево, структуру семьи и общества, и даже Космос (вселенную) в целом. Эти представления играют важнейшую роль в семиотизации и структурировании пространства (Володина 2001: 309). Они отразились в космогонических и антропогонических мифах и легендах, которые повествуют о том, что мир был сотворен из частей тела Бога, а человек – из различных природных стихий: воды, огня (света), земли, воздуха. Антропоцентричность мышления имеет логическое обоснование: для того чтобы понять, как устроен мир и каково его место в этом мире, человеку

необходимо сначала понять, как устроен он сам, постичь мир своего тела и души (макрокосм во многом категоризируется по модели микрокосма).

Отдельные аспекты темы глаз и зрения затрагивались в работах исследователей традиционной народной культуры, уже начиная с трудов А.А. Потебни (Потебня 1865, Потебня 1989) и А.Н. Афанасьева (Афанасьев 1983; Афанасьев 1994; Афанасьев 1996). В частности, этих ученых интересовали связь понятий «зрение» и «свет», представления о родстве глаз с небесными светилами, вера в магические свойства взгляда. В настоящее время исследуемая тема по-прежнему сохраняет актуальность. Ее антропологические аспекты нашли отражение в работах, посвященных телу человека в различных традициях: русской (Мазалова 2001), белорусской (Валодзіна 2009), болгарской (МЧТ 2008) и др. Сведения о глазных болезнях и их лечении можно найти в исследованиях лечебных заговоров и трудах по народной медицине (напр., Möderndorfer 1964: 322-323; Агапкина 2010).

Мифологический аспект темы глаз и зрения был исследован в работе Н.И. Толстого «Глаза и зрение покойников» (Толстой 1995). Ученый анализирует представления о загробном зрении, о необходимости света для покойников, способах передачи им этого света, а также о запретах, мотивированных опасением навредить зрению умерших. Статья «Глаза и зрение покойников» стала важнейшим этапом изучения темы глаз и зрения в представлениях славян, Н.И. Толстой сформулировал основные вопросы, важные для исследуемой проблемы, он подчеркнул, что «тема зрения и глаз покойников непосредственно связана с мотивами видения и невидения иного мира, видения и невидения представителей этого мира, представителей сверхъестественной силы живыми людьми и покойниками, живыми людьми и живущими рядом с ними домовыми, русалками, лешими и прочими „нечистиками”» (Толстой 1995: 194). Проблемы категорий видимого и невидимого затрагивались в работах Вяч.Вс. Иванова (Иванов 1973, Иванов 1973а, Иванов 1973b), Т.В. Цивьян (Цивьян 1978, Цивьян

1979, Цивьян 1990), А.А. Плотниковой (Плотникова 2002). Представления о видимости и невидимости иного мира и способах увидеть и распознать невидимое были проанализированы в работах С.М. Толстой «Магические способы распознавания ведьмы» (Толстая 1998а), «Мир живых и мир мертвых: формула сосуществования» (Толстая 2000а), Л.Н. Виноградовой «Как распознать чужого среди своих» (Виноградова 1997) и др. В трудах М. Бартель де Вейденталь и Т. Джорджевича (Barthel de Weydenthal 1922; Ђорђевић 1938), а также в статьях Л. Раденковича и М. Менцей (Раденкович 1995; Менцей 2013) рассматриваются и подробно анализируются представления о «дурном глазе». Русские суеверные представления о глазах и взгляде колдуна послужили темой для статьи В.А. Коршункова, в которой он пытается очертить традиционный народный контекст пушкинского выражения «мальчики кровавые в глазах». Исследователь сопоставляет диалектные названия зрачка, имеющие внутреннюю форму «маленький человек, мальчик», диалектные фразеологизмы с этими лексемами (*мальчики в глазах бегают*) и представления о «колдовских глазах». Он также приводит знакомый русским мифологическим рассказам сюжет, где колдуну прислуживают бесы, которые эвфемистически именуются *маленькими* или *мальчиками*, в этом мотиве В.А. Коршунков усматривает параллели с выражением *мальчики в глазах* (Коршунков 2000: 119). Анализу названий глаз и зрачка в славянских диалектах посвящены работы Я. Сятковского (Siatkowski 2009; Siatkowski 2010; Siatkowski 2012).

Попытки систематизации материала, связанного с исследуемой темой, предпринимаются в словаре «Славянские древности» (статья «Глаз», автором которой является Н.И. Толстой, «Смотреть» – Т.А. Агапкина)². Т.А. Агапкина впервые собрала и систематизировала материал, касающийся действия ‘смотреть’, проанализировала семантику и прагматику этого

² Впервые краткий вариант статьи «Смотреть» был опубликован в словаре «Славянская мифология» (авторы: Т.А. Агапкина и А.Л. Топорков) (СМ: 360-361).

действия, его роль в ритуале, рассмотрела запреты и предписания, с ним связанные. Информация, напрямую касающаяся темы глаз и зрения, содержится также в статьях словаря «Славянские древности»: «Вода», «Зеркало», «Окно», «Сквозь», «Слепота», «Сглаз», «Свет – тьма» и др. Кроме того, представления о глазах на материале верований народов мира систематизированы в статье Вяч.Вс. Иванова «Глаз» в словаре «Мифы народов мира» (МНМ: 306-307).

Чрезвычайно ценные замечания по теме глаз и зрения были высказаны А.К. Байбуриным в книге «Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов» (Байбурин 1993: 203-206). Анализируя, каким образом в ритуале задействованы различные каналы восприятия, А.К. Байбурин исследовал визуальный аспект ритуала, коснулся проблем зрительного контакта с иным миром, категорий видимости/невидимости, видения/невидения; «рассматривания» мира с целью его семиотизации. Ритуальную видимость/невидимость А.К. Байбурин представил в виде шкалы, на одном полюсе которой находится полная невидимость, на другом – «сверхпроявленность», когда «визуальный облик мира достигает своей максимальной рельефности», «объективируются те идеи и представления, которые вне ритуальной обстановки не имеют визуального воплощения, являются невидимыми» (Там же: 204).

В последние годы интерес к теме глаз и зрения возрос, в связи с чем стоит упомянуть работу болгарской исследовательницы М. Галановой, в которой анализируются представления о глазах и зрении в фольклоре и верованиях балканских народов (Галанова 2011). О все возрастающем интересе к теме глаз и зрения свидетельствует и то, что в октябре 2013 г. в Российском государственном гуманитарном университете был проведен круглый стол, посвященный мифологическим представлениям о глазах, зрении и силе взгляда. В 2014 г. был выпущен сборник статей «Сила

взгляда: глаза в мифологии и иконографии» (о сборнике см. Виноградова 2015). Авторами сборника тема глаз и зрения рассматривается на материале различных традиций: русской иконографии (Д.А. Антонов), средневековой европейской скульптуры (М.Р. Майзульс); устной народной традиции нганасан (О.Б. Христофорова), монголов (А.С. Архипова), народов Алтая (Д.Ю. Доронин), славян (С.Н. Амосова, Н.В. Петров, М.В. Ясинская). Особенно стоит отметить статью С.Ю. Неклюдова «Слепота демона и ее литературные перспективы» (Неклюдов 2014), в которой анализируются представления о слепоте демонов на примере мотива «неузнавания». Данный мотив нашел отражение в самых различных традициях, от монгольской до европейских, он также проникает в художественную литературу и городской романс. С.Ю. Неклюдов приходит к выводу, что в архаических культурах «слепота» демона представляет собой одновременно и слепоту, и невидимость, ей свойственна «идея обоюдности: это некое качество, в равной мере присущее и субъекту, и объекту коммуникации» (Неклюдов 2014: 137). Проблемы видимости / невидимости, зрячести / слепоты демона и человека исследуются С.Ю. Неклюдовым и Е.С. Новик на материале мифов и преданий народов Сибири и Центральной Азии и в других статьях (Неклюдов 2010; Неклюдов, Новик, 2010). Из последних работ, в которых затрагивается тема зрения, заслуживает упоминания статья А.В. Черваневой «Как покойник „ходит“? Из наблюдений над лексикой физического восприятия в мифологическом тексте» (Черванева 2014). В этой статье на материале мифологических рассказов о хождении покойника проанализированы глаголы восприятия, в том числе и визуального. А.В. Черванева проследила, как в данных рассказах замещаются валентности субъекта, объекта глаголов восприятия, которые представлены двумя разновидностями: ‘видеть’ и ‘быть видимым’. Эта статья представляет особый интерес, так как она близка настоящей работе в методологическом отношении: к фольклорному материалу В.А. Черванева подходит с позиций исследователя языка, применяя методы

описания и научный инструментарий, разработанные Ю.Д. Апресяном и представителями направления «антропологической» лингвистики. Данные методы видятся наиболее перспективными и актуальными, поскольку позволяют более четко структурировать и упорядочить разнообразный и многоуровневый материал по исследуемой теме (не только языковой, но также фольклорный и этнографический).

В настоящей диссертации предпринимается попытка обобщить имеющиеся в языковых и иных источниках сведения по теме глаз и зрения, показать их системный характер и место в языке и традиционной картине мира славян (определить круг жанров и текстов традиционной культуры, для которых эти представления являются наиболее актуальными).

Актуальность исследования определяется тем, что антропологический подход к изучению языка и культуры требует более детального изучения всех «систем человека» (термин Ю.Д. Апресяна), в том числе роли зрительного восприятия в языке и традиционной народной культуре славян, которое в комплексном (этнолингвистическом) плане остается пока мало изученным. Высказывание Никиты Ильича Толстого, что «обобщающей работы на эту тему в славянской этнографии и фольклористике еще нет, и остается надеяться, что такое исследование появится» (Толстой 1995: 194), остается до сих пор актуальным. Восполнению этой лакуны и посвящено настоящее исследование.

Цели и задачи исследования. Основной целью исследования является реконструкция семантической структуры и функций «зрительного кода» и отдельных его элементов в языке и традиционной культуре славян. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- Выявление и систематизация языковых и культурных контекстов, связанных с темой зрительного восприятия;
- анализ основных понятий, входящих в сферу зрения: ГЛАЗ, СМОТРЕТЬ, ВЗГЛЯД, ВИДЕТЬ, ЗРЕНИЕ и их символики и роли в

языке и культуре;

- построение семантической модели зрительного восприятия;
- выявление и анализ основных семантических оппозиций, релевантных для темы зрения («зрение – слепота», «видимый – невидимый»; «свет – тьма», «этот свет – тот свет») в языке и культуре;
- определение роли и функции «зрительного кода» в языке и традиционной культуре в соотношении с другими видами чувственного восприятия.

При решении поставленных задач в работе используются следующие

методы:

- логический анализ (см., например, работы Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой и др.) и семантический анализ (А. Вежбицкой, Ю.Д. Апресяна, Е.В. Урысон), разработанные в лингвистике для описания и исследования языка, в применении к языку традиционной культуры в широком смысле: модель зрительного восприятия рассматривается как пропозиция с различными актантами;
- семантико-мотивационная реконструкция лексического, фразеологического и фольклорно-этнографического материала;
- ономастолого-этимологический анализ, контекстный, компонентный анализ; сопоставление и верификация выводов, полученных при анализе языковых данных, с фактами традиционной культуры; поиск символических параллелей между фактами языка и фольклорно-этнографическими данными, метод ареального и типологического исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре составляют систему понятий, образов и символов, построенную на бинарных семантических оппозициях, главными из которых являются

оппозиции «жизнь – смерть», «свет – тьма», «человек – не человек».

2. Зрительное восприятие лежит в основе древнейших представлений славян об устройстве мира (народная космология и мифология) и о человеке (народная антропология и аксиология), сохраняющих свою актуальность на протяжении веков и запечатленные в языке, фольклоре, верованиях (деление мира на «видимый» и «невидимый», вера в силу взгляда и пр.).

3. Основными сферами, для которых актуальны зрительные представления и символика, являются следующие области «наивного» (народного) знания: анатомия (физические свойства глаз), физиология (смотрение, видение, зрение как действие, процесс и свойство), психология (зрение и психические свойства человека), медицина (глазные болезни, их причины и магические практики лечения), космология (видимый и невидимый мир, свет и тьма), мифология (зрение мифологических персонажей, зрение умерших, магическое зрение, сверхзрение), а также ритуал (запреты и предписания, касающиеся смотрения и видения), гносеология (видение и знание), аксиология (зрение в системе ценностей).

4. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян могут быть описаны с помощью логической модели зрительного восприятия, учитывающей роли компонентов («участников») ситуации зрения / видения – субъекта, объекта, инструмента, предикатов, каждый из которых имеет свои релевантные характеристики.

5. Ключевыми понятиями «зрительного кода» (т.е. представлений о глазах и зрении, участвующих в категоризации мира и формировании «наивной картины мира») в языке и культуре являются: ГЛАЗ как инструмент зрения, ВИДЕТЬ как предикат состояния, СМОТРЕТЬ как предикат активного действия и ЗРЕНИЕ как свойство и способность человека.

Научная новизна настоящей диссертации состоит в том, что в ней впервые тема зрительного восприятия человеком окружающего мира

изучается комплексно, на материале языка и культуры славян; впервые сделана попытка применить к исследуемому материалу лингвистические методы анализа. Кроме того, в научный оборот вводится новый материал, записанный автором в ходе полевых исследований и извлеченный из архивов. Реконструируется семантическая структура зрительного кода в языке и культуре и предлагается новое объяснение некоторых обрядовых действий и мотивировок запретов в рамках реконструируемой модели зрительного восприятия у славян (например, обычай лечить болезнь водой, в которую посмотрелись все члены семьи больного, трактуется с учетом представлений, что через взгляд можно сообщить объекту определенные свойства или качества: смотрясь в воду, здоровые члены семьи передают ей свое здоровье, которое впоследствии переходит через воду к больному).

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней были применены методы семантического анализа к разнообразному эмпирическому материалу – не только языковому, но и фольклорно-этнографическому, что позволило выявить закономерности организации исследуемого фрагмента традиционных представлений о мире, структурировать обширный и разнородный материал и предложить наглядную модель визуального восприятия у славян, включающую его основные компоненты – субъект, объект, предикат, сирконстанты и пр.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использовать его результаты в практике вузовского преподавания – в курсах этнолингвистики, фольклора, лексикологии, фразеологии, семантики, диалектологии. Результаты также могут представлять интерес для смежных дисциплин, изучающих феномен зрительного восприятия со своих позиций, – психологии и философии. Предложенная модель исследования зрительного восприятия может быть полезной при изучении других систем восприятия человека, а также при изучении этой темы на материале других языков и культур.

Материал и источники. Поставленные в работе задачи решаются на

материале разных славянских языков и этнокультурных традиций, среди которых основное место занимают языковые и фольклорно-этнографические данные восточных славян (русские, украинские, белорусские и особенно полесские), а также польские и кашубские, в меньшей мере южнославянские (преимущественно сербские и словенские). Отдельные фрагменты работы базируются главным образом на русском диалектном материале (например, раздел 3.4), так как он представляется наиболее репрезентативным для рассматриваемого сюжета. Выборочный характер использованных данных объясняется слишком широким охватом проблематики и отсутствием частных разработок темы по отдельным языкам и традициям.

В работе был использован широкий круг источников, как лингвистических, так и фольклорно-этнографических. Источниками языкового материала послужили, в первую очередь, словари (литературные, диалектные, фразеологические, этимологические) русского и других славянских языков, в том числе: Большой и Малый академические словари русского языка, Новый объяснительный словарь синонимов (под ред. Ю.Д. Апресяна); Словарь русских народных говоров, Смоленский областной словарь В.Н. Добровольского, Словарь говоров Русского Севера, Архангельский областной словарь, Псковский областной словарь, Словарь русских говоров Карелии; Большой словарь русских поговорок (под ред. В.М. Мокиенко), словенский фразеологический словарь Я. Кебера (J. Keber); Этимологический словарь русского языка М. Фасмера, Этимологический словарь славянских языков под редакцией О.Н. Трубачева, словарь кашубских говоров Б. Сыхты (B. Sychta), «Ходский словарь» Ф. Грушки (F. Hruška), «Словенско-немецкий словарь» М. Плетершника (M. Pleteršnik) и др. Также привлекались данные Общеславянского лингвистического атласа (выпуск, посвященный человеку (ОЛА 2009), содержащий карты и индексы по относящимся к исследуемой теме вопросам: № 6 'глаза человека', №7 'глаз' (*dem hypocor*), №8 'зрачок',

№60 ‘смотрит на что-то, на кого-то’). Из словарей целенаправленно выбиралась лексика и фразеология, связанная с семантическим полем зрительного восприятия в широком понимании (с учетом данных народной демонологии, народной медицины и т.д.). Прежде всего, это глаголы, в которых действие приписывается субъекту (*видеть, смотреть*), а также глаголы, где в качестве активного актанта пропозиции выступает воспринимаемый объект (*бросаться в глаза, виднеться, казаться, мерещиться* и др.), глаголы, обозначающие различные манипуляции, воздействие на зрение со стороны (*показывать, делать видимым / невидимым*); лексика, называющая участников ситуации зрительного контакта, главным образом, инструмент (*глаз* и его отдельные части); лексика, характеризующая субъекта с точки зрения манеры смотреть, зрительного поведения и пр. Отдельную группу представляет лексика, связанная со *сглазом* – порчей, которую, согласно традиционным представлениям, можно причинить с помощью взгляда. Также в данное семантическое поле входит лексика, которая, будучи по своему происхождению связана с темой глаз и зрения, обслуживает другие классы денотатов (например, в результате метафорического переноса) – *глаз* в значении ‘топкое место’, ‘яма на болоте’; *глаза* в значении ‘окна’. «Зрительная» лексика имеет тенденцию к переходу в сферу ментального восприятия (*видеть* в значении ‘знать’, ‘понимать’) и чувств (*ненавидеть, ненаглядный*). Спецификой данного семантического поля является различная степень абстрактности понятий и, соответственно, лексики, входящей в него. С одной стороны, в него попадает конкретная лексика (это обозначение глаза, его частей, а также аномалий, связанных с глазами), с другой стороны – лексика с высокой степенью абстрактности (лексика, связанная со зрением, видимостью / невидимостью, а также лексика, связанная со зрительной перцепцией, обозначающая ментальную деятельность человека – *видеть* ‘казаться’, ‘знать’, ‘понимать’). Особый интерес представляют фразеологизмы и фразеологические сочетания,

связанные с глазами и зрением (полное описание всего корпуса фразеологии, связанной с данной темой, могло бы стать предметом отдельного исследования, в данной работе фразеологический материал привлекается лишь там, где это представляется наиболее уместным).

Кроме словарей и лингвистических атласов, языковой материал по теме рассеян как в сборниках фольклора различных жанров, так и в исследованиях по фольклору и этнографии (в иллюстративном материале). Одним из основных источников по исследуемой теме являются обряды (семейные – свадебный, похоронный, родинный; календарные и окказиональные – запираение зрения хищнику, прочищение глаз покойникам, зрительные гадания и др.). Среди фольклорных жанров наиболее ценный материал дают те, которые имеют установку на реальность, истинность излагаемых событий (а, следовательно, наиболее эксплицитное выражение верований). Такими жанрами являются мифологические рассказы (былички – тексты, регламентирующие поведение человека при столкновении его с потусторонним миром и его силами), поверья, запреты и предписания (и их мотивировки), а также заговоры (и магические действия, которые их сопровождают). Богатый материал предоставляют малые жанры (пословицы, поговорки, проклятья, клятвы, загадки). Что касается представлений, нашедших отражение в таких жанрах фольклора, как лирическая песня, причитание и сказка, а также частично заговор, они подверглись разного рода художественной трансформации, связанной с жанровой спецификой, которую необходимо учитывать при выявлении верований, лежащих в их основе. Такая задача не ставилась в настоящей диссертации, поэтому из текстов данных жанров выбирались не все контексты, а лишь наиболее репрезентативные для выявления особенностей модели зрительного восприятия. В работе были использованы доступные источники по фольклору и этнографии, начиная с классических трудов XIX – середины XX в. (Гринченко 1895; Гнатюк 1912; Добровольский 1891; Зеленин 1914, 1915, 1934, 1991, 1994; Номис 1864;

Потушняк 1938, 1941, 1942; Маринов 1914; Moszyński 1967; Шейн 1890 и др.), и заканчивая современными сборниками (конца XX – начала XXI вв.) – Козлова 1990; Криничная 1991 и др.; Лобкова 2000; Мороз 2013, Народная демонология Полесья 2010, 2012; Мифологические рассказы 1996, Шумов 1991; Шумов 1993; Мифологические рассказы 1987; сборники ВФМ; ЗЗП и др. Одним из важнейших источников материала послужили словари: этнолингвистический словарь «Славянские древности» (СД), демонологические словари Т.А. Новичковой (Новичкова 1995) и М.Н. Власовой (Власова 1995, Власова 1998). Кроме того, материалы по исследуемой теме встречаются в научных трудах, посвященных самым различным проблемам традиционной культуры. Так, например, ценный материал по теме был почерпнут из монографий А.В. Гуры (Гура 1996, Гура 2012а), Т.А. Агапкиной (Агапкина 2002, Агапкина 2010), И.А. Седаковой (Седакова 2007), О.А. Седаковой (Седакова О. 2004), Е.С. Узеневой (Узенева 2010), С.М. Толстой (Толстая 2005), А.А. Плотниковой (Плотникова 2004), О.Б. Христофоровой (Христофорова 2010), М. Бартель де Вейденталь (Barthel de Weydenthal 1922), И. и Р. Томицких (Tomіccy 1975), Б. Барановского (Baranowski 1981), Л. Пелки (Peļka 1987), Т. Джорджевича (Ђорђевић 1938, Ђорђевић 1958), С. Зечевича (Зечевић 1971, Зечевић 1978) и мн. др. Специфика исследуемой темы такова, что она пронизывает многие слои и пласты традиционной культуры: даже если исследователь посвящает свою работу теме, никак с ней не связанной, отдельные факты из области зрительного восприятия так или иначе попадают в поле его внимания, о чем свидетельствуют, в том числе, данные тематических указателей к монографиям, которые значительно облегчают поиск материала по теме.

В работе также используется собственный полевой материал, собранный в экспедициях МГУ в Кировскую область (1996–1999 гг.), в этнолингвистической экспедиции 2013 года в область польского Спиша, а также богатый материал Полесского архива (ПА) Института

славяноведения РАН.

Структура работы согласована с реконструируемой моделью зрительного восприятия, которая включает предикат (стержень ситуации) и участников – инструмент, субъект, объект, обстоятельства. Вне ситуации находится зрение (как способность), которое является предпосылкой и условием того, что ситуация зрительного контакта становится возможной. Представляется логичным построить работу, согласуясь со степенью абстрактности материала, начиная с конкретного и постепенно переходя к более абстрактному по мере расширения и углубления круга значений (от конкретных значений, связанных с анатомией, физиологией зрительного восприятия – до значений, относящихся к ментальным действиям и процессам – знания, познания, предвидения и др.). Подобный принцип можно назвать индуктивным (движение от частного к общему). Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и приложения, представляющего собой алфавитный индекс лексики, связанной с темой глаз и зрения, рассматриваемой в работе.

Первая глава посвящена инструменту зрения – глазам, их месту в народной анатомии и физиологии. Анализируется лексика, обозначающая глаз, различные его части (*зрачок, белок, веко, ресницы, брови*), зрительные аномалии, болезни (*бельмо, кривизна, косоглазие* и др.). Рассматриваются представления об органе зрения (глазах), их параметрах (внешнем виде), норме / антинорме в строении глаз, также речь идет о тех обладателях глаз, которые выделяются по признаку «отсутствие нормы» (аномалия глаз позволяет опознать их как демонических, мифологических персонажей).

Во второй главе рассматривается активное действие ‘смотреть’ (‘направлять глаза / взгляд’), совершаемое субъектом с помощью глаз, а также взгляд как квант и продукт этого действия. Проводится анализ лексики, обозначающей действие ‘смотреть’, взгляд, сглаз (негативное воздействие с помощью взгляда), и обладателей «дурного глаза» (*глазливый, урочливый* и др.), а также лексики, характеризующей человека с

точки зрения его манеры смотреть. Данные представления обладают более высокой степенью абстракции, чем представления о глазах, но народное сознание стремится их конкретизировать, материализовать. Исследуется ситуация 'смотреть', ее актанты (субъект, объект, инструмент, обстоятельства). Рассматриваются свойства взгляда (главным образом вредоносные), а также условия, при которых взгляд становится опасным, анализируются запреты, связанные со зрением. Описывается модель зрительного контакта (зрительного канала), одной из составляющих которой является, с одной стороны, восприятие информации о наблюдаемом объекте, а с другой – воздействие на него. Выделяются различные ритуально-магические функции действия 'смотреть'.

Третья глава посвящена наиболее абстрактным представлениям, к которым относятся представления о пассивном зрительном восприятии, выражаемом глаголами со значением 'видеть', представления о зрении (функции и способности, зрении как знании) и слепоте (зрении со знаком «минус», отсутствии зрения), «видимости – невидимости», «свете – тьме», зрении и сверхзрении (способности видеть недоступное обычному зрению), а также о всевозможных манипуляциях со зрением (направленных как на субъект – *наделить сверхзрением, ослепить, морочить*, так и на объект – *показать, сделать невидимым*). В данной главе проводится анализ лексики, связанной с понятиями зрения, зрячести – слепоты, видимости – невидимости, а также степени видимости – нечеткого зрительного восприятия (*казаться, корзиться, млиться, мерещиться, маячить, виднеться* и др.); рассматриваются фразеологические сочетания и термины (в том числе и обрядовые), обозначающие разнообразные манипуляции со зрением, например: *прочищать глаза покойникам, засорить глаза (покойнику, Пятнице), замазывать глаза волку (коршуну), отводить глаза, морочить, показывать чертей* и др. Анализируется ряд общеславянских (и индоевропейских) корней, входящих в рамки данного семантического поля. Делается попытка описания модели зрительного восприятия (и – далее –

ментального восприятия), а также проводится градация воспринимаемой действительности (мир видимый – мир невидимый), когда зрение (знание) является уже скорее философской категорией, нежели психофизиологическим явлением.

Стоит оговориться, что разбиение материала на главы является в значительной степени условным из-за диффузности исследуемой области представлений. Существуют контексты, в которых трудно разграничить активное и пассивное восприятие, то есть такие контексты, где релевантным является именно сам факт зрительного контакта (который присутствует как в активном действии, так и в пассивном состоянии). Кроме того, многие контексты могут относиться и к инструменту зрения, и к взгляду, и к зрению. В качестве примера подобного рода контекста можно привести представления о глазах и зрении покойников, где поверья, связанные со зрением и взглядом умерших, провоцируют обрядовое закрывание их *глаз* сразу после смерти. Действия, выполняемые в ходе поминальных обрядов, которые иногда называются «прочистать глаза мертвым», направлены на обеспечение их посмертным, потусторонним зрением (светом). Глаза, взгляд и зрение в данных контекстах порой бывает невозможно отделить друг от друга.

Апробация работы. Основные положения данного исследования были изложены в докладах на международной конференции «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, 2012, 2014), ежегодных «Толстовских чтениях» (Ясная Поляна, 2012, 2013, 2015), конференции «Актуальные проблемы лингвистической географии» (Москва, 2012), международной конференции «Балканские чтения» (Москва, 2013), конференции «Человек ощущающий: перцепция в современном гуманитарном знании» (Москва, 2015), международной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2015), международном конгрессе МАПРЯЛ (Гранада, 2015), международной конференции «Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной

традиции» (Москва, 2015).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Глаза и очи в славянских диалектах // Славянский альманах 2011. М., 2012. С. 480-489.
2. «Света белого не видеть...» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) // Славяноведение, 2013. №2. С. 79-89.
3. Глаза и зрение в языке и традиционной народной культуре славян // Славяноведение. №6. 2014. С. 47-57.

Другие публикации:

4. Восточнославянские названия зрачка: этнолингвистический аспект (тезисы) // Русская диалектная этимология. Материалы IV Международной научной конф. 22-24 октября 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 135-137.
5. Аномалии глаз как признак мифологического персонажа // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. М., 2003. С. 259-273.
6. Визуализация невидимого: способы контакта с иным миром // Славянский и балканский фольклор. Вып. 11: «Виноградье». М., 2011. С. 109-120.
7. «Когда кажется – креститься надо»: «обман зрения» в языке и мифологических рассказах // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М., 2013. С. 363-376.
8. Визуальная магия: магическое действие *смотреть сквозь* // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. К юбилею С.М. Толстой. М., 2013. С. 191-199.
9. «У страха глаза велики»: глаза в славянской народной демонологии // Сила взгляда: Глаза в мифологии и иконографии / Отв. ред. Д.И. Антонов. М., 2014. С. 282-305.

10. Сила взгляда: глаза в мифологии и иконографии (обзор круглого стола) // Живая старина. М., 2014. № 2. С. 71-72 (в соавторстве с Д.И. Антоновым).
11. *Любовь и ненависть* сквозь призму зрительного кода // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. М., 2015. С. 380-386.
12. Мифологические представления о глазах и зрении у славян // Человек ощущающий: перцепция в современном гуманитарном знании (ежегодник «Человек: образ и сущность»). М., 2015. С. 115-123.
13. Глаголы со значением 'смотреть' в русских диалектах (тезисы) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы III Международной научной конференции. Екатеринбург 7-11 сентября 2015 г. Екатеринбург, 2015. С. 314-316.
14. Символическая слепота в славянской народной магии // Материалы конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Т.6. С. 642-647. Гранада, 2015 (электронное издание).

Глава I.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГЛАЗАХ В ЯЗЫКЕ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Настоящая глава посвящена глазам как части тела и органу человека, с помощью которого он воспринимает окружающую его действительность. Основной функцией глаз является функция инструмента зрения, одного из пяти чувств. «Инструментальное» значение иллюстрируется фразеологизмами: рус. *глаз наметан, навострить глаза, мозолить глаза*, рус. диал. *тупые глаза* ‘плохое зрение’ (ФСРГП) и др. Другой, не менее важной, функцией глаз в традиционных представлениях является функция инструмента воздействия на объект, на который направлен взгляд смотрящего субъекта (этим функциям посвящены вторая и третья главы диссертации). Кроме этого глаза, согласно языковым данным и традиционным представлениям, выполняют некоторые другие функции, которые рассматриваются в данной главе.

В главе проводится анализ лексики, называющей глаз и его части, анализируются ее вторичные значения. Рассматриваются представления о глазах в наивной анатомии и физиологии, устройство органа зрения, его связи с другими материальными и нематериальными органами (душой). Эти области знания смыкаются с народной медициной, которая, исходя из представлений о строении глаз и действии глазных болезней, предлагает способы их лечения. Глаза, будучи частью тела человека, в языке и традиционных представлениях сопоставляются с объектами макромира (космоса и природы), соматический код (в том числе и *глаза*) используется в наименовании фрагментов жилища.

В данной главе речь идет о представлениях, связанных со строением глаза, отдельными его частями (зрачком, веками, ресницами, бровями), его релевантными признаками (цвет, форма, размер и др.), а

также аномалиями (косоглазие, одноглазие, кривизна, пучеглазость и пр.). Выделяются значимые признаки глаз, дается их характеристика с точки зрения аксиологии (какими свойствами обладают те или иные глаза, какие глаза считаются опасными).

Объектом внимания являются, в первую очередь, глаза человека, противопоставленные глазам других существ («не человека»). В народной традиции наиболее детально разработаны верования, относящиеся к глазам демонов, а также некоторых животных в их демонических ипостасях (волк, медведь, змея и пр.)³. Анатомия глаз мифических существ может как полностью не совпадать с анатомией человека или животного, так и иметь много сходных с ней черт, но при этом есть и существенные различия: мифологические существа обязательно отличаются от человека по ряду признаков.

Глаза играют важную роль в социальных характеристиках человека и в эстетической оценке его внешности, они наделены высоким аксиологическим статусом.

1.1. Номинация глаз и зрачка в славянских языках

Номинация глаз. Практически на всей славянской территории сохраняется название глаза с корнем **ok-*, что подтверждается в том числе и данными Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА 2009: 40-41; Siatkowski 2009). Это словен. *oči*, хорв. *oči*, серб. *очи*, макед. *очи*, болг. *очи*, чеш. *oči*, словацк. *oči*, в.-луж. *woći*, н.-луж. *wócy*, пол. *oczy*, белорус. *вочы*, укр. *очі*; и только в русских диалектах наблюдается эксклюзивное преобладание лексемы с корнем **glaz-* – *глазá*, *гláзы*. Граница распространения лексемы *глаза* проходит четко по границе

³ Животные в народной традиции часто наделяются чертами демонов: «В системе традиционной культуры животные выступают как образы мифологической картины мира, а значит, как особая разновидность мифологических персонажей в широком смысле слова» (Виноградова 2000: 110).

территории России. Общеславянский характер лексемы *oko* в значении 'глаз' и данные исторических памятников славянских языков говорят о том, что именно *oko* является более древним, праславянским названием, имеющим родственные параллели во многих индоевропейских языках (от и.-е. основы **ok-* 'смотреть, видеть') (Фасмер 3: 128-129; ЭССЯ 32: 41-42).

О том, что эта лексема была известна и русскому языку на ранних этапах его развития, свидетельствуют данные древнерусских памятников письменности. Так, в частности, в словаре И.И. Срезневского зафиксирована как сама лексема *oko*, так и ряд ее производных: *очеболь* 'имеющий больные глаза' («бѣдно бо есть правѣда неправѣд/н/ным, ꙗкоже и *очиболю* с/о/лнце»), *очевисто* (*очивѣсто*) 'лично, самолично' (Срезневский 2: 844), *очьныи* 'глазной' («*очьнага* болѣзнь видѣниѣ омрачае и възбраняѣть лежащага предѣ собою видѣти») (Срезневский 2: 848), *очивисть* 'видимо, явно, очевидно' и 'лично, самолично' («Повѣдаша нѣкотерии д/у/х/о/вьнии... ꙗко *очивисть* нѣкъгда ꙗвисл имѣ диаволь и ..., вопрошенѣ бывѣ ими, отъвѣшта»), *очивѣсто* 'очевидно' («яко же и бысть, *очивѣсто* бо Богъ и Мати Божия избави я милостью своею, зане хрестьяне суть»). Для наречия *очивѣсть* кроме значения 'очевидно, явно' И.И. Срезневский также приводит значение 'внезапно' («прииде *очивѣсть* диаволь») (Срезневский 2: 845). Позднее в русских говорах лексема *oko* была вытеснена более новым наименованием *глаз*, первоначально означавшим 'круглый камешек', 'шар' (Фасмер 1: 409-410; ЭССЯ 6: 117-118). Само слово *глазь* в словаре И.И. Срезневского также отмечается в значении 'oculus' без ссылки на источники, он приводит диминутив *глазькъ* в значении 'шарик', ссылаясь на запись, датированную 1114 г. в Ипатьевской летописи: «Егда будетъ туча велика и находятъ дѣти наши *глазкы* *стекляныи* и малыи и великы, провертаны, а другыя подлѣ Волховъ берутъ еже выполаскываетъ вода» (Срезневский 1: 518). П.Я. Черных предполагает, что лексема *глаз* в

значении ‘глаз человека’ заменила лексему *oko* не ранее рубежа XVI–XVII вв., употребляясь первоначально как экспрессивное наименование: ср. *глаза выпучил – шары (зенки и пр.) выкатил* (Черных 1: 190). Ср. пол. *glaz* ‘большой камень, кусок скалы’, *glazik* ‘камешек’; ст.-чеш. *hlazec* ‘вид камня’, макед. топоним *Глазна река* ‘букв. Каменка’, восходящие к праслав. **glazъ* (ЭССЯ 6: 117-118).

Слово *oko* (*очи*), практически исчезнувшее из русских диалектов, функционирует в современном русском литературном языке как церковнославянизм: оно перешло в группу лексики книжного, поэтического стиля. *Oko* употребляется в составе устойчивых выражений (*опустить очи долу; предстать пред светлые очи; беречь как зеницу oka*), в том числе церковнославянского происхождения (*Oko за oko*), в поэтической речи (*очей очарованье; сверкнув очами; очи чёрные* (песен.)). То же самое можно сказать и о дериватах слова *oko*, которые часто относятся или к высокому, книжному (*очевидный, воочию*), или к канцелярскому, деловому (*очный / заочный, ср. очная ставка, заочное обучение*) стилю. О прежнем стилистически нейтральном употреблении слова *oko* в значении ‘глаз’ свидетельствуют сохранившиеся в языке этимологически родственные *оку* слова, например, *окно* (**окъно*) и производные (ЭССЯ 32: 45-47), а также стилистически нейтральные дериваты (*очевидно, очевидец, очки*). Вообще тенденция называть окно ‘глазом’ отмечается независимо в разных языках: ср. арм. *akan* ‘отверстие, проделанное в стене’, англ. *window* ‘окно’ – ‘глаз ветра’ (ЭССЯ 32: 47).

В русских и других славянских диалектах довольно широко распространены экспрессивные (и пейоративные) наименования глаза: это рус.: смол., костр., тамбов. *зѣнки*, яросл. *зѣкалки*, арханг., волог. *лупыши, моргалы*, смол. *бѣлмаки*, новгор. *булыши, вѣпуки*, смол. *буркалки, бѣлмушки, бѣлма, бѣлмаки, бізікі, балы* (СРНГ 2: 236), арханг. *балашки, вандыши* (СРНГ 2: 77), дон. *бельтюшки* (СРНГ 2: 239),

беньки (СРНГ 2: 242), самар. *буздылы* (СРНГ 3: 255), владимир. *буравы* (СРНГ 3: 279), псков. *андроны*, волог. *бурлаки*, перм., новгор. *буркулы*, курган. *буреньшики*, вят. *быркалы*, *булычи*, олон. *булындыши*, перм. *бырлы*, самар. *буздылы*, владимир. *буравы*, орл. *лупы*, калуж. *пычки* (СРНГ 33: 204) белорус.: брян. *пялы* (Чалавек 2006: 163), могил. *зяпки*, гомел. *гизюкі* (Чалавек 2006: 164), *безики*; пол. *ślep'a*, *gaу* (ОЛА 2009: 40-41), и др. Внутреннюю форму этих названий часто трудно объяснить однозначно. Очевидно, часть экспрессивных наименований характеризует глаз с точки зрения его формы (выпуклой, напоминающей шар, круглый камень, булыжник). Сюда относятся *балы*, *булыши*, *лупы*, *выпуки* и др., эта мотивировка лежит и в основе русского литературного названия *глаз*. При этом наименования глаз часто образованы от экспрессивных глаголов, обозначающих действие ‘смотреть’ (‘видеть’) и характеризующих манеру, способ смотреть: *пялы*, *выпуки*, *буркалы*, *буравы*, *лупы* и др. (ср. *вылупиться*, *пялиться*, *буравить* взглядом, *выпучить* глаза). Сюда же можно отнести и *зенки* (восходящее к глаголу **zěti* ‘(широко) открывать’, ‘смотреть (широко) открытыми глазами’, ‘смотреть открыв рот’ (Кореšný 1960: 185-192)). Экспрессивно окрашенными оказываются пристально смотрящие глаза («буравящие» взглядом), «расширенные», становящиеся выпуклыми и словно «вылезаящие из орбит» в процессе смотрения (подробнее см. раздел 2.1, «Характеристика манеры смотреть»). Ср. построенные по той же модели названия глаз, производные от нейтрального наименования действий ‘смотреть’, ‘видеть’: рус. сиб. *виденье* (*виденьё*), тамбов. *видины*, сев.-кавк. *видюхи*, брян. *вижи*. Встречаются пейоративные наименования, которые характеризуют глаза, как не выполняющие (или плохо выполняющие свою зрительную функцию): *бельмы* (не видящие вследствие заболевания – бельма), *ślepia* (не видящие, слепые), *моргалы* – здесь, возможно, действует следующая модель: глаза, вместо того чтобы смотреть, моргают, соответственно человек не замечает чего-то

важного (моргать – характерное действие век): ср. *проморгать* ‘проглядеть’, ‘не заметить’.

Номинация зрачка. Лексика, обозначающая зрачок в славянских говорах, в отличие от лексики, называющей глаз, очень богата и разнообразна. По данным ОЛА и словарям Я. Сятковский выделяет в славянских диалектах пять мотивационных типов, к которым относятся лексемы со значением ‘зрачок глаза’ (ОЛА 2009: 44-45; Siatkowski 2010; Siatkowski 2012).

I. Названия, мотивированные глаголами со значением ‘смотреть’. Это наиболее многочисленная группа. Основу составляют глаголы **zbrěti*, **glědati*, **patriti*, **viděti*, а также **zěti*. Дериваты от **zbrěti* (и других апофонических вариантов того же самого корня) и от **glědati* настолько многочисленны, что порой бывает трудно разграничить отдельные морфонологические формы от их фонетических разновидностей. Это макед. *зрак*, белорус. *зарок*, *зорочок*, *зрелко*, лемк. *зрілко*, рус. *зрачок*, *зорёк*, *зрачко*, *озорок*, *озорочек*, укр. *зрочок*, *здрочок*, *зірниця*, словац. *zornica*, *zornička*, *zrelnica*, пол. спиш. *zorniczka*, словен. примор. *'zə:rkalo*, штайер. *'zr:kalu*, *zrklo* (Pleteršnik II: 941). Дериваты от **glědati*: хорв. *glě:di*, *glǎ'di:*, серб. *ogle'dačka*, н.-луж. *glědalko*, в.-луж. *hlagančko*, болг. *glede'lec*, серб. *гледац*, *глеца*, *гледелька*, рус. новг. *гляделки*, *гляденец* и др. Дериваты от **patriti* представлены только в польских говорах: *patrzydło*, *patrzydłko*, *patrzydelko*, *patrzączka*, *patronka*, *patrolka*. Дериваты от **viděti* встречаются довольно редко в ограниченном регионе – в лужицких диалектах: *widženjo*, *widžeńčko*, *widžeńko*, а также в польских: *widziadło*, *widziadko*. От **zěti* образованы формы: хорв. *zènica*, *zinica*, *zènsa*, словен. *zení:ca*, ст.-слав. *зѣница*, белорус. *зенка*, укр. *зінька*, рус. твер. *зенок* и др.

II. Названия, мотивированные словами, означающими образ, отражающийся в зрачке. Основную часть составляют слова со значением ‘маленький человек’, ‘девочка’, ‘кукла’ (игрушка) и т.п. Это макед. *човече*,

човајчка, болг. *ču'leče*, укр. *чоловічок*, белорус. *čoło'v'eśok*; чеш. *muži:ček*; макед. *детенце, дете*, хорв. *deklica*, словен. *děčlica*; укр. *дядечко*; с.-хорв. *малица*; пол. *ranienka*, словац. *ranička*; словац. *babka*; пол. *lalka*, словац. *lalko*, белорус. *лялячка, лялечка*. К этой же мотивационной группе относятся несколько заимствованных названий. Это пол. мазов. *rupela*, заимствованное из нем. *Rupille* 'зрачок'. Заимствование из нем. *Rupre* 'девочка', 'кукла' (игрушка), 'зрачок' представлено на западе Словении (*р'ирка, р'у:рса*), в восточной Словакии (*рорка*) и в Польше, на Кашубах (*р'ирка*). К заимствованиям из итальянского *pulcella* 'девочка' относятся словен. *рунчка, рунчса*, которые чаще имеют значения 'девочка', 'кукла'.

III. Названия, мотивированные черным цветом зрачка. Это хорв. *černo*, луж. *śrņe*, макед. *црнка, црно, црнце*, рус. *черныш, чёрныш, чёрнышко*.

IV. Названия, мотивированные словами, означающими небольшие предметы круглые, святающиеся и блестящие. Это болг. *зърно*, макед. *зрно, зрнце*, н.-луж. *zornjatko, zernko*, рус. *зернетко, зернятко*, чеш. *šočka*, рус. *ядрышко*, пол. *gałka*, пол. *gwiōzda*, серб. *da'nica*, рус. *значок*, пол. кашуб. *punkt, kropka, jabłko, jabłuszko, jagoda, jagódka*, пол. *kryńica* (Я. Сятковский затрудняется в толковании мотивировки этого названия; о параллелях в названиях глаз и водных источников см. ниже).

V. Уменьшительные названия глаза. Это белорус. *вочка, глазка*, укр. *воśко*, рус. *глазельцо, глазелец, глазельчик* и др.

Все перечисленные модели номинации основываются на логических, формальных, внешних признаках. Первая характеризует глаз как инструмент зрения, вторая объясняется присутствием в глазу отражения образа собеседника. Третья мотивирована цветом, четвертая – преимущественно формой зрачка с добавлением признаков блеска и света, исходящего от него. Наконец, пятая характеризует зрачок с точки зрения его размера и местоположения (сердцевина, ядро глаза).

Согласно перечисленным типам номинации, зрачок является

существеннейшей частью глаза, именно ему в языковом сознании приписывается зрительная функция (наиболее ярко это выражается в первом типе, куда входят названия, производные от глаголов со значением ‘смотреть’). Однако особого внимания заслуживает одна из центральных моделей, вторая по классификации Я. Сятковского, касающаяся отражения в зрачке (человечек, девочка, мальчик, кукла). В этой группе исследователь выделяет две подгруппы: к первой относятся названия зрачка, мотивированные словами со значением ‘маленький человек’, ко второй – мотивированные словами со значением ‘ребенок’, ‘кукла’, ‘девочка’ (и ‘мальчик’).

Как подчеркивает Я. Сятковский, модель ‘маленький человек’ является характерной не только для славянских, но и для других индоевропейских и даже для неиндоевропейских языков. Название *человечек* (**čelověkь*) имеет, согласно данным ОЛА, два независимых друг от друга ареала бытования: на юге в Болгарии и Македонии, а также в славянских пунктах на территории Греции и Турции (впрочем, Я. Сятковскому не удалось найти в словарях подтверждения употребления в данных регионах встреченных в ОЛА лексем в значении ‘зрачок’, за исключением макед. *човече*, которое отмечено в (RMJ III: 547) в значении ‘маленький человек’, а значение ‘зрачок’ подается как диалектное), и у восточных славян – в Белоруссии и на Украине, а также на восточных окраинах Польши и в отдельных русских населенных пунктах. *Чоловічок*: «біл'мо му зас'тил'ат чулу'вічок, та с'лабо 'видит на вто 'око» (Сабадош 2008: 417). *Człowieczek* ‘зрачок глаза’: «Stare luże mi'vil'i ze_v_oku *śłoweczek* je» (Słownik gwar polskich 1994: 134). *Зречка, зрічко, здрічко, чоловічок* ‘зіниця ока’ (Гуцульські говірки 1997: 84).

В белорусских и украинских этнографических источниках встречаются свидетельства, подтверждающие это название, и объясняющие его мотивацию с точки зрения носителей традиции. Помимо логического объяснения через отражение в зрачке образа

собеседника, которое предлагает Я. Сятковский, оно имеет также мифологический подтекст, связанный и с народной анатомией человека, и с демонологическими представлениями. Так, на Западной Украине (Снятинский повет, Львовщина) отмечено поверье, согласно которому в зрачке помещается душа человека: «Про *чоловічка* в оці (*здрічок, здрак*) каже дехто, що се душа. Є люди, що дивлячись другому в очи, можуть того *чоловічка з'їсти*, а тоді чоловік тяжко занедужає, а – не ратований – може й зі світа піти» (Гнатюк 1912: 131-424). «Тот *чоловічок* у оці, то душа того самого чоловіка... Інші кажуть: там пробуває ангель-хранитіль того чоловіка» (Там же: 307).

Сравнительно редко, если не считать самой лексемы *человечки*, внутри данной мотивационной группы появляются «мужские» названия. Примером такого названия можно считать лексему *мáльчик* ‘зрачок’ (белорус., смол.): «Деўка, што-то не видит *мальчик* – глаз мой нешта спортился: короглазина нарастает» (ельн.) (Добровольский 1914: 397). Я. Сятковский приводит в качестве примера лексему *tuži:ček* – **tožičькь*, записанную в 178 пункте ОЛА (Чехия, с. Постржеков, р-н Домжалице). Это слово встречается и в словаре Я.Ф. Грушки: *tužiček* ‘*panenka v oku*’. «*Pích se jenom dřevíčkem, ale pích se zrovna do tužička a bylo ro voku*» (Hruška 1907: 56). Русский диалектный фразеологизм *мальчики в глазах (бегают)* зафиксирован в значении ‘рябит в глазах’, ‘зеленеет в глазах’ (пск.) (Даль 2: 293), *угланчики в глазах бегают* ‘мальчики, мухи, пестрит, темнит’ (Даль 4: 465). Выражение *мальчики в глазах* могло также применяться и к состоянию алкогольного опьянения (подробнее об этих фразеологизмах в сопоставлении с пушкинским «мальчики кровавые в глазах» см. Долгушев 1998; Коршунков 2000: 113). Анализируя идиомы, описывающие состояние опьянения (*напиться до чертиков, чертей мешком ловить*), В.Г. Долгушев ставит в тот же синонимический ряд и фразеологизм *мальчики в глазах бегают* (Долгушев 1998: 111), а Коршунков приходит к выводу, что «черти,

которые видятся пьяному, и чертики-мальчики в его глазах – явно одной породы» (Коршунков 2000: 119).

Мотив отражения проявляется также и в других наименованиях ‘зрачка’, таких как *зеркальце* (Даль 1: 703), *гледельце* (в карельских говорах эта лексема имеет значения ‘зрачок’ и ‘зеркало’) (СРГК 1: 343). О связи зеркала и глаз подробно писала С.М. Толстая (Толстая 1988; Толстая 1994). Глаза и зеркало сопоставляются в загадках, приметах и магических действиях (Толстая 2010: 99). Возможно, мотив отражения в номинации зрачка повлиял также на народно-этимологическое сближение *зреть* и *озерко* (озеро), которое предполагает для этого названия Я. Сятковский (Siatkowski 2012: 64): *Озерко́* ‘зрачок’: «хоть как у человека глаза, а *озерко* у всех черненько. *Озерко*-то самоё, которым глядишь, а по краям – белыш. Молодушку спортил мужик, ткнул пальцем в *озерко*, теперь не видит. В *озерке*-то у тебя человечек показывается» (СПГ 2: 39).

Не совсем ясной представляется этимология такого названия зрачка, как *лунок* ‘зрачок’: «глаз закрыт один, а другой *лунок* вижу» (тихв.) (СРГК 3: 158). С одной стороны, оно может быть связано с *лункой* (в значении ‘отверстие’), с другой – с *луной*, ее светом, блеском. В диалектных словарях встречаются следующие подтверждения этому: *лунить* (*лунеть*) – ‘излучать свет, неярко светиться’: «Зимой идешь: мороз и луна *лунит*»; «Зажжешь пикалку, она немного и *лунит*»; «Утром заря, так говорили: *лунит* зорька. Утром *лунить* стало». У глагола *лунеть* отмечено значение ‘блестеть’ (о глазах): «Все комедили, с кудели-то наладя бороду, одни глаза только *лунят* оттуль. *Лунь* – отсвет, отблеск огня. *Лунь* – свет от огня стал на сарай светить» (пуд.) (СРГК 3: 158).

Вторичные значения слов, обозначающих глаз, зрачок, и их дериватов. Сами лексемы *глаз* и *око*, а также их производные, могут обозначать не только орган зрения. В применении к человеку лексема *глаза* (*очи*) в форме *pl* может означать лицо, перед (так же как *спина* –

‘зад’): «поко́йника ва́ляд *глаза́ми* на сто́к, вот кла́дбишчэ у на́с – сё́ *глаза́ми* на сто́к (восток)» (архнгел.) (АОС 8: 87), аналогично в заговорной формуле произносится «встану я на восток *глазами*» (‘лицом на восток’). Лексема *глаза* также может метонимически обозначать человека в целом (например, во фразеологизмах *глаз не кажет, за глаза, в четыре глаза*). Аналогичные значения имеются и у дериватов с корнем *ok-. Например: рус. диал. *очевидно* ‘в чем-либо присутствии’ (калуж.): «они тут напротив сидели всегда на лавочке, наяву, *очевидно*, на глазах у нас» (СРНГ 25: 60), *очённо* ‘лично’: «пусть *очённо* придет и сам все расскажет» (ср. *говорить о ком-либо за глаза* ‘в отсутствии человека’) (СРНГ 25: 62) представляют собой пример языковой синекдохи, когда часть тела человека, а именно глаза, начинает означать целое – самого человека, его личность.

Далее эта лексема развивает значения, не связанные с человеком, – ‘фасад’, ‘лицевая, передняя сторона чего либо’: «пéчька-то бы́ла в эту сто́рону *глаза́ми*; дере́вня сто́йд *глаза́ми* на ю́к» (архангел.) (АОС 9: 87). В архангельских говорах лексема *глаза* означает также ‘окна со стороны фасада дома’. Следует отметить, что вообще соматическая терминология (в частности, названия частей лица) активно участвует в номинации фрагментов жилища, печи. Например: *глаза* (архангел.) ‘окна на лицевой стороне дома’ (СРНГ 6: 184, АОС 9: 87-88), *веко* (твер.) ‘полка над лавками вокруг избы’ (СРНГ 4: 101), *бровка, бровь* (архангел.) ‘карниз над дверью или над окном’ (СРНГ 3: 183-184), *чело* ‘наружное отверстие русской печи’ (Даль 4: 605), *устье* (печи) ‘топка’ (Даль 4: 514).

«Глазная» терминология принимает участие также во вторичных номинациях, названиях растений и животных (например: *волчий глаз, вороний глаз, павлиний глаз* и т.п.).

То же самое касается и дериватов (прежде всего диминутивов) от корней *ok- и *glaz- в применении к русскому языку и диалектам (ОЛА 2009: 42-43). Данные русских диалектных и литературных словарей

свидетельствуют о том, что диминутивы от слов *око* (*очко*) и *глаз* (*глазок*, *глазик*) подвергаются десемантизации: утрачивают значение уменьшительно-ласкательного наименования глаза (органа зрения) и начинают означать предметы круглой формы или отверстия, сохраняя сему 'небольшой'. При этом стилистические различия между диминутивами *глазок* и *очко* полностью нивелируются. В современном русском литературном языке *очко* имеет среди прочих значение 'отверстие в чем-нибудь: очко улья, очко доменной печи' (Ожегов 1984: 419); *глазок* – 'небольшое круглое отверстие в чем-нибудь (обычно для надзора, наблюдения); почка, срезаемая с растения для прививки; пигментное пятно в окраске насекомых; пятнышко в рисунке ткани' (Там же: 114).

Анализ данных русских диалектных словарей выявляет широкий спектр значений дериватов слов *глаз* и *око*. Сравнительно небольшая часть дериватов с корнем **ok-* сохраняет значения, связанные с семантическим полем «зрение»: например, это прилагательное *безочный* 'слепой, безглазый' (СРНГ 2: 198), сложное существительное *белокон* – прозвище белоглазого человека (череп., новг.) (?) (СРНГ 2: 220). У дериватов с корнем **glaz-* кроме значений, возводимых к понятию глаза как органа зрения, можно выделить следующие значения:

– небольшой (круглый) предмет: *глазок* 'кусочек берегового льда', 'ягода морошки' (карел.), 'незрелая ягода морошки' («незрелую морошку зовут морошкой в *глазках*, *глаза* у ней еще не открыты»), 'стекло очков', 'насечка на весах' (карел.), 'драгоценный камень в ювелирном украшении', 'петля в вязании' (для сравнения – словац. *oko* 'вязаная петля'), 'пестик у цветка' (пск.) (ПОС 6: 176), *глазнички* – 'бусы'; 'малек рыбы' (СГРС 3: 32); ср. словац. *morské oči* (Prievidza) – сорт слив (SSN 2: 191).

– отверстие: *глаз* 'окно на фасаде дома' (архангел.), 'отверстие в доменной печи' (урал., перм.), 'отверстие в центре верхнего жернова'

(алт.); *глаз, глазок* – ‘ячейка сети’ (астрах., пск.), *глазко* – ‘устье печки’, *глазки* ‘отверстия на носу лодки, через которые проходит якорная цепь’ (пск.);

– водоем (отверстие, заполненное водой): *глазник* – ‘омут, топкое место, окно с чистой водой на поверхности зарастающего озера’, ‘яма с водой для вымачивания льна’, *глазина, глазовина* ‘лужа или топкое место на моховом болоте’ (СРНГ 6: 184), *глазок* ‘сосуд, вмещающий небольшое количество чего-либо’ («масинька рюмочка, таким *глазком* пьют») (пск.) (ПОС 6: 177) и т. п.

Лексема *oko* в значении ‘водоем’ встречается и в других славянских языках. Например, словац. *morské oko* ‘высокогорное озеро’ (VSRS 2: 734), пол. краков. *morskie oko* ‘горное озеро’ (Kolberg DW 7: 4; SSSL 1: 390), словен. диал. *oko* ‘затон’ (Lokar 1937: 111; ЭССЯ 32: 41), укр. диал. *воко* ‘углубление в скале, из которого течет вода’ (Марусенко 1968: 222; ЭССЯ 32: 41).

Дериваты с корнем **ok-* представлены в русских говорах в меньшем количестве, чем дериваты с корнем **glaz-*. Диалектные словари, приводя лексемы с корнем **ok-*, как и словари литературного языка, в качестве иллюстративных примеров используют фразеологизмы, устойчивые сочетания (*в мгновение ока; всевидящее, недремлющее око; как око трястись над кем-либо; с очей не спускать*), фрагменты фольклорных текстов (песен, сказок, былин, причитаний), которые в силу своих жанровых особенностей сохраняют архаичные структуры языка. Например: «А *в очах* же детинушка завирается, а напился детина зелена вина»; «Называньице было тебе *очимое*, похвала тебе всегда да *позаочная*»; «Дайте *в очи* видети кручинную матушку»; «Увидала его баба-яга и говорит: доселева русского духа слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне русский дух *в очью* проявляется!»; «Мышка *очки* заела» (говорят, когда ребенок после сна с трудом открывает глаза) (смол.) (СРНГ 23: 131); в малых жанрах фольклора –

пословицах и поговорках («Видит *око*, да зуб неймет»; «Видели *очи*, что брали к ночи»; «Кривое *око* видит далёко»; «*В глаза* лестью льстят, *за очью* поедом съестъ хотят»; «Не хвали меня *в очи*, не брани *за глаза*»; «Недоглядишь *оком* – доплатишь *боком*»; «Ни ухом, ни рылом, ни *очми*, ни речми») (Даль 2: 686). В приведенных примерах лексема *око* употребляется в стилистически нейтральных (наравне с лексемой *глаз*) или даже в стилистически сниженных контекстах.

Лексика, связанная с семантическим полем «зрение», имеет также тенденцию к обозначению ментальных состояний человека – знания и понимания (об этом подробнее см. раздел 3.1, параграф «Видеть и знать»). Так, например, слово *очевидный* приобрело значение ‘понятный, ясный’.

Диминутивы, производные от *ока*, как и диминутивы от *глаза*, часто выступают в значениях, не связанных с исходным семантическим полем «зрение», при этом значения диминутива *очко* (*очко*) практически совпадают со значениями диминутивов *глазик* (*глазок*), обозначая ‘небольшой круглый предмет’ или ‘отверстие’. Еще в словаре И.И. Срезневского слово *очько* отмечено в значении ‘круглый значок, точка’ (в применении к графическому знаку для обозначения крюковых нот), *очьце* ‘яблочко гранатное’ (Срезневский 2а: 849-850). Словарь русских народных говоров дает следующие значения диминутивов: *очёк* ‘ячейка рыболовной сети’ (смол.), отсюда *очковая* рыба – ‘рыба, которая проходит через ячейку сети’ (СРНГ 25: 60), *очки* ‘петли чулка’ (смол.), *очко* ‘петля на конце чалки – веревки для привязывания судна к берегу’ (Там же: 70). Следует отметить также, что слово *очи* (аналогично ср. *глазки*), может выступать в качестве термина: *очи царские* ‘лекарственное растение, употреблявшееся от сглаза и для «одоления врага»’ (СРНГ 23: 131). Ср. *васюткины глазки*, *веселые глазки*, *анюткины глазки*.

В русских диалектах и литературном языке наблюдаются два взаимонаправленных процесса: слово **glaz*, некогда означавшее круглый

камешек, по внешнему признаку формы начало означать глаз, орган зрения. С другой стороны, **oko*, будучи словом, исторически означавшим орган зрения, развило переносные значения и стало применяться по отношению к круглым предметам, напоминающим по форме глаз. В русских диалектах производные с корнем **glaz-* более многочисленны и шире распространены, чем дериваты с корнем **ok-*, что неудивительно, так как именно лексема *глаз* продолжает жить в современном языке и говорах, вытеснив бывшее ранее нейтральным, но устаревшее слово *oko*. Впрочем, *oko* не исчезло из языка совсем, оно заняло свою нишу – укоренилось в книжной, поэтической лексике возвышенного стиля. Так, продолжая традиции церковнославянской и поэтической речи, корень *-ок (-оч)* живет в литературном языке и говорах в «книжных» словах, развивая переносные, «духовные», значения, противопоставленные прямым, «телесным». Ср. в русском языке прилагательное, образованное от **glaz – глазной* ‘относящийся к глазам’, тогда как *очный* ‘связанный с присутствием человека’, *очевидный* – не **‘видный, наглядный, заметный’*, а ‘понятный’; в то время как в других славянских языках прилагательное от **oko (очный, вочный)* имеет прямое, «телесное», значение ‘глазной, связанный с глазами’: белорус. *вочная* хороба ‘глазная болезнь’, болг. *очен* лекар, *очебиен* ‘тот, который бросается в глаза’.

Лексемы, означающие зрачок, могут параллельно иметь такое значение, как ‘зеркало’ (например, *гледельце, зеркальце*, см. выше, с. 39). В других славянских языках, например, сербском, лексема *зеница* ‘зрачок’, развивает вторичные значения, связанные с оценкой – ‘то, что важно, существенно’, ‘суть дела’, ‘самое дорогое’: ‘нешто најдрагоценије, што се најбрижљивије чува’ (РСКЈ 2: 301; РСКНЈ 7: 12). Аксиологическое значение зрачка выражено также в фразеологизме библейского происхождения *сохранити яко зеницу ока*: рус. *беречь как зеницу ока*, болг. *пазя го ката зеницата на окото си* (Галанова 2011:

284), словац. *zachovat', opatrovat', ostrihat' koho ako zretedlnicu / zrete(d)lničku oka svojho* (HSSJ VII: 391-392), *paziti na koga kot na zenico svojega očesa* (SSKJ s.v. Zenica).

1.2. Глаза в народных представлениях

Глаза в системе ценностей. Высокий ценностный статус глаз (и зрения) нашел отражение не только во фразеологии и языке, но также и в традиционной народной культуре. При этом аксиологическое значение глаз обусловлено именно их функцией – зрением. Мотив ценности глаз встречается в фольклорных текстах различных жанров. Например, в заговорах он присутствует в одной из формул: «Как *глаза бережет* раб Божий (имя), так и меня, рабу Божью (имя) чтоб берег. Как раба Божья *не может без глаз жить*, так и без меня раб Божий не мог жить. Аминь» (Аникин 1998: №815). Глаза представляются наиболее уязвимым органом, о котором нужно заботиться, беречь с особой тщательностью. В заговоре забота о зрении берет на себя роль прототипа: она выступает как эталон заботы, внимательного и бережного отношения к объекту, по образцу которого парень должен заботиться о девушке. Глаза представляются как неотъемлемый орган человека, что также «эксплуатируется» в заговорных текстах (особенно это характерно для заговоров любовной тематики): «Когда *от лоба глаза отстанут*, тогда раб Божий от (имя) отстанет» (Там же: №816).

Жанром, в котором особенно ярко проявляется аксиологический статус глаз (и зрения), являются клятвы (божба) и проклятия. У русских широко известны такие формулы «самопроклятий» (божбы), как: *лопни мои глаза, чтоб мне ослепнуть, света Божия не видать, век света не видать*; проклятия: *глаза б мои на тебя не глядели* (ср. серб. *не видео те више* [чтобы я тебя больше не видел], причем эта формула иногда заменяется на *не било те* [чтобы тебя не существовало]). У поляков встречаются проклятия *A żebyś oślep! Bogdaj ci ślepie wylazły!* [Чтоб бы

ты ослеп! Дай Бог, чтобы у тебя зенки вылезли!]) (Engelking 2000: 249). Особенно многочисленны и разнообразны проклятия, связанные с глазами, у южных славян. Разумеется, повреждение глаз подразумевает под собой слепоту проклинаемого.

На глаза проклинаемого призываются различные болезни: «Бабки да му излѣзати на *очитѣ*» [Чтоб у него на глазах болячки выскочили] (Дабева 1934: 30). «Бѣлка те изѣла, па *вѣдело да не вѣдши*» [Чтоб тебя боль заела, чтоб ты света не видел] (Златковић 1989: 12). Проклинающий желает, чтобы у адресата глаза вылезли из орбит и стали выпученными как у жабы: «Да му се *опулять очитѣ катю на жаба*» (Дабева 1934: 32). Нередко в проклятии содержится пожелание, чтобы глаза проклинаемого побелели, т.е. чтобы на его глазах появилось бельмо: «Изашла ти *бијела на очи дабогда*» [Бельмо тебе на глаза, дай Бог] (Марковић 2000: №826). «Побѣлѣла ти е косата, ама и *очитѣ да ти побѣлѣятъ*, да даде Господь» [Чтобы волосы твои побелели, пусть и глаза твои побелеют, дай-то Бог] (Дабева 1934: 45).

Во многих проклятиях высказываются пожелания, чтобы глаза адресата были выколоты острыми предметами: «Търне *очитѣ* ти извале» [Пусть тебе терновые колючки выколуют глаза] (Дабева 1934: 46). «*Очитѣ ти на вилица* да вида да ти ги извадатъ» [Чтобы я твои глаза на вилке увидел, как их вытащат] (Дабева 1934: 45). Ущерб глазам может быть причинен и с помощью едких веществ, например, лукового сока: «Лукъ да си маже *очитѣ*» [Луком пусть себе мажет глаза] (Дабева 1934: 37), соли: «Сѣлат вернѣла, *очи* да вѣј се посѣле» [Соль рассыпала, чтобы ею глаза себе посолил!] (Златковић 1989: 10). Упоминание соли («соль тебе в очи») часто встречается в приговорах от дурного глаза у восточных славян, у сербов распространены аналогичные формулы, в которых фигурируют чеснок и лук.

Глаза проклинаемого должны быть повреждены каким-либо животным (обычно кошкой) или птицей (орлом, вороном, сорокой): «Ега

мачке *очи* да ти издеру» [Пусть у него кошки глаза выцарапают] (Дабева 1934: 43). «Гавран ти *очи* извадио дабогда!» [Ворон пусть ему выколет глаза, дай Бог] (Марковић 2000: 27). «Сврака *очитъ* да му изкъца» [Да выключает ему глаза сорока] (Дабева 1934: 46). Глаза прокливаемого могут уничтожить насекомые: «Оситъ да му изпиять *очитъ*» [Пусть осы выпьют ему глаза] (Там же: 45). Часто в качестве «причинителя вреда» глазам выступают змеи: «Змија ти *очи* истерала!» [Змея бы тебе глаза выела]. «Боловао девет годиница, кроз кости ти трава изничала, у трави се љуте гују легле, дабогда ти *очи* извадиле!» [Чтобы ты болел девять лет, сквозь твои кости чтоб трава проросла, в траве чтобы ползали лютые змеи, и чтобы они тебе выцарапали глаза!] (Марковић 2000: 22). Представление о том, что змеи в могиле выпивают глаза покойника, причиняя ему страдания, отражено в верованиях и фольклоре южных славян.

В качестве субъектов, вредящих глазам, выступают высшие силы. Это может быть Бог: «Бог ти *очи* замаглио!» [Бог пусть тебе глаза затуманит] (Там же: 21). «Извадио ти Бог *очи*, да те *слепа* воде по народу!» [Чтоб тебе Бог глаза вынул и слепую водил среди людей] (Марковић 2000: 46), «Бог нејé врана па да ти одједнуш ископа *очи*» [Бог не ворона, но тебе однажды выколет глаза] (Златковић 1989: 11). В качестве силы, дающей и отнимающей глаза (зрение) упоминается также дьявол: «Отъ гяволо *очи* да сака и да нѣма да му даде» [У дьявола глаз пусть просит, и чтобы он ему не дал] (Дабева 1934: 45). Причинить ущерб глазам адресата могут мифологические персонажи, например, вилы: «Вили му *очи* изболи» [Чтобы вилы ему глаза выкололи] (Там же: 40). Способы повреждения глаз описываются часто образно и эмоционально, что обусловлено особенностями жанра проклятия: «*Очитъ* да му изпръснать како на пражайка» [Чтобы у него глаза выскочили из орбит как во время жарки (как у жареного)] (Дабева 1934: 38). «*Очитъ на тило* да му стоять» [чтобы ему вывернуло глаза на

затылок] (Там же: 55).

Пожелание слепоты в проклятиях – один из наиболее часто встречающихся мотивов, наряду с пожеланиями других телесных повреждений. Зеркальным ему является пожелание быть невидимым. Слепота и невидимость при этом могут восприниматься как буквально, так и в переносном смысле. Помимо утраты физического зрения, слепота также означает смерть, небытие; то же самое можно сказать и о невидимости. «Зрительный» код (пожелание слепоты и невидимости) является одним из способов реализации темы пожелания смерти, одной из центральных тем в проклятиях. Связь мотива глаз и темы смерти в проклятиях выражается также в аллюзиях на фрагмент похоронного обряда, когда покойника погребают и засыпают могилу землей, что переосмысливается как «засыпание глаз землей». «Лопата *очитъ* да те зарие» [Да зароет лопата тебе глаза] (Дабева 1934: 15). Также встречаются аллюзии на обычай во время похорон бросать горсть земли в могилу. «Да даде Господь единый часъ по-скоро да ти хвърля една ржка земя на *очитъ*» [Пусть Господь Бог даст, чтобы я бросил тебе пригорошню земли на глаза] (Там же: 5). Сам факт, что тема глаз особенно широко представлена в жанре проклятий, свидетельствует о высоком аксиологическом статусе зрения в традиционной системе ценностей. Глаза наделяются особыми свойствами, как орган, через который осуществляется зрение.

Глаза и макрокосм. Представления о своем теле человек экстраполирует на вселенную и ее фрагменты. Поэтому части тела человека оказываются связанными с различными явлениями природы. Для народной антропологии характерно представление о происхождении глаз человека от небесных светил. А.Н. Афанасьев рассуждал об этом следующим образом: «...Понятно, почему очи получил человек от солнца: оно освещает все и дает возможность различать предметы (ср. *виднетъ* (кур.) ‘рассветать’)» (Афанасьев 1996: 20). Согласно народному

антропогоническому преданию, происходит «от земли тело [человека], от моря кровь, *от солнца очи*, от камня кости, от облак мысли, от ветра дух, от света свет, от Святаго Духа разум» (казан.) (Зеленин 1915: 567). Глаза сопоставляются со звездами в русской загадке: «Две звездочки маленькие все поле мне светят» (кур.) (Садовников 1876: 221). У поляков и лужичан запрещалось пересчитывать звезды на небе, что мотивировалось опасением «выколоть Богу глаз» (Кабакова 2012: 47). Глаза сами могут мыслиться, как светящиеся объекты, то есть свет поступает не извне, источник света расположен внутри глаза (ср. рус. диал. *тёмный* 'слепой'). У балканских народов бытует представление, что в глазах расположены светонесные жилы («жили на светлостта»), и если они разорвутся, зрение будет навсегда утрачено (Галанова 2011: 284). Глаза живого человека испускают свет (ср. *глаза блестят, глаза светятся, горящий взгляд*), у мертвого глаза *меркнут* (*свет теряется, потухший взор*) (Левкиевская 2009: 566). С другой стороны, небесные светила уподобляются глазам: в мифологических текстах они выступают в качестве глаз божества, или же сами светила представляются божествами, обладающими глазами (подробнее см. раздел 3.2, параграф «Зрение и свет»).

Глаза также обнаруживают связь с водой. Согласно наивным языковым представлениям и народным верованиям, глаз выступает как жидкая субстанция. Подобное предположение можно сделать из косвенных свидетельств о том, что глаз можно «выпить», «высосать», он может «вытечь». Свидетельство этому встречается и в текстах болгарских проклятий: «Да му *изтекатъ очитъ*» [Чтоб у него глаза вытекли] (Дабева 1934: 41). «*Истекле ти очитъ*» [Пусть у тебя вытекут глаза]. «*Капнали му очитъ*» [Чтобы у него глаза капля по капле вытекли] (Там же: 44). Глаза «выпивают», «высасывают» птицы, осы, змеи. «*Змии ти очитъ изпили*» [Пусть змеи твои глаза выпьют] (Там же: 15). Представление о глазах как жидкости (а также о связи света и глаз)

находит подтверждение в ю.-слав. легендах о змее и солнце, повествующих о выпивании змеей солнечного света. Болгары рассказывают, что змея высосала один или несколько глаз солнцу, которое некогда имело два (или множество) глаз. В Босанской Краине и Лике выпитое змеей солнце, которое иногда зимой можно увидеть сквозь облака, называется «слепым солнцем» (Гура 1997: 283). На Балканах существует представление, что сам глаз может пить, поглощать (ср. рус. фразеологизм *есть глазами*). В болгарском фольклоре глаза сопоставляются с водными источниками: *«очите са тако извори»* (Галанова 2011: 284). В русской загадке глаз уподобляется морю: «Пал дуб в море; море плачет, а дуб нет» (пск.) (соринка в глазу) (Садовников 1876: 222). У балканских народов распространены легенды о возникновении водоемов и источников в тех местах, куда «упали» глаза невинно убитых людей, или из глаз самодив, которых повергли эпические богатыри (Галанова 2011: 286). Косвенным признаком, свидетельствующим о связи глаз и воды, является языковая метафора: например, глаза (взгляд) могут *помутиться* (рус.) (мутной, непрозрачной, может быть жидкость или стекло – нечто в норме прозрачное).

В представлении о глазах как о жидкой субстанции, очевидно, не последнюю роль сыграла связь глаз со слезами (см. фразеологизмы *выплакать все глаза, глаза на мокром месте*). Ср. в рус. загадке: «Кругло, горбато, около лохмато; придет беда – потечет вода» (самар.) (Садовников 1876: 221-222). Именно вода занимает важное место в лечении глазных болезней, а также болезней, причиненных с помощью взгляда (*сглаза*). Например, польский гурал, прогоняя скот через бегущую воду, закапывает ее скотине в глаза (Barthel de Weydenhtal 1921: 44). У всех славян практикуется умывание проточной водой, чтобы обеспечить ясность зрения. Лечение глаз водой может быть обусловлено таким свойством воды, как прозрачность (рус. диал. *зрячая вода*

‘прозрачная вода’ – СРНГ 11: 351): соприкасаясь с глазами, вода смывает с них все препоны, препятствующее видению, и магическим образом наделяет их острым зрением. Болезнь глаз, слепота называется *темная вода*: с.-рус. *темная вода подступила*, сибир. *в глазах темная вода разлилась*, с.-рус. *глаза вытекли* (Кабакова 2012: 46).

Глаза, как орган и часть человеческого тела, соотносятся не только с природными объектами, но и с объектами, созданными руками человека, например, с жилищем, которое, в свою очередь сопоставляется как с человеком, так и с внешним миром. Как отмечает Т.В. Цивьян, «с одной стороны, дом принадлежит человеку, олицетворяя вещный мир человека. С другой стороны, дом связывает человека с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека» (Цивьян 1978а: 65). Это объясняет языковые и символические «перекодировки между частями человеческого тела, элементами космоса и деталями дома» (Байбурин 1983: 11). В частности, модель человеческого тела проецируется на дом и его фрагменты, при этом глазам соответствуют окна. Выше упоминалось этимологическое родство лексем *око* и *окно*. Логически это объясняется тем, что через окна в дом проникает свет, они, так же как и глаза, дают возможность видеть, различать предметы (ср. болг. *prozoreц*, серб. *prozor* ‘окно’ – от **zьreti*). Подобно окнам, глаза мыслятся как отверстия (ср. соответствующие значения слов *глазок*, *очко*, о которых речь шла выше). Болгары полагают, что «*окото е като прозорец* и при заболяване получава перде» [Глаз как окно, во время болезни его заслоняет завеса] (Галанова 2011: 284). Значение ‘отверстие’ подтверждается этимологией таких лексем как *зеница*, *зенки*, восходящих к **zijati*, **zinoti* ‘раскрывать проход в пустое пространство’ (Черных 1: 324). Глаза сопоставляются с жилищем и окном в рус. загадке: «Стоит палата, кругом мохната, одно *окно* и то мокро» (волог.) (Садовников 1876: 222). Соответственно, окна представляются «глазами» дома. Согласно украинской легенде, первый

дом был создан без окон, и чтобы осветить свой дом, женщина пыталась наносить решетом внутрь солнечного света. Тогда ангел прорубил в хате окно, а чтобы в доме не было холодно, закрыл его рыбьим пузырем (Булашев 1909: 164). Согласно другой этиологической легенде, первый дом построил сатана (или Бог и сатана вместе), но окна в доме прорубил Бог (Чубинский 1: 100). Таким образом, появление в доме окон («глаз» дома) связывается с действиями светлых сил – Бога и ангелов. Подобно тому как глаза мыслятся неотъемлемой частью тела человека, окна представляются необходимой частью человеческого жилища, которому противопоставляется нежилое «жилище» покойника – гроб – дом без окон. Ср. в причитании: «Што вы деете холодную хоромину – не мшёную; Не обнесены брусовы белы лавочки, Не прорублены косевчаты окошечка, Не врезаны стекольчаты околеники» (Причитанья 1: 94).

Глаза в народной анатомии. Глаза в системе органов человека выступают как орган, непосредственно связанный с душой, как материальное отражение нематериальной сущности человека. В данной роли с глазами конкурирует только *сердце*, которое в языке может выступать как синоним *души* (Урысон 2003: 21-27). При этом сердце и душа могут быть «зрячими» и «слепыми», душа может обладать глазами (пол. *widzieć kogo / co oczami duszy* [видеть кого / что глазами души] (НКРР I: 507)). Ср. в сказке «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь» (Экзюпери 1963: 72).

Связь глаз с душой иллюстрирует не только русское выражение «глаза – зеркало души», но и традиционные представления о том, что глаза (иногда зрачок глаза) являются органом, в котором локализуется душа, после смерти человека душа покидает тело через глаза. Поляки Силезии считали, что душа пребывает в глазах, в момент смерти у человека лопаются (*pękają*) глаза и таким образом выходит душа (Moszyński 1967: 594); после смерти душа в виде слезы выкатывается из

глаз покойника: «...stary wieśniak żywiecki twierdził, jakoby ludzie tak oto mówili: „Jak człowiek umrze, to z oka wyjdzie łza i to jest dusza, która wyszła z ciała”» (Там же). В Полесье считали: «душа вышла – выйде дыхание, дыхне два раза, *слёзы выкатят з очей*; так само и у скотины» (ПА, Стодоличи Лельчиц. р-на Гом. обл.) (Толстая 2000: 65). На Карпатах также полагали, что душа покидает тело через глаза: «Душья при смерти виходит очима. Єк чоловік послідний раз *глипне очима*, то й душья у ті минуткі виходит» (Гнатюк 1912: 305). В представлении русских крестьян, после смерти лопались глаза колдуна (в результате мучительного расставания души и тела): «лежит мертвый: *глаза выворочены, язык вырван и брошен*» (Власова 1995: 158).

Глаза как на языковом уровне, так и в традиционных народных представлениях, тесно связаны со смежными частями лица, такими как брови, ресницы и веки. Ср. рус. *опустить (потупить, поднять) глаза*, где речь идет скорее не о глазах, а о веках. Все эти соматизмы составляют своеобразный комплекс, доминантой которого выступает глаз. Бровям, векам и ресницам уделяется гораздо меньше внимания в языке и верованиях, их номинация довольно бедна по сравнению с номинацией глаза или зрачка. В русских диалектах *веки* и *ресницы* иногда смешиваются на лексическом уровне: например, ресницы называются *веками* (архангел.) (СРНГ 4: 101). Лексема *веко* имеет значение ‘крышка от чего-либо’ (аналогичную функцию веко выполняет и в организме человека, закрывая и предохраняя глаз от внешнего воздействия). Согласно объяснению А.Н. Афанасьева, именно глаз как чудесная сущность, связанная по своему происхождению со звездами, стал причиной того, что окружающие его компоненты получили «чудесное значение» (Афанасьев 1996: 237).

В структуре глаза народное сознание особенно выделяет зрачок, который является его центром, основной составляющей. Зрачок в народной культуре обладает особыми свойствами, например, например,

по форме зрачка животного можно определять время: гуцульские пастухи овец, желая в пасмурный день определить, не наступает ли уже вечер и не пора ли гнать стадо на место ночлега, смотрят в зрачки овец и коз. Если зрачок имеет круглую форму, это означает, что дело идет к вечеру и пора возвращаться, а если зрачок продолговатый, значит еще рано. В Польше в некоторых селах с такой же целью смотрят в зрачки кошки (Moszyński 1967: 134-135). На белке глаза внимание не акцентируется. Как и в литературном языке, в русских говорах номинация белка связана, прежде всего, с его цветом: *белоши* (челяб.), *белуток* (пск.), *белушина*, *белыш* (волог.), *бель* (волог.) (СРНГ 2: 227, 228). Иногда часть глаза (белок) может метонимически обозначать глаз целиком, особенно в экспрессивных контекстах: *от белоши-то выставила* (СРНГ 2: 227).

Роль глаз в социальных характеристиках человека. Глаза играют немаловажную роль в описании внешности человека (и животного). Известен широкий круг лексики, характеризующей человека с точки зрения размера, формы, цвета и строения его глаз, например: *большеглаз* (пск.), *буркалостый* ‘с большими глазами или с глазами навывкате’; *темноглазый*, *белоглазый*, *голубоглазый*, *кривак*, *косыга* (Бахвалова 1996: 193-194), или манеры смотреть: *вестеглазый* ‘с бойкими, бегающими глазами’ (архангел., пск.), *быстроглазый* ‘бойкий, смелый, находчивый, дальнзоркий’ (ворон.), *верхогляд* (якут.), *Вася-мигало*, *вертоглазик* (орл., ленингр.), *вертоглазый* (ленингр.). Об оценках внешности человека см. также в словаре (Богуславский 1994).

Глаза, согласно народным верованиям и языковым представлениям, наделяются свойством содержать в себе и отражать, как в зеркале, информацию о субъекте-носителе. Способность глаз отображать внутренний мир человека является следствием взаимосвязи глаз и души, о которой шла речь выше. Например, глаза могут быть *пьяными*, *бесстыжими*, *веселыми*, *честными*, *открытыми*, *лживыми* и

т.д. (в данном случае трудно утверждать наверняка, идет ли речь здесь о глазах или о взгляде), в описании глаз используются атрибуты, которыми в реальности обладает субъект. В глазах собеседника можно «прочитать» что-то: «Я прочитала в глазах женщины неподдельную гордость за поступок мужа; Лидия прочитала в глазах девочки сиротскую тоску, одиночество в пансионе» (НКРЯ). Иногда глаза могут «лгать», то есть сообщать о субъекте ложную информацию: «Ее глаза лгали даже ей самой»; «Но глаза смотрят спокойно и холодно, глаза лгут» (НКРЯ). В традиционной народной культуре глаза могут сообщать о субъекте и более специфическую информацию, но распознать ее может не каждый: например, в польском Поморье, чтобы определить честность невесты, заставляли ее посмотреть в глаза медведю. Если невеста оказывалась не девственницей, медведь давал знать рычанием (Гура 1997: 168). В данном случае прочитать по глазам информацию о субъекте может мифологический персонаж, или животное, наделенное сверхъестественными способностями.

Глаза живых и глаза мертвых. В традиционных представлениях много внимания уделяется тому, что происходит с глазами человека после смерти. Особое место занимают действия, которые производят с глазами покойника в ходе похоронного обряда. Во время пребывания покойника в доме вплоть до погребения родные пристально следят за тем, чтобы глаза умершего были закрыты. Чтобы глаза покойного случайно не открылись, в различных славянских традициях известен обычай класть на них монеты (на один глаз вверх орлом, на другой – решкой, пол.), черепки (хорв.), белый платок (словен.) (СД 2: 57; Толстая 2009: 113). Во многих сербских областях умершего накрывали полотном сразу, как только закрывали ему глаза; нередко это делали с наступлением ночи (Плотникова 2009а: 526)⁴. Македонцы остерегались

⁴ Обычай накрывания глаз умершего полотном был зафиксирован и у русских Нижней Печоры (Республика Коми): «на глаза платно надеть – выкраивают платно, чтобы только голову накрыть,

смотреть в лицо и глаза покойнику (Ристески 1998: 244). Особенности предосторожности следовало соблюдать, если у покойника подозревали наличие двух душ: на украинских Карпатах такого покойника хоронили, набив ему рот и глаза боярышником (СД 1: 243). Согласно представлениям болгар, открытые глаза покойника являются признаком того, что умерший станет после смерти вампиром (Левкиевская 1995: 284). В Лесковацкой Мораве, чтобы покойник не стал вампиром, ему лили воду от только что сваренной кутьи и горячее вино в глаза, уши и рот (СД 1: 373). В Болгарии в таких случаях засыпали рот, уши, глаза песком (Толстая 2009: 114). У поляков покойнику, в котором подозревали вампира, при похоронах глаза завязывали платком, чтобы лишить его возможности вредить живым после смерти. Как символическое закрывание глаз покойного может трактоваться и обычай выпивать за упокой его души: у чехов, среди других формул-приглашений на поминки, отмечено выражение «приходите залить глаза» покойному (*zalit mi oci*) (СД 4: 165). В данном случае глаза выступают не как орган зрения, а как канал, отверстие, через которое покинувшая тело душа может вернуться назад. Закрывание глаз покойного, равно как и закрывание других отверстий на теле умершего (ушей, рта) или за его пределами (дверей в доме, ворот на кладбище и пр.) в ходе похоронного обряда, должно было препятствовать превращению души в опасного демона. Очевидно, что открытые глаза (и открытый рот) покойника оценивались негативно как для живых, так и для самого покойника.

Открытые глаза покойника выступают как дурная примета, предвестие еще одной смерти в доме или по соседству, так как умерший «высматривает» следующего покойника. Если у покойника, хозяина

потом кладут на лицо, все попрошшаются, уже на кладбище, тогда кладут на лицо. Это на глаза полотно надевают. Потом крышку кладут и опускают в землю» (ФСРГП).

дома, приоткрыт правый глаз или правая нога кажется длиннее левой – умрет еще кто-либо из домашних, в противном случае (приоткрыт левый глаз и левая нога длиннее) умрет кто-либо из села (Босанская Краина) (СД 1: 385). Согласно русскому поверью, если незакрытые глаза покойника обращены к входной двери, то в доме будет еще умерший (СД 2: 29). Чехи полагали, что если у покойника остается открытым правый глаз, то следующим в доме умрет кто-то из мужчин, если левый – то умрет женщина (СД 3: 557). У балканских славян незакрытые глаза умершего могут свидетельствовать о том, что он отошел в мир иной с неисполненными желаниями (болг., серб.) (Галанова 2011: 289). Так, несоблюдение некоторых запретов и предписаний грозило человеку тем, что после смерти у него будут открыты глаза (это расценивалось как плохая посмертная участь): после выпечки хлеба в печь бросали несколько поленьев, иначе у человека, оставившего печь пустой, после смерти будут открыты рот и глаза (СД 4: 146). В Орловской губ. не разрешалось перед трапезой класть ложку «вверх лицом», иначе умрешь с раскрытым ртом и глазами (Топорков 1991: 196). Характерным в этом смысле представляется болгарское проклятие: «Да те видя *облъщенъ* (умрѣль съ *несклонени очи*)» [Чтобы я тебя увидел с выпученными глазами после смерти (чтобы ты умер с незакрытыми глазами)] (Дабева 1934: 9). Открытые глаза покойника представлялись каналом, по которому можно было «связаться» с умершим. Если кто-то был виноват перед покойником, то для того, чтобы вступить с ним в контакт и попросить прощения, нужно было открыть глаза умершего: «В случае невольного убийства виноватый кланялся покойнику, открывал ему глаза, просил простить, затем закрывал их и менялся с мертвым крестами» (Новичкова 1995: 381).

В верованиях южных славян значительное место уделяется тому, что происходит с глазами умершего в могиле. По некоторым поверьям, глаза мертвеца лопаются в могиле на сороковой день (болг. *се пукват*

очите). Сербы полагают, что глаза покойника в могиле выпивает змея на третий день после погребения (Гура 1997: 286-287). После того, как глаза покойного супруга будут выпиты, вдове разрешается вступать в повторный брак (Галанова 2011: 286). В болгарских и македонских балладах умершая девушка жалуется, что змея свивает гнездо в ее волосах, пожирает ее лицо и высасывает глаза, причиняя ей мучения (Беновска-Събкова 1992: 19). На юге Болгарии существует поверье об особом могильном уже (*гробна змия*), который обитает под землей и питается глазами мертвецов. Сербы Алексинацкого Поморавья верят, что глаза мертвым выедает паук, поэтому пауков необходимо убивать (СД 3: 646). Мотив уничтожения глаз змеей нашел отражение и в южнославянских проклятиях: болг. «Ега му змии очи изпиять!» [Пусть змеи выпьют ему глаза!] (Дабева 1934: 13), серб. «Змија га у очи запунула!» [Чтоб ему змея в глаза дунула!], «Змија му очи испила!» [Змея бы ему глаза выпила!] (Марковић 2000: 44). Такие проклятия можно трактовать как завуалированное пожелание адресату проклятия смерти и злой посмертной участи – в том числе, посмертной слепоты и темноты (подробнее об этом см. в 3 главе).

1.3. Норма и аномалии глаз в языке и культуре.

Согласно традиционным верованиям, глаза представляют собой часть тела и орган зрения не только человека и животного, глаза есть и у демонов. При этом представления о глазах животных во многом сходны с представлениями о глазах демонов. Глаза (а также взгляд и зрение) мифологического персонажа отличаются от глаз человека по разным признакам. Иногда необычные глаза становятся основанием для причисления существа к демонам, или, по крайней мере, сигнализируют о наличии у их обладателя особых способностей. С другой стороны, глаза выступают как маркер, по которому можно опознать персонажа, разглядеть его истинную сущность. Это становится особенно

актуальным, когда мифологический персонаж предстает в антропоморфном или зооморфном облике («нечеловековатый – нечистый дух... может принимать облик человека, но в то же время он всегда чем-то отличается от людей, „нечеловековат”» – Власова 1995: 253). По определению Т.В. Цивьян, «под не-человеком понимается существо, внешне полностью совпадающее с человеком и отличимое от него лишь в специальных диагностических контекстах, которые, однако, выявляют их полную противоположность по существу / сути» (Цивьян 2000: 178). Антропоморфный облик характерен для мифологических персонажей, находящихся на периферии демонологической системы (то есть персонажей, которые изначально, по своей природе, были людьми, но перешли по тем или иным причинам в разряд мифологических существ). К таким персонажам можно отнести прежде всего колдунов и покойников. Для них верования, связанные с особенностями внешнего облика (в том числе глаз), особенно актуальны, так как именно этих персонажей в силу их сходства с человеком, необходимо ему противопоставить.

С глазами как маркером, позволяющим различить человека и нечеловека, могут сравниться только ноги. Например, в известном сюжете мифологических рассказов покойник приходит к живым в антропоморфном облике, его принимают за настоящего человека до тех пор, пока кто-нибудь не взглянет на его ноги: «и когда она посмотрела на ноги-то, то увидела, что они мохнатые какие-то, а не его собственные». (ВФМ: № 151). Глаза и ноги выступают параллельно в паре *слепой – хромой*. Эти обе характеристики могут фигурировать в качестве признаков мифологического персонажа, свидетельствовать о его «змеиной природе» (Успенский 1982: 89), «показателями демонической сущности часто выступают признаки телесных аномалий» (Виноградова 2000: 118). Ср. также семантику славянского *-*kriv-* (*кривой*), которое по отношению к человеку может означать как ‘одноглазый’ (рус.), так и

‘хромой’ (укр., белорус., пол., словац., болг., макед., серб.) (Толстая 1998а; СД 2: 674; Якушкина 2002).

Л.Н. Виноградова отмечает, что «в наборе признаков, характеризующих человека, основным является понятие нормы, присущей для внешнего вида и поведения носителей „своей” культуры, а отличительные особенности, характеризующие сферу „чужого”, определяются как нарушение нормы... Для исследователей народной культуры большой интерес представляет вопрос о том, что именно в системе ценностей традиционного общества причислялось к признакам, отличающим человека от мифологических персонажей (не-человека)» (Виноградова 2000: 118). Составить представление о норме можно только исходя из знания о том, что есть аномалия, потому что норма значительно реже фиксируется в народных верованиях, в то время как аномалия всегда находится в центре внимания. Соответственно, нормой является то, что не входит в круг аномалий.

Глаза демонов и колдунов. В народной демонологии «лицо мифологического персонажа, наряду с другими частями тела, – знак принадлежности к „иному миру”, отражающий ущербность и неполноценность нечистой силы» (СД 3: 124). Соответственно, в число аномалий входит, с одной стороны, отсутствие какого-либо компонента глаза – ресниц, бровей, век: «У кого нет ресниц, тот считается чертом или во всяком случае подозрительным человеком, так как “у нехорошего нет ресниц”» (Иваницкий 1890: 120). Поляки считали, что человек без бровей «нехороший» (*niedobry, to jest już nie człowiek*), в некоторых районах Польши отсутствие бровей приписывалось упырям (Moszyński 1967: 607-608). Русские крестьяне полагали, что черный младенец с глазами навывкате, без век, с копытами на ногах рождался от союза женщины и огненного змея (симбир.) (Власова 1995: 156).

С другой стороны, отклонением от нормы может считаться избыточность какого-либо признака (избыточность вообще является

характерной чертой демонов – ср. волосатость, громкий голос, огромный рост). Густые, иногда сросшиеся на переносице, брови характеризуют южнославянскую вештицу (ведьму) (Виноградова 2000: 238). «Человеку с густыми сросшимися бровями приписывают необычайное могущество: он колдун и может высылать из своих бровей на врага какое-то демоническое существо» (Афанасьев 1996: 237). Нависшие над глазами мохнатые брови использовались и в святочных масках для создания облика демона (СД 3: 192). Демоническим признаком являются огромные длинные веки: так в Полесье смерть описывается как чудовищная женщина с огромными веками (Гура 2012: 133; СМ: 90-91). Ресницы мифологического персонажа, как и его глаза, могут представлять опасность для человека. Например, ресницы ведьма использует для наведения порчи: у польских поморов ведьма ночью кропит своими ресницами посева и тем самым делает жито непригодным (Stelmachowska 1933: 168).

Еще одной характерной приметой демонических существ являются закрытые глаза. Это касается, прежде всего, персонажей, генетически восходящих к душам умерших (русалок и др.). Закрытые глаза воспринимаются как признак «покойницкой» природы существа (о зрении этих персонажей см. раздел 3.3.1, параграф «Зрение и слепота мифологических персонажей»).

Аномалии также проявляются в особенностях строения элементов глаза. Наиболее детально разработаны представления, связанные со зрачком человека и демона. Многим славянским традициям известно убеждение, что в зрачках глаз находятся «человечки». Оно нашло отражение также и в терминологии зрачка (см. выше). Зрачки мифологического персонажа (особенно это актуально для колдуна или ведьмы) отличаются от зрачков обычного человека тем, что в них «человечек» отражается в перевернутом виде. «Пачём ведьму узнать. ... Кто знаить, *чилавечки у глазах ня будуть галоўками, а кверху нагами*»

(Добровольский 1891: 105). «Зрачки – *человечки*. У ведьмы *человечки кверху ногами*» (СРНГ 11: 348). Сибиряки в качестве внешнего признака ведьмы называют перевернутое отражение человека или предмета в ее глазах (в зрачках) (Виноградова 2000: 245). Тульские крестьяне полагали: если смотреть в глаза колдуну, то увидишь, что в зрачках у него люди отражаются вверх ногами (Новичкова 1995: 243; Власова 1995: 181). Перевернутость, «инаковость», вообще является характерной чертой демонов, природа которых принципиально противоположна человеческой. В Пермском крае верили, что колдуна можно узнать по тому, что он не смотрит в глаза собеседнику, чтобы не показать, что собеседник отражается в его глазах кверху ногами (Шумов 1991: №290) (подробнее о взгляде колдуна см. гл. 2). Ср. укр. поговорку о бесстыжем человеке: «у него в *очах чоловічки догори ногами стали*» (Номис 1864: 63).

Вместо *человечков* у ведьмы в глазах можно увидеть отражение козла, животного, связанного с нечистой силой: кашубы считают, что у ведьмы (чаровницы) красные, дикие глаза, а в глазах вместо зрачков – козел или черт с рогами (Sychta 1: 154). Подобное же верование отмечено и у поляков в районе Познани (СД 2: 524). Ср. рус. архангел. название зрачка *чёртыш*.

Зрачки колдуна могут характеризоваться полным отсутствием изображения: «Если собеседнику удастся заглянуть в глаза чародею, то в его зрачках он не увидит отражения своего лица, они будут оставаться темными» (Новичкова 1995: 243). «Бабы называют глаза колдуна пустыми, *без мальчиков*» (рус. владимир.) (БВКЗ: 129). Отмечаются отклонения в строении и форме зрачков также и у людей, обладающих способностью к сглазу: поляки в Познаньском воеводстве «урочными» (*przyroczeni*) называют такие глаза, в которых зрачки не совсем круглой формы, а в Серпецком повете «урочливых» людей распознают по тому, что белки их глаз крест накрест пересекают жилки (Barthel de Weydenthal

1922: 6). Об особенностях глаз колдуна см. (Коршунков 2000: 114-118).

Довольно широко распространены у славян верования, связанные с огненной природой глаз и зрачков демонов: глаза светятся у русских и белорусских домовых (как и у немецких кобольдов), у балканских славян были зафиксированы предания об огненных глазах вил, у чехов – о таких же или подобных им глазах *дивьих людей* – населяющих край земли инородцев, у лужичан – чаровниц, у поляков – упырей и богинок, а даже водяных. Часто можно услышать о светящихся или огненных глазах черта (Moszyński 1967: 610). В облике трупа с горящими глазами и огромными, часто железными зубами представлялся упырь (Новичкова 1995: 548). Горящие глаза, наряду с едва заметными рожками и копытцами, выдают черта, принявшего облик человека (Власова 1995: 343). В космогонической легенде, записанной в Кемском Поморье, бесы предстают как существа «с рогами, с собачьими ушами, тремя хвостами и *огненными глазами*» (Белова, Кабакова 2014: 31). Горящие глаза отличают славянских демонов болезней, например, у русских холера имела вид черной старухи с горящими глазами, у которой голова начинена пузырьками с ядом (СД 3: 296). Ярко горящие глаза приписывались гуменнику на Русском Севере (Власова 1995: 120). Овинник может иметь вид огромного черного кота с горящими глазами (рус., белорус.) (СД 3: 494). Сербский вампир может показываться в виде лисицы с горящими глазами (Там же: 388). О колдунье в Верхокамье говорили: «скоко замечали люди, идешь вот всё ей, если ей не нравится, не нравится ей, дак она *вспыхнет глазом-ту*, ой, Господи!» (Христофорова 2010: 82).

Мотив «огненности», «светоносности» может выражаться в сравнениях глаз:

– с огнями: «поляки в окрестностях Ченстоховы рассказывают про *горящие огнем* глаза волка, которые баба принимает за церковные свечи» (Гура 1997: 4). Горят огнем и глаза хозяина-покровителя волков (ц.-

белорус.). «Иду: кошка черная бежит, *глаза – как огни*. Хотела ее схватить – никого не стало» (Шумов 1991: № 129). «Домовой – старик в красной рубаше с „огневыми” глазами, со свечкой в руках» (Власова 1995: 138). «Огненные струйки» можно заметить в глазах колдунов и ведьм (Новичкова 1995: 71, 243).

– с углями: распознать лешего можно по тому, что его глаза – как раскаленные угли (Там же: 302). Черти являлись к колдуну перед смертью в образе черных ворон или кошек с горящими как угли глазами (Новичкова 1995: 176). Упырь представляется с глазами, как раскаленные угли, и с длинными, как у собаки, зубами (Там же: 549). Черт – синее, черное мохнатое существо, с крыльями и хвостом, с когтями, рожками и копытцами, глаза его горят, как угли (Власова 1995: 324). Глаза лешего зеленого цвета или горят, как угли (Там же: 205). Овинник может описываться как громадный черный кот «с глазами как угли» (Там же: 266). Раскаленные угли напоминают глаза волколака (СД 1: 418).

– с искрами: в русской быличке повествуется о мужике, который «женился на красавице писаной, только глаза у нее были странные: черные, а *в глазах словно искорки бегают*. Как взглянет, так мороз по коже пойдет» (в ходе сюжета выясняется, что она была связана с «нечистым») (Новичкова 1995: 545).

– со светом: «Маўки – деўки таки ўсе ў белом, лохматые, *глаза светятся...*» (Виноградова 2000: 364). «У шуликунов *глаза светят, зубы светят, они в ступе летают*» (Мифологические рассказы 1996: №206).

– со звездами: «Леший огромен, „с глазами как звезды”, ходит с ветром» (Власова 1995: 205). Водяной – горбоносый старый старик, волосы до пят, всклокочены, борода до пояса, *глаза искрятся, как звезды*, то затухнут, то загорятся (Власова 1995: 94).

– с солнцем: у нави глаза «красные как солнце» (Moszyński 1967:

609).

– с горящими в темноте кошачьими глазами: на Урале один из сторожей заколдованных кладов – земляная кошка. Ее образ «навевяя природным явлением – *мерцающими (как кошачьи глаза) сернистыми огоньками, выходящими из земли*» (Власова 1995: 152). По мнению К. Мошиньского, огненные, пламенные, светящиеся как у кошки глаза являются одной из самых распространенных черт демонов (Moszyński 1967: 609). Глаза демонов сравниваются с кошачьими глазами не случайно: облик кошки могут принимать различные мифологические персонажи – вампир, змора и др. Глаза кошки так или иначе имеют демоническую сущность: согласно польской легенде, во время всемирного потопа дьявол проник на ковчег в облике мыши. Кошка поймала и съела ее, тогда сатана, будучи не в силах выйти наружу, влез кошке в глаза (краков.) (СД 2: 638).

– с драгоценными камнями (о кладах): «Горный может быть и обычным человеком, но *с горящими глазами*, напоминающими блеск подземных сокровищ, минералов» (Власова 1995: 119). «Клад-оборотень можно узнать по *светящимся глазам*: это горит золото, драгоценные камни, заключенные в нем» (Новичкова 1995: 229).

Огненная природа глаз мифологических персонажей соотносится с представлениями об огненной сущности самих демонов (ср. *огненный змей*, блуждающие огоньки на могилах и др.), их «огненность» является в какой-то мере отражением их «адского», демонического происхождения. В случае с демонами-хранителями кладов огненность, кроме вышеуказанного значения, приобретает функциональный смысл: указывает на причастность демона к подземным сокровищам, блеск которых отражается в его глазах. И в том и в другом случае глаза отражают внутреннее содержание (с различной степенью конкретизации), то есть выступают в роли «зеркала души» субъекта.

Огненность глаз демонов также может опосредованно проявляться

в приписывании им красного цвета, который напрямую соотносится в одних случаях с огнем (признаки «огненный» и «красный» могут выступать параллельно), в других – с кровью. Красный цвет – самый распространенный в описаниях глаз демонов. «Кровавые» глаза являются одним из признаков чаровницы (Виноградова 2000: 245), вампира (укр., болг.). «Кровавые», косые, впалые глаза, по мнению сербов и черногорцев, отличают ведьму (Толстая 1998: 142). Карпатская босорка ночью приобретает вид безобразной старухи с красными злыми глазами (Виноградова 2000: 236). В пермской быличке колдун, знающийся с чертями, описывается следующим образом: «у чертиста шары красные, прямо он не глядит» (Шумов 1991: № 291). Лужичане, поляки, белорусы и украинцы очень часто приписывают красные глаза колдунам и ведьмам (обычно злым людям). То же самое можно наблюдать и у немцев, где подобными глазами наделяются карлики и другие демоны (Moszyński 1967: 609). Красные глаза, красный длинный язык и бледная кожа отличают польскую полудницу (СД 4: 154). Красные, большие (с ладонь величиной) глаза у русского водяного (Новичкова 1995: 92) (красными глазами наделяется водяной и в представлениях поляков). В облике рыбы или рака с красными глазами укрывается от грозы черт (белорус.) (Moszyński 1967: 609). На Русском Севере красные глаза приписывали шуликунам: «Пугали, циликуны приедут, наденут шапки красны, в роту красно, в носу красно и *глаза-ти красны*, в роту как огонь горит» (Мифологические рассказы 1996: № 215). Белорусы считали владельцем и распорядителем клада мифологического персонажа *Деда*: он ходит по дорогам с сумою в облике нищего с красными огненными глазами и рыжей бородой (Новичкова 1995: 229). Согласно белорусским легендам, демоны, охраняющие клады, имели «красные огненные глаза» (Moszyński 1967: 609). У словенцев под именем *nâvje* или *tâvje* выступают души некрещеных детей, представляемые в образе больших черных птиц с

красными глазами, острыми когтями и загнутым клювом (Там же: 676). По представлениям поляков, образ черных птиц с красными глазами может принимать черт (Гура 1997: 106). В западной и южной Болгарии, Македонии и южной Сербии вытаращенные красные глаза, в числе прочих аномалий, характеризуют караконджула (СД 2: 466-467). Красные глаза типичны для демонов болезней: в Мазовии, в районе Пултуска, разновидность гриппа, так называемая *испанка*, появляется в образе худой очень некрасивой молодой девушки с волосами, как лен, с красными глазами (Baranowski 1981: 264).

Красные глаза нельзя назвать отличительным признаком какой-либо определенной группы демонических существ, скорее они выступают в качестве маркера, свидетельствующего о принадлежности существа иному миру. Следует отметить, что красный цвет вообще является цветом демонов (для севернорусских быличек характерен образ лешего в красной рубахе), согласно черногорским верованиям, у ведьм, приходящих в храм, красные зубы, и священник может это увидеть (Толстая 1998: 142). Кашубы считают, что ведьма очень любит красный цвет и потому одета во все красное: красные рукавицы, красные штаны и т.д. (Толстая 1998: 142). Красный цвет любят богинки и дивожоны (польский Спиш).

Гораздо реже в описаниях глаз демонов встречается зеленый цвет (иногда он также сопровождается признаком огненности). Глаза зеленого цвета могут быть у лешего (ю.-рус.), русалок, вил, водяных (Moszyński 1967: 609-612). У змея-человека глаза зеленые и светят, как у кошки (Новичкова 1995: 199). И, напротив, ребенок, рожденный с зелеными глазами, может впоследствии стать вештицей (ведьмой; серб.) (СД 2: 306).

Совсем редко встречаются другие цвета глаз, чаще всего они распределяются по функциональному признаку: русалки иногда описываются как существа с голубыми глазами (отражение воды, с

которой они связаны), полевик предстает с разноцветными глазами (отражение многоцветия полевых цветов): согласно южнорусским представлениям, полевик является воплощением поля – он наг, его тело черное, как земля, глаза разноцветные, а вместо волос голова покрыта длинной зеленой травой (орл.), борода у него из колосьев (СД 4: 138). Глазами разного цвета также наделены западно- и южнославянские «дивьи люди»: правый глаз у них черный, а левый – синий (СД 2: 92).

Глаза демона могут характеризоваться также неопределенным цветом, как *мутные*. Вид седой старухи с мутными глазами имеет сербская *Несрећа* (Недоля) (Там же: 116). Мутные глаза, напоминающие цвет воды, у полесского и словацкого водяного (СД 1: 396).

Цвет глаз играет важную роль в представлениях о сглазе. Так, например, у восточных славян повсеместно распространено мнение, что темные глаза могут нести в себе опасность, характеризовать человека как *урочливого*. У южных славян и на Балканах, напротив, негативно оцениваются светлые глаза. Цвет глаз, отличающийся от цвета глаз преобладающего в той или иной среде этнического типа, воспринимается как признак чужого. Ср. характерное для русских Европейского Севера, Урала, Сибири название мифических инородцев, которые часто представлялись слепыми, ослепшими, – *чудь белоглазая* (реже *одноглазая*). Хотя здесь речь идет не о цвете глаз, а о слепоте, нельзя не отметить особое внимание к глазам инородцев, которое нашло отражение в эпитете этнонима. В полиэтнических регионах распространено представление, что именно среди представителей соседнего этноса преобладают колдуны и люди, способные к *сглазу* (что подтверждают, в том числе, сведения, собранные во время полевой работы в районах Кировской области, где в одной зоне проживает русское и марийское население (Давыдова 1998: 36)). Е.Л. Березович, исследовавшая русский диалектный фразеологизм *берестяные глаза* в контексте близких фразеологизмов и народных представлений,

заключает, что в языке белые глаза «рисуются как глаза мертвых, слепых, „вылинявшие”, вытаращенные, невыразительные, бесчувственные, непроницаемые, отстраненные, неподвижные – и вместе с тем страшные, отражающие бешенство, гнев, злобу, страх, ненависть, безумие, неудержимость и др.» (Березович, в печати).

Аномальным может быть не только цвет, но и размер глаз демонов. Признаком существа иного мира, как правило, являются чрезмерно большие глаза. «В бане обдериха, говорят. Это всё тоже пугали. Волосами-то завесилась, зубы-то длинны, *глаза-то широкие*» (Мифологические рассказы 1996: № 196). Обдериха в полночь может «кошкой повидеться, *глаза широкие*» (Власова 1995: 259). Большие красные глаза у водяного (Там же: 97). Баба Яга в сказках описывается так: «сама дурная, большущая, рожа мохнатая, *глаза по яйцу*, космы распущенные, шелудивая» (Новичкова 1995: 30). Потомки змеев, а также подменыши [дети, которых подменила богинка] обычно отличаются очень большими глазами (Moszyński 1967: 609). Русалка «страшная, з рогами, *з глазами большими*, волосы длинные» (Виноградова 2000: 371). Змора может представляться в облике жеребенка с огромными, как две лампы, глазами (хорв.) (СД 2: 343). Большие глаза и у русского банника: «Один торговец, поздно вернувшись в субботу домой, решил помыться. Налил в таз воды, влез на полку. А из-под полка вылез огромный страшный черный мужик *с глазами с чайные блюдца*» (Новичкова 1995: 36). У южных славян можно услышать о больших глазах упырей, демонов куриной слепоты, показывающихся в облике большой черной курицы и т.д. Поляки некогда говорили о глазах богинок, что они большие, «как тарелки» (Moszyński 1967: 609). Сравнение глаз с посудой – тарелками, блюдами, плошками – является довольно характерным для описаний демонов не только у славян, но и у других народов, в том числе, например, южной Сибири (Доронин 2014: 238). Ср. также рус. поговорку: *У страха глаза, что плошки, а не видят*

ни крошки (у страха глаза велики) – в которой размер глаз сопоставляется с посудой.

Часто большой размер глаз сопровождается пучеглазостью (глаза навывкате, выпученные). Леший представляется с белыми выпуклыми глазами (з.-рус.) (СД 3: 105). По поверьям Орловщины леший пучеглаз (Власова 1995: 204). Сына богинки и стригона легко было различить, так как у него были выпученные глаза, низкий лоб, заросший до самых бровей густыми волосами (Tomіssу 1975: 114). Богинка и русалка характеризуются большой головой, выпученными глазами, крючковатым носом (Виноградова 2000: 36). Вылупленные, похожие на рыбы, глаза у польского и словацкого водяного (СД 1: 396). На Русском Севере полевика представляли с глазами навывкате, рожками и длинным хвостом с кисточкой на конце, которой он поднимает пыль, если не хочет, чтобы его видели (СД 4: 138). Выпученные глаза приписывались лужицким карликам (СД 2: 470). Мамуна – безобразная старуха с непомерно длинными руками, с выпученными глазами и большими зубами (Польские Татры, Новотарский повет) (СД 3: 177). Демоническим признаком также считаются впалые, глубоко посаженные глаза: южнославянская вештица часто изображается с глубоко сидящими глазами, злобным взглядом (Виноградова 2000: 238).

Глаза демона могут быть непарными по размеру: например, у лешего правый глаз неподвижен и больше левого (СД 3: 105). Размер глаз даже у одного и того же мифологического существа может варьироваться, но в любом случае они маркированы как глаза необычного, аномального размера. Например, у богинки по различным описаниям глаза могут быть или маленькие, или большие навывкате; они обладают завораживающим взглядом, которым заманивают рожениц (СД 1: 215-216).

Огромное внимание в народной демонологии уделяется такой аномалии, как кривизна, причем *кривой* может обозначать как

‘одноглазый’, так и ‘хромой’. «Кривизна», «неправедность» – вообще основная отличительная черта нечистой силы. Б.А. Успенский отмечает, что этимологически слово *кривой* связано со значением ‘левый’: «поскольку леший и родственные ему представители нечистой силы связаны как с левым началом, так и с одноглазостью и хромотой, слово «кривой» как признак существа такого рода стало означать “одноглазый” и “хромой”» (Успенский 1982: 94; Толстая 1998а: 217; Якушкина 2002: 171). Один глаз (как одна нога, одна рука и т.д.) выступает в качестве признака получеловека, недочеловека, свидетельствует о принадлежности к иному миру или пограничной зоне. Одноглазыми, как правило, представляются всевозможные *дивьи люди*, сказочные народы, которые, по поверьям, населяют край земли. (См.: Новичкова 1995: 519, 127, 128; Власова 1995: 194). Одноглазость часто характеризует сказочных персонажей, таких как Баба яга, Лихо одноглазое и пр. Одноглазыми могут быть и мифологические персонажи: одноглазая вештица стережет пещеры и пропасти с ветром (СД 1: 358), караконджул представляется одноглазым, одноногим, с рогами и хвостом (СД 2: 466-467). Одноглазыми могут быть колдун, ведьма. Часто мотив одноглазости связан с таким способом распознавания ведьмы, как причинение ей увечья. Так, чтобы распознать ведьму в облике животного, забравшегося в хлев в купальскую ночь, старались вилами пробить ей лапу или выколоть глаз. Если на следующий день одна из соседок хромала или оказывалась кривой – сразу становилось ясно, что именно она и есть ведьма (СД 1: 299). Одноглазым был и русский леший: «Леший имеет сплющенное, ребром вперёд, длинное лицо, длинную клинообразную бороду, один глаз и одну ногу пяткою вперед» (Никифоровский 1907: 69). Одноглазым представляли черта, беса: бес может быть хромым, кривым („об едином глазе”)» (Власова 1995: 55). По некоторым болгарским поверьям, змей похож на крылатого ужа, покрытого чешуей, имеет один глаз на лбу (Георгиева 1983: 80-81).

Белорусы рассказывают, что скрытые клады являются в образе одноглазого старичка; когда он бегаёт по болотам, его единственный глаз светится как неверный огонек (Moszyński 1967: 610).

При этом оппозиция «кривой – прямой» пересекается с оппозицией «левый – правый». Связь «кривого» и «левого» проявляется в том, что у кривых (одноглазых) мифологических персонажей единственный глаз часто оказывается именно левым. Оппозиция «правый – левый» («добрый – злой») в отношении глаз прослеживается также в представлениях о глазах животных. Ср. записанное в украинском Полесье (на Житомирщине) поверье о бешеной собаке, правый глаз которой закрывает Бог, а в левом находится черт: «Як скажений собака біжить, то зирни юму в правий бік, бо він *правим гоком ни бачить*, юму затулив те гоко Сус Христос, *а в лівому – чорт сидить* і ни затулив, то він *на його (гоко ліве) бачить* і як будиш з лівого боку стояти, то він може *вкусити*» (Гура 1997: 65).

С другой стороны, чертой демонов является дубликация (четырёхглазость), которой наделяются в народном представлении некоторые мифологические существа (как вредоносные, так и защитники, охраняющие человека от нечистой силы). По белорусскому поверью, человек, обратившийся в волка по собственному желанию, обладает двумя парами глаз – на лице и на затылке (Богданович 1895: 145). Две пары глаз характеризовали польского волколака (Baranowski 1981: 153). Удвоение заслуживает особого внимания в связи с негативной семантикой числа два в традиционных народных верованиях (СД 2: 21-25; см. также «Двоедушники» (СД 2: 29-31)). Две пары глаз свидетельствуют о двойственной природе существа, обеспечивают ему как бы двойное зрение, что позволяет видеть не только реалии этого мира, но и объекты, относящиеся к миру демонов, которые не видны глазу обычного человека или животного. Так, способностью видеть невидимое словенцы наделяли собак с «двойными глазами» – со

светлыми пятнами над глазами (подробнее см. раздел 3.3.1, параграф «Зрение животных»).

Встречаются единичные свидетельства о многоглазых мифологических существах: например, в виде копны сена со множеством глаз может явиться полудница (архангел.) (СД 4: 154).

Особого внимания заслуживает такая аномалия, как косоглазие, которое, по приписываемым ему свойствам, во многом соотносится с кривизной. «Облик косоного нечистого духа (как и „кривого“) отличен от человеческого, „неполон“, принадлежит иному миру (черт часто крив: одноглазый, хромой). Косой дьявол не только необычен, уродлив, но и лжив, неправеден, неистинен, „перекошен“ и внешне и внутренне» (Власова 1995: 192). Косыми, опасными глазами, способными причинять ущерб всему живому, наделяется святой Касьян. С одной стороны, это связано с негативным отношением к високосному году (память св. Касьяна празднуется 29 февраля), с другой, немаловажную роль сыграло народно-этимологическое сближение имени *Касьян* с прилагательным *косой*. Причем часто эти два мотива смешиваются: неблагополучие високосного года объясняется именно действием «немилостивого» взгляда св. Касьяна. «Касьяна считали одноглазым, косоглазым, от его „глаза“ не отчитают ни попы, ни бабки-знахарки не отшепчут» (Новичкова 1995: 404). Согласно русской легенде, некогда память Касьяна праздновали ежегодно, и от этого в мире было много бед, так как Касьян «имеет глаз и своим глазом *косит*»: чтобы уменьшить причиняемое зло, Бог дал Касьяну один праздник через три года, 29 февраля (смолен.). Касьян ходит по свету раз в четыре года, и от его взгляда творится всякое зло (СД 2: 476). «Как *Касьян немилостиво* на баб *взглянул*, только и слышно: то там, то тут баба родами умерла», «*Касьян немилостиво* на мужиков *глянул* – только и слышишь, что мужик опилси» (ярослав.) (ЭО 1913 1/2: 250).

С другой стороны, косые глаза субъекта могут стать основанием

для причисления его к категории опасных существ. Так люди с косыми глазами подозревались в способности к *сглазу* (Barthel de Weydenthal 1922: 6). Косые глаза послужили одной из причин мифологизации зайца и во многом обусловили возникновение связанных с ним поверий. Беременным женщинам запрещается есть зайчатину (рус., босн.), а также смотреть на зайца, иначе ребенок родится с косыми глазами (белорус. брест.), будет спать с открытыми глазами (полес.). С магической силой заячьих глаз связано и использование мочи зайца для лечения глазных болезней (пол. тарнобжег.) (СД 2: 287-288).

Признаком демонического существа становится также необычное, аномальное расположение глаз. *Веретільниця* – это гадюка без головы и хвоста, с ртом и глазами, расположенными под животом (Остерский у. Черниговской губ.) (Заглада 1929: 141). Локализация глаз на затылке и связанная с этим инверсия движения у рака (рак пятится назад) повлияли на использование рака в магии и народной медицине (Гура 1996: 398-402). В белорусской этиологической легенде эта особенность рака объясняется следующим образом: «Гэто Бог пораздавав вочи ўсім. Дык вот ён давав, давав, уси пораздавав, – осталися толькі адны вочи, маленькія, чорныя. Тоды Бог кажець на рака: на́ табе их, рак! А рак усердзівся: „да! куды мне их такéя? у зад уторнуць” Дык Бог и здзелаў вочи отзаду. Ён и цяперь их там носиць» (Сенненский у. Рясненской вол.) (Романов 4: 168). Вообще, перевернутость (позиция «наоборот») выступает как аномальный признак, который связывается с потусторонним миром и со смертью (СД 3: 680). Ср. сербское проклятие, в котором врагу желают, чтобы у него рот, челюсти, глаза и ноги обратились на затылок, назад (Расковник 1995: 119). Аналогично в болгарском проклятии: *Очитъ на тило да му стоятъ!* (Чтобы ему вывернуло глаза на затылок!) (Дабева 1934: 55). Ср. рус. диал. фразеологизм *на леву сторону глаза выворачивать* ‘умереть’ (Толстая 2012: 60), псков. *глазы опрокинулись* (о слепоте) (Кабакова 202: 46)

(подробнее о взгляде назад см. 2.4.3.).

Иногда мифологические персонажи отличаются каким-либо несоответствием, т.е. им приписываются глаза (или другие части тела) иного существа (животного). Например, василиска поляки представляют с глазами жабы. Зап.-сл. полудница изображалась существом с коровьими глазами (СД 4: 154). Глаза русского лешего напоминают глаза совы и светятся (карел.) (Власова 2000: 285). В окрестностях Загреба змеиный король – это огромная змея с петушиными ногами и глазами (Гура 1997: 296). Водяного представляют в виде огромной щуки с телячьими глазами (Гура 1997: 753). Домовой мог показываться в виде белки с необычными глазами: «Домовой: белка и белка! Но большая. Глаза светлые, как у кролика глаза» (Мифологические рассказы 1987: 73, 74). В медведе-оборотне демоническое существо выдают человеческие глаза (Гура 1997: 162).

Таким образом, глаза, с одной стороны, выступают как маркер, позволяющий судить о демонических свойствах своего обладателя (человека или животного), с другой – демоны в традиционных представлениях очень часто наделяются аномальными глазами. Те или иные характеристики глаз не закреплены за каждым конкретным мифологическим персонажем: даже в рамках одной и той же традиции демон может описываться по-разному, поэтому целесообразно рассматривать именно систему аномалий в целом, а не аномалии в применении к отдельно взятым персонажам.

Глаза животных в магии. Глаза животных, как и другие части тела, используются в магических целях. Глаза медведя или волка служат для обретения качеств, приписываемых этим животным (храбрости, бесстрашия): поляки Новосондецкого воеводства вешают ребенку для храбрости на шею правый глаз медведя (Gustawicz 1881: 151). Болгары, желая обрести смелость, носят зашитые в одежду кусочки волчьего сердца или глаза (Moszyński 1967: 338). Глаза лягушки или жабы

используются с целью наведения порчи: в украинском Покутье закапывают под порог глаза лягушки. На девятый день их выкапывают, растирают в порошок и подмешивают в питье своему врагу, в результате чего он *попукаєсе* – лопнет (Гура 1997: 390). Глаза змеи помогают от гнева начальства и способствуют удаче в рыбной ловле: «От змеи: правое око носить под пазухой – спасешь себя от гнева царя или князя. Левое око – смешать с кровью коровы и селезня, иссушить. Завязать в синий плат и носить на рыбную ловлю» (Новичкова 1995: 570). Данного рода магия обусловлена представлением, что в глазах (подобно как в сердце, крови и пр.) заключена сила, способность или свойство, которыми обладает то или иное животное (у медведя – храбрость, у волка – злость или храбрость; для змеи и лягушки существенной оказывается их связь с землей и хтоническим миром).

Изображение, напоминающее глаз, выступает в качестве апотропея против сглаза: «Ока на owych piórach (pawich) chronią przeciw urocznemi oki i innym złym mocom» [Глаза на этих перьях (павлиньих) оберегают от урочного глаза и других злых сил] (Moszyński 1967: 361). С другой стороны, павлиньи перья могут вызывать несчастья и болезни, поэтому запрещается хранить их дома (Barthel de Weydenthal 1922: 11). Таким образом, глаз, с одной стороны, несет в себе опасность, а другой – может служить средством защиты.

Глазные болезни и народная медицина. В народной традиции значительное внимание уделяется профилактической магии, направленной на поддержание зрения, профилактику глазных болезней. Практически у всех славян с целью защиты зрения практикуется умывание водой. Прозрачность воды должна была магическим образом обеспечить чистоту и остроту зрения. Заболевания глаз, напротив, связывались с мутной, непрозрачной водой: ср. *жёлтая вода* ‘болезнь глаз, при которой зрачок приобретает желтоватый оттенок’ (Федоров 1: 68); *тёмная вода* [в глазах разлилась] ‘болезнь глаз’ (СРГК 1: 211),

‘слепота’ (АОС 4: 152; ПОС 4: 71).

Для профилактики глазных болезней могло использоваться также зеркало. Например, у сербов Пожеги невеста забирает из родительского дома в дом мужа зеркало и гребешок, чтобы у ее будущего ребенка были здоровыми глаза (Тешић 1988: 13).

Глазная болезнь предстает как нечто закрывающее, заслоняющее, засоряющее глаза, что подтверждается реконструируемой для слав. **slěp-* первичной семантикой «закрытости, препятствия, отсутствия свободного доступа и т.п., из которой при перенесении в сферу визуального восприятия естественно выводится значение ‘не видящий, плохо видящий’ (тот, у которого «закрыты», «загорожены», «залеплены» и т.д. глаза» (Толстая 2008: 171). Следовательно, суть лечения глазных болезней состоит в открывании глаз / зрения, очищении глаз, удалении с них преграды.

Среди восточнославянских заговоров встречаются заговоры от глазных болезней: бельма, ячменя, соринки в глазу, куриной слепоты, а также от болезней глаз вообще. Важным мотивом в заговорах от глазных болезней является также мотив света (Агапкина 2010: 446-448): укр. «Волы-буйволы, идить до мене бильма зганяты, рогамы здійматы, хвостамы замитаты, *очам просвітлосты даты*» (Гринченко 1896: 40). «Первы лизнуў, серы ўсе болезни зализаў, а белы просвету ў вочки даў» (полес.) (ПЗ: 243).

У русских большое количество обрядов, способствующих профилактике глазных заболеваний, было приурочено к Великому Четвергу (или вообще весеннему времени года), что объясняется магией начала: в начале года стараются обеспечить плодородие, здоровье и достаток на весь предстоящий год. Например, в Полесье при виде первой ласточки промывают себе глаза, чтобы они не болели в течение года (Гура 1997: 626).

Таким образом, глазам посвящен значительный объем диалектной лексики, называющей орган зрения и его части (особенно зрачок). В языке и диалектах встречается также множество фразеологических единиц, в которых задействованы *глаза*. Лексика со значением 'глаз' развивает множество вторичных значений, как связанных со «зрительной» семантикой, так и выходящих за ее пределы, она участвует в номинации растений и животных (*анютины глазки, павлиний глаз* и др.). Глаз (особенно его центр – зрачок) имеет высокий ценностный статус.

Глаза, будучи частью тела и органом человека, обнаруживают параллели с макрокосмом, а именно с водой, небесными светилами, частями жилища (окнами). Глаз представляется как водоем (озеро, колодец); светонесущий объект (звезда); отверстие, через которое поступает свет (окно) – этим объясняется его способность обеспечивать зрение.

Глаза тесно связаны с внутренним миром субъекта, с его душой (сердцем). Это находит буквальное выражение в представлениях, что душа локализуется в глазах (в зрачке), в момент смерти покидает тело через глаза, через них же она может вернуться в мертвое тело, в результате чего покойник станет демоническим существом. Открытые глаза покойника представляются как канал в иной мир, и поэтому опасны. Особое внимание в верованиях и обрядах славян уделяется посмертной участи глаз.

Глаза выступают в качестве средоточия жизненной силы, в них могут быть заключены свойства и качества субъекта (например, смелость), которые сохраняются даже после его смерти (благодаря этому глаза животных используются в магии с целью обретения качеств, приписываемых этим животным). Глаза мыслятся как «зеркало души»

субъекта, то есть они не только заключают в себе, но и сообщают окружающим информацию о его эмоциях, состоянии, характере и вообще о его сущности. Именно поэтому глаза являются одним из маркеров, позволяющих отличить мифологического персонажа от человека. При этом выделяются различные параметры, характеризующие глаза демона как аномальные. Подвергаются мифологизации и становятся характерными чертами демонического существа, как правило, крайняя степень признака (полное отсутствие / избыточность какого-либо элемента), дубликация, недостаточность (одноглазость), несоответствие (человечьи глаза у медведя-оборотня и др.). Негативную оценку получают такие телесные аномалии, как кривизна, косоглазие (оказываются задействованы также характеристики *левый* и *перевернутый*), необычная форма и структура зрачка. Соответственно, нормой является то, что не входит в отклонения, усредненные, не привлекающие внимания признаки глаз. Причем в некоторых случаях норма может варьироваться в зависимости от региона: например, у балканских народов негативную оценку получают светлые глаза, в то время как у восточных славян опасными представляются темные глаза.

Глава II.

ПРЕДИКАТ ‘СМОТРЕТЬ’. ВЗГЛЯД В ЯЗЫКЕ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Настоящая глава посвящена анализу предиката ‘смотреть’, основного действия, которое выполняется с помощью глаз (инструмента зрения). В главе рассматривается лексика со значением ‘смотреть’ в славянских языках, в том числе экспрессивная, выделяются характеристики действия, которые подвергаются оценке, главным образом негативной. Действие ‘смотреть’ имеет множество семантических импликаций и соотносится с различными языковыми и культурными фактами, оно получает оценочные коннотации, которые могут быть связаны как с субъектом действия, так и с его объектом, поэтому в традиционной культуре широко представлена система запретов: кому и на что нельзя смотреть, а также предписаний – кому и на что (куда, во что) нужно смотреть. Немаловажную роль играют также условия, в которых действие совершается. В главе затрагивается прагматика и функции действия ‘смотреть’ – с какими целями оно выполняется и какую имеет семантическую нагрузку. Кроме того, объектом внимания является взгляд как акт действия ‘смотреть’. Взгляд в традиционной культуре также наделяется оценочными характеристиками, он может расцениваться как недобрый, опасный, что нашло отражение в комплексе представлений о сглазе («дурном глазе»).

2.1. Лексика со значением ‘смотреть’ в славянских диалектах.

Основное значение русского глагола *смотреть* определяется в словаре как: 1) устремлять, направлять взгляд куда-либо, иметь глаза направленными на кого-, что-либо, глядеть (МАС 4: 158). В славянских диалектах встречаются следующие наименования действия ‘смотреть’ (‘смотрит’ 3 *sg praes*): *div-a-j-e-tь se*, *div-i-tь se*, *div-e-tь se*, *ględ-a-j-e-tь*,

głęd-i-tь, głęd-j-e-tь, po-głęd-a-j-e-tь, съ-po-głęd-a-j-e-tь, patr-i-tь se, patr-j-a-j-e-tь, съ-motr-i-tь, po-съ-motr-i-tь, zьr-i-tь, po-zir-a-j-e-tь se, въ-zir-a-j-e-tь se, vid-i-tь, vid-j-a-tь, bač-i-tь, pul-i-tь, pul-e-tь, kuk-a-j-e-tь se (ОЛА 9: 160-161). Лексемы с корнем *div-* распространены на украинской территории, а также в чешских диалектах и на западе Словакии. Ареал лексем с корнем *głęd-* покрывает территорию Белоруссии (кроме юго-западных областей на границе с Украиной и Польшей, в которых зафиксированы лексемы с корнем *div-*). На территории Польши господствует глагол с корнем *patr-*. В южнославянских диалектах преобладают лексемы с корнем *głęd-*. Наименования с корнем *vid-* и *pul-* встречаются в македонских диалектах. Заимствованное из немецкого языка *kuk-a-j-e-tь* зафиксировано в ряде говоров в Чехии. Территорию России покрывает ареал лексемы *съ-motr-i-tь*, конкурирующей с *głęd-i-tь*.

Семантические сдвиги у глаголов со значением ‘смотреть’.

Большинство перечисленных основ являются общеславянскими: это основы *vid-*, *div-*, *głęd-*, *motr-*, *zьr-*, все они связаны с семантическим полем «зрительное восприятие». Исторически сложилось, что в том или ином языке (и диалекте) за глаголом со значением активного зрительного восприятия ‘смотреть’ закрепился определенный корень, но это не означает, что в этих языках отсутствуют другие корни с исходной «зрительной» семантикой, у которых произошла трансформация значения.

Лексика с первичным значением ‘зрительного восприятия’ может переходить в другие области – в другие системы перцепции, обслуживать сферу ментальной деятельности человека, а также систему эмоций и чувств. Она наделяется оценочными характеристиками, в народных верованиях получает мифопоэтическую интерпретацию. Например, в русском литературном языке известны практически все перечисленные корни, причем их значения могут как касаться сферы зрительного восприятия (чаще), так и выходить за ее пределы: *motr-* и

ględ- закрепились за глаголами со значением активного действия, корень *vid-* задействован в предикате пассивного состояния *видеть*, корень *div-* в русском литературном языке встречается в словах *удивляться*, *удивление* ‘состояние, вызванное сильным впечатлением от чего-либо неожиданного, странного, непонятного’ (МАС 4: 467). Ср. *дивиться*, *удивляться*, *удивительный*, *диво*, *дивный*, которые перешли из сферы зрительного восприятия в сферу когнитивных состояний. В русских говорах слова с корнем *div-* сохранили и зрительные, и ментальные значения. Этот факт позволяет проследить, каким образом происходит семантический сдвиг: человек сначала воспринимает объект с помощью зрения, при этом он получает впечатление, которое становится причиной эмоции удивления. Удивление, восхищение в свою очередь может спровоцировать чувство зависти – желание обладать объектом восхищения. Ср. *дивить* ‘смотреть, глядеть’: «не *диви* на народ, *диви* на время» (новосиб.), ‘удивляться’ (орл., вят.) (СРНГ 8: 48); *дивиться* ‘удивляться’ (калуж.), ‘смотреть’ (самар.), ‘смотреть на что-либо с удивлением или завистью’ (смол.) (Там же: 48-49); *дивовать* ‘смотреть на что-либо необыкновенное, удивительное, удивляться’ (пск., волог., владимир., олон., архангел.), ‘хвалить, любоваться’ (волог.) (СРНГ 8: 50); *дивоваться* ‘дивиться, удивляться’, ‘любоваться, восхищаться’ (яросл.) (Там же: 50-51). В народной традиции взгляд, сопровождаемый любованием, удивлением и восхищением, сопряженный с завистью, оценивается как опасный, вредоносный (см. подробно в 2.6.).

Лексика с первичным значением визуального восприятия оказывается задействована в рамках семантического поля чувств, например, это ярко проявляется в сфере ‘любовь-ненависть’: *заглядённый*, *заглядённый* – такой, на который / которого можно заглядеться; *милый*, *ненаглядный*, *дорогой* (волог., Даль) (СРНГ 10: 8); *заглядимый* (яросл.) (СРНГ 10: 8); *по глазу* ‘по вкусу, по душе’: «Найдется *по глазу* молодой, а этому до свиданья» (пск.) (СРНГ 6: 186);

показаться (у Даля), *заглянуться* ‘понравиться, приглянуться’: «Задалось ли, *заглянулося*, ты скажи, кормилец-батюшка» (волог.) (СРНГ 10: 9); *заглянуться* ‘понравиться, приглянуться’ (волог.) (СРНГ 11: 228), *приглянуться, поглянуться, глянуться, положить глаз на что-либо*, словен. *vreči oko na koga / kaj* (Keber 2011: 635); пол. *wpaść w oko komuś* ‘понравиться’ (*ta dziewczyna wpadła mi w oko* – эта девушка мне понравилась); белорус. *у вока упасці* (Мяцельская, Камароўскі 1972: 266); *взглядище* (нижегор.) ‘об очень любимом, дорогом человеке’ (СРНГ); *заглядимчик* – о человеке, на которого можно заглядеться; очень хорошем, ненаглядном человеке (волог.) (СРНГ 10: 8). При этом в рамках логической пропозиции субъект и объект зрения могут меняться местами – свойство объекта привлекать к себе внимание (и, далее, нравиться) метафорически осмысляется как способность объекта «смотреть» на субъект зрения: ср. *выбирай, что на тебя глядит / смотрит* в значении ‘выбирай то, что тебе нравится’. Таким образом, связь между субъектом и объектом осмыляется на языковом уровне как двусторонняя: как субъект смотрит на объект (*приглядеться, положить глаз*), так и объект привлекает к себе взгляд субъекта (*приглянуться, прийти по глазу*), и даже «смотрит» на него.

Возникновение симпатии, любовного чувства, ставится в прямую зависимость от смотрения на объект. Человек смотрит на объект, оценивает его как положительный, красивый, далее объект становится любимым, дорогим. С другой стороны, исчезновение объекта любви из поля зрения способствует угасанию любовного чувства – ср. поговорку *с глаз долой, с сердца вон* (словац. *Čo oči nevidia, srdcu nežial'* [Чего глаза не видят, того сердцу не жаль]; *Čo oči nevidia, to srdce nebolí* [Чего глаза не видят, о том сердце не болит] (Záturský 1965), серб. *Далеко од очују, далеко од срца* [Далеко от глаз – далеко от сердца], пол. *Co z oczu, to i z myśli / pamięci* [Что с глаз, то и с мысли / памяти] (Krawczyk-Турпа 1987: 108)).

Заметными, привлекающими к себе внимание оказываются именно красивые предметы. Прилагательные со «зрительной» семантикой часто приобретают значение ‘красивый, тот, на который приятно смотреть’: рус. литер. *видный, взглядистый* (брян., смол.) ‘красивый, представительный’, *взглядный* (пск., твер.) ‘приятный, видный, красивый’ (СРНГ 4: 254), *приглядный, видовитый* ‘статный, представительный’ (Там же: 275), *видный, взористый* ‘видный, казистый, красивый, приятный для глаз’ (Даль 1: 197), *взрачный* ‘видный, казистый, приглядный, пригожий’ (Там же: 200), *казистый; глазоутешный* ‘имеющий приятный для глаз вид’ (СРНГ 6: 191), *загляжённый* ‘красивый’ (петерб.) (СРНГ 10: 9); *на загляденье*. При этом красота действует «ослепляюще»: ср. рус. *ослепительно красивый человек*. За яркой внешностью объекта субъект не может разглядеть его недостатки (о *слепой любви* см. также с. 185).

Если любовь вызывает желание смотреть на любимый объект, ненависть действует противоположным образом: объект становится неприятным, отвратительным для глаз. Первоначально «зрительную» семантику имел глагол *ненавидеть*, он образован с отрицанием от *навидѣти* ‘охотно смотреть, навещать’ (ср. *навидѣться* ‘видаться, посещать’, укр. *навидити ся* ‘с радостью смотреть друг на друга’, пол. *nawidzieć* ‘охотно, с радостью смотреть’) (Фасмер 3: 63). Крайняя степень неприятия выражается фразеологическими глагольными сочетаниями: *видеть не могу (терпеть не могу), смотреть не хочется* – в значении ‘не нравится’. «Не смотреть», «не замечать» может означать равнодушие, отсутствие заинтересованности, симпатии: «Вот нахину (опорочить, охаять кого-либо) вас женихам, они и *смотреть на вас не будут*» (архангел.) (СРНГ 20: 259); белорус. *у той бок не глядзець* ‘не хотеть общаться, знаться с кем-либо’ (Мяцельская, Камароўскі 1972: 121). Языковые связи зрительной и эмоциональной систем человека находят подтверждение и в символическом языке традиционной культуры – не

случайно смотрению, взгляду придается особое значение в заговорах на любовь и в любовной магии (см. подробнее с. 118-120).

Характеристика манеры смотреть. Несмотря на то, что по данным ОЛА на русской территории преимущественно представлены всего две лексемы – *смотрит* и *глядит*, действие ‘смотреть’ в русских народных говорах имеет множество наименований. Очень часто диалектные глаголы не ограничиваются нейтральным значением физического восприятия. Они включают в свою семантику другие семы: часто это характеристика манеры смотреть – внимательно (пристально, долго) или бегло (поверхностно, быстро, бросать короткие взгляды). Со значением ‘смотреть’ фиксируется большое количество стилистически нейтральных глаголов: *взбросить глазами* (том.) ‘быстро поднять глаза’, *взетить* (пск.) ‘усмотреть’, *зорить* (*зреть*), *аршать* (калуж.), *взглядываться* ‘меняться взглядами’, *взглядывать* (кур., калуж.), ‘глядеть наскоро, направлять зрение’, *зряться* ‘пристально глядеть’, *зрять* ‘глядеть, смотреть, наблюдать’, *зреть*, *вершить* (яросл.) ‘смотреть’, *взерцаться* ‘пристально всматриваться’, *взариваться* (пск., перм.) ‘пристально смотреть, вглядываться’, *вгледиться* (лит.) ‘пристально смотреть’, *вглубнуть глаза* (пск.) ‘внимательно, пристально посмотреть’, *взирать*, *воззреть*, *взыряться*. Встречается также большое количество экспрессивных глаголов, содержащих оценку манеры смотреть (чаще негативную): *булыглазить* (волог.) ‘смотреть на игры, какие-либо развлечения’, *буркать* (ряз., тамб.), *буркалить* ‘бесцельно, с праздным любопытством глядеть’, *большеглазиться* (пск.) ‘любопытствовать’, *бутыситься* (сев.-двин.) ‘угрюмо, сердито смотреть’, *бутуситься* (перм.) ‘хмуро, недружелюбно смотреть’, фразеологизм *продавать глаза* ‘бесцельно глазеть’ (СРНГ 6: 186); серб. *бечити се* ‘тарашится, пучить глаза’, ‘коситься’ (СХРС: 32), словен. *pasti oči na čem* ‘долго с вождением смотреть на что’, *oči so počivale na čem* ‘долго смотрели на что’ (SSKJ s.v. Oči).

Оценка, заключающаяся в перечисленных глаголах, может касаться манеры смотреть (мрачно, угрюмо, бесцельно, пристально, с любопытством), а также цели действия – смотреть на что-либо, не имеющее ценности, пустое – игры, развлечения (ср. рус. наречие *зря* ‘напрасно, тщетно, безуспешно’, восходящее к причастию настоящего времени от **zbrěti*, первоначально означавшее ‘праздно смотря’ (Фасмер 2: 106); рус. диал. *зряшный, зряще, зряшина* (СРНГ 11: 352)). Во втором случае смотрение, наблюдение противопоставляется действию и оценивается негативно, как праздно бездействие, пустое бесцельное *глазение* (ср. также фраз. *на чужую кучу глаза пучить* ‘не работая, самому наблюдать, как работают другие’ – ФСРГП).

Манера смотреть характеризует не только внешность, но и характер человека: ср. рус. ворон. *быстроглазый* ‘бойкий, смелый, находчивый’ (СРНГ 3: 350), владимир. *газопял* – означает любящих засматриваться на кого-, что-либо без надобности с предосудительной целью, оскорбляющей нравственность (СРНГ 6: 191). Отдельного упоминания заслуживают такие характеристики взгляда, как *косой, кривой*. Таким взглядом человек выражает враждебность, ненависть по отношению к объекту, на который он смотрит. Например, недоверчивый подозрительный взгляд у сербов называется *кос поглед*. О завистливом человеке говорится, что у него «лукавый» взгляд (с.-хорв. *има лукаво око*) (Якушкина 2002: 176). Пристальный взгляд в упор в русском языке метафорически уподобляется приему пищи: фраз. *есть глазами, пожирать взглядом* и др.

‘Смотреть’ и ‘говорить’. В русских диалектах одни и те же глаголы могут иметь как «зрительные» значения, так и значения, связанные с речевой деятельностью: ср. *бутуситься* ‘хмуро смотреть’: «что ты бутусишься?» / ‘упрямо спорить’ (СРНГ 3: 315); *буркать* ‘хмуро смотреть’: «что ты глазами-ти буркаш?» / ‘говорить’: «я давче буркнула ему, чтоб не ходил туда» (Там же: 289), а иногда к вышеупомянутым

могут добавляться и ментальные значения – *бачить* ‘видеть, смотреть’: «спит сова, да кур *бачит*» / ‘говорить’: «я ему *бачил*, а он не послушал» / ‘понимать’: «брат, *бачишь*, что он говорит-то?» / ‘слышать’ (СРНГ 2: 161).

Параллели между зрением и речью прослеживаются не только на уровне языка, они нашли яркое отражение в представлениях славян о сглазе (см. раздел 2.6.).

2.2. Взгляд по данным языка.

Взгляд определяется в Толковом словаре русского языка следующим образом: 1) направление зрения на кого-что-н. *Обменяться взглядами. Бросить взгляд на кого-что-н. С первого взгляда, на первый взгляд.* 2) Выражение глаз. *Суровый взгляд. Растерянный взгляд.* 3) перен. мнение, суждение. *Научные взгляды. Правильный взгляд на вещи* (Ожегов 1984: 68). В Большом академическом словаре для слова *взгляд* приводятся следующие значения: 1) устремленность, направленность зрения на кого-, что-либо; 2) точка зрения, мнение, убеждение (БАС 2: 292-294). С одной стороны, взгляд соотносится с действием *смотреть* (рус. слово *взгляд* – производное от моментального коррелята глагола *смотреть* – *взглянуть*), он является квантом, единичным актом этого действия, может заключать в себе характеристики манеры и способа смотрения. С другой стороны, взгляд может соотноситься с субъектом, который смотрит, то есть входить, в свою очередь, в ряд его характеристик, выражая его внутреннее состояние, эмоции, черты характера (ср. серб. *има лукаво око* – о завистливом человеке; *поглед кривим оком* – когда человек показывает враждебность, ненависть по отношению к тому, на что он смотрит) (Якушкина 2002: 175). Взгляд является, с одной стороны, актом смотрения, а с другой – своеобразным «продуктом» действия ‘смотреть’ (ср. в Новом объяснительном словаре

синонимов Ю.Д. Апресяна взгляд определяется как «нечто невидимое, что человек как бы выпускает из глаз, когда смотрит на что-либо» (НОСС 1995: 85)). Подобное восприятие *взгляда* отражается и в традиционных представлениях о сглазе: «*Spojrzał oto, powiedzmy, na kobietę człowiek obcy “złymi oczami” i “dusza zatrzęsła się” w niej a lęk “przeraźliwy” ją ogarnął... popatrzył tylko i z jego oczu najwyraźniej wyszło coś “złego” i na nią wstąpiło*» [Посмотрел, скажем, на женщину незнакомый человек «злыми глазами» и ее «душа содрогнулась», ее охватил «пронизывающий» ужас... Он только взглянул, и из его глаз вышло нечто «злое» и вошло в нее] (Moszyński 1967: 305).

Наименования взгляда в славянских языках представляют собой производные формы от глаголов со значением ‘смотреть’: белорус. *pozірк*, укр. *погляд*, *зір*, пол. *wzrok*, *spojrzenie*, *pogląd* (‘мнение’), серб. *поглед*, *гледиште* (‘точка зрения’), болг. *поглед*; *възглед*, *гедище* (‘точка зрения’), словен. *pogled*, *gledanje*, *nazor*. Если в русском языке значение ‘мнение’, ‘точка зрения’ выражено той же лексемой, что и физическое ‘направление зрения’ (*взгляд*), то в других славянских языках для ментального значения может использоваться отдельная лексема. Наряду с производными от «ментальных» глаголов в этом значении выступают дериваты от глаголов со «зрительной» семантикой: болг. *гедище*, серб. *гедиште*.

Нередко взгляд выступает как нечто материальное, что даже может быть отделено, обособлено от своего хозяина (об этом подробнее см. раздел 2.6). На языковом уровне тенденция к материализации взгляда выражается в словосочетаниях рус. *бросить взгляд*, *кинуть взгляд*, *метать взгляды*, *положить глаз на что-либо*, *взгляды прикованы к чему-либо*, *взгляд не оторвать от чего-либо*, пол. *(pierwszy) rzut oka* и др. (см. также – Байбурин 1993: 206). Русский глагол *смотреть* этимологически родственен с *метать*: «...намечается тенденция связать о.-с. **mot-* в **motr-* с о.-с. **met-* (и.-е корень **me-*) в **metati* и далее с **měra* <...> В

этом случае старшее знач. глаг. **sъmotrěti*: **sъmotriti*: **motriti* в о.-с. языке могло бы быть ‘целить’, ‘устремлять что-либо к цели’ > ‘устремлять, направлять взгляд’» (Черных 2: 181). Любопытно, что взгляд, как некоторые части тела (локоть, пядь, колено), а также следы, оставляемые человеком (шаг), может выступать в качестве своего рода меры: «на сколько хватает глаз» – поле зрения, пространство, охватываемое взглядом. Это значение прослеживается в таких лексемах как *видки (видок)* (пенз.) ‘пространство, которое может охватить глаз’ (СРНГ 4: 275), рус. литер. устар. *окоём* ‘пространство, которое можно охватить взглядом, горизонт’ (МАС 2: 608). Например, ведьмы могут насылать голод и отнимать у коров молоко на всем пространстве, какое только в состоянии обнять их взор (рус.) (Афанасьев 1996: 112). Аналогично в функции меры выступает и звук, голос, маркируя пространство, на которое он разносится (на котором он слышится). Ср., например, ю.-слав. обычай: девушки выходят весной в лес и выкрикивают свое имя – на то расстояние, на которое разносится их голос, к ним не смогут приблизиться змеи.

2.3. Действие ‘смотреть’ и взгляд как коммуникативный акт.

Смотрение, взгляд представляют собой одну из форм взаимодействия между субъектом и объектом, то есть своего рода коммуникацию, при которой происходит взаимный обмен информацией. При этом визуальная коммуникация стоит в одном ряду с другими видами коммуникации – речевой, тактильной. Отсюда в языке и культуре нередок параллелизм между смотрением, говорением, прикосновением (то есть различными видами контактов, использующими разные каналы чувственного восприятия). Общее у них всех – это ситуация, в которой есть участники коммуникации, прежде всего субъект, объект, инструмент, продукт действия и само действие – предикат. Коммуникация может расцениваться с двух позиций – как восприятие и

как воздействие, у каждой стороны есть свой субъект и свой объект, они зеркально отражают друг друга. В процессе коммуникации общающиеся могут меняться ролями, попеременно выполняя роли субъекта и объекта (в речевой), или же одновременно быть и субъектами и объектами (в тактильной или визуальной коммуникации).

	восприятие				воздействие			
	предикат восприятия	субъект восприятия (=объект воздействия)	инструмент восприятия	«продукт» восприятия	предикат воздействия	субъект воздействия (=объект восприятия)	инструмент воздействия	«продукт» воздействия
акустическая (речевая) коммуникация	слушать	слушатель	уши (слух)	–	производит звуки (говорит), звучит	говорящий, производящий звук	речевые органы; язык (речь); все, что производит звук	звук, речь, шум
визуальная коммуникация	смотреть	зритель	глаза (зрение)	взгляд	является видимым / показывается / бросается в глаза	видимое / вид	–	видимый образ / вид
Тактильная коммуникация	ощущать, чувствовать	– (тот, кто ощущает)	рука, тело, кожа (осозание)	телесное ощущение	прикасается трогает	ощушаемое	рука (тело)	прикосновение

В речевой коммуникации говорящий произносит речь, которую слушает слушатель, инструментом являются речевые органы, предикатом – ‘говорить’ / ‘слушать’. В случае тактильной коммуникации – субъект совершает физическое действие, неодушевленный объект подвергается физическому воздействию (одушевленный испытывает телесное ощущение), инструментом могут быть как руки, так и вся поверхность тела, предикат – ‘дотрагиваться, касаться’ / ‘ощущать’. В визуальной коммуникации это: смотрящий, объект, на который он смотрит, инструмент глаза, предикат – ‘смотреть’. Причем если в случае речевой коммуникации активная роль отводится говорящему, а слушатель пассивно воспринимает звучащую речь, то в визуальной коммуникации активным является как раз воспринимающий субъект, а видимые объекты, как правило, пассивны, они не выполняют никаких действий, они просто существуют и они видимы, то есть они доступны

взгляду субъекта. Исключение составляют ситуации, когда объект берет на себя ведущую роль и активно воздействует на органы зрения субъекта – тогда появляются предикаты со значением ‘бросаться в глаза’, ‘быть заметным’ (рус. диал. *верзиться*). Визуальная коммуникация наиболее близка к коммуникации речевой, потому что и в том и в другом случае контакт между субъектом и объектом происходит на расстоянии, они не соприкасаются физически: посредником выступает в первом случае звук (слово), во втором – взгляд. На языковом уровне речевая и визуальная коммуникация пересекаются в таких выражениях как: рус. *говорящий взгляд, красноречивый взгляд, поздороваться / попрощаться глазами*, рус. диал. *спросить у глаз* (ФСРГП) и др. В символическом языке традиционной культуры слуховое и зрительное восприятие могут параллельно выступать в ряде прагматических контекстов: например, в гаданиях (слуховых и визуальных), магии (при виде первой ласточки / когда услышишь первый раз голос кукушки весной нужно совершить определенные действия), поверьях и др.

Лексика, называющая участников разных видов коммуникации, распределяется неравномерно, не все логические позиции заполнены, существуют лакуны: для некоторых участников коммуникации не имеется специальных лексем (например, в ситуации зрительной коммуникации объект не имеет специального наименования – это все «видимое», на что можно направить взгляд; нет наименований и для участников тактильной коммуникации) (Апресян 1995: 44, Урысон 1998: 6, Толстая 2014).

Модель физического контакта служит прототипическим образцом для формирования представлений о контакте на расстоянии – речевом и визуальном. Например, и с помощью слова, и с помощью взгляда можно причинить боль, ранить человека, при этом боль в данном случае носит не физический характер (ср. *душевная боль*), а подобные фигуры речи расцениваются как языковые метафоры (*ранить / задеть за живое*

словом, уничтожающий взгляд и т.п.). В традиционной народной культуре эти метафоры находят буквальное выражение: до сих пор жива вера в то, что с помощью слова и взгляда можно причинить реальный, осязаемый, физический вред, проявившаяся в комплексе представлений о *сглазе* (*дурном глазе*). Эти верования широко распространены не только у славян, но и у всех индоевропейских, и не только индоевропейских народов (Менцей 2013: 130).

Визуальная коммуникация неразрывно связана с мыслительными (ментальными) процессами и состояниями. Глядя на объект, субъект думает, испытывает определенные эмоции и чувства, они отражаются во взгляде и оказывают влияние на коммуникацию, в том числе посредством взгляда передаются объекту на расстоянии. То есть *смотрение* представляет собой обмен информацией между субъектом и объектом. С одной стороны, глядя на объект, субъект передает ему информацию о себе, с другой – получает информацию от него. Взгляд выступает какместилище чувств и эмоций субъекта, а также как канал, через который можно их выпустить, избавиться от них, передать другому объекту или даже запереть в каком-либо замкнутом пространстве. Все это становится возможным благодаря тому, что взгляд мыслится как нечто отчуждаемое от субъекта (СМ: 360). Связь, которая устанавливается при визуальном контакте между субъектом и объектом, может уподобляться материальной, физической связи (ср.: «все *взгляды* были *прикованы* к этому человеку»).

2.4. Логический анализ ситуации ‘смотреть’.

Глаголы со значением ‘смотреть’ относятся к предикатам действия. По Ю.Д. Апресяну, они являются глаголами «активного восприятия», и противопоставляются глаголам «пассивного восприятия» (‘видеть’), а также конверсным им глаголам со значением ‘быть видимым’ (о тех и других речь пойдет в 3 гл.) и глаголам со значением активного

воздействия на смотрящего субъекта 'бросаться в глаза' (Апресян 1995: 43; Урысон 2003: 82). Логическая ситуация «X смотрит на Y» подразумевает наличие смотрящего субъекта и объекта, на который направлен взгляд. Существенную роль также играют обстоятельства, при которых происходит визуальный контакт: образа действия, времени, места.

Важно отметить, что в традиционных представлениях ситуация зрительного контакта (*смотрения (взгляда)*) неразрывно связана с оценкой, причем оценка эта не абстрактная, а прагматическая, выраженная в категориях «опасный – безопасный». В каждом конкретном случае она зависит от участников ситуации, прежде всего, от субъекта и объекта. Каждый раз решается индивидуально, кому и на кого / что можно или нельзя смотреть: некоторые объекты могут быть опасными для восприятия только ограниченного круга субъектов и наоборот, взгляд некоторых субъектов может вредить только определенному классу объектов. Например, беременным нельзя смотреть на веревки, иначе у ребенка может произойти обвитие пуповиной. Взгляд бездетных женщин особенно вредоносен для матерей и новорожденных. Мотивировки тоже могут быть различными – одни из них объясняют опасность с точки зрения субъекта, другие – с позиции объекта. Например, нельзя смотреть на больного, с одной стороны, чтобы болезнь не перешла к смотрящему, с другой – чтобы взглядом не отнять у него остатки здоровья. Из-за такого рода «адресного» подхода запреты достаточно сложно классифицировать, каждый случай индивидуален, можно лишь выделить некоторые общие тенденции, влияющие на оценку зрительного контакта как опасного или нет. Ориентированность на оценку, подразумевающую прагматическую цель – стремление избежать опасности, повлияла на выбор жанров традиционной культуры, в которых отобразились представления о взгляде и действии 'смотреть'. Это поверья, мифологические рассказы, а

также запреты и предписания, регламентирующие зрительное поведение в той или иной ситуации.

2.4.1. Субъект.

Субъектом действия ‘смотреть’ может быть любое существо, обладающее глазами (а также и сами глаза – ср. *глаза бы мои на тебя не смотрели*)⁵. Прототипическим субъектом является человек, остальные субъекты сравниваются с ним: уподобляются (метафорически) или противопоставляются ему. В народной традиции в качестве субъекта действия ‘смотреть’ выступает человек, животное, а также мифологический персонаж. Причем взгляд мифологического персонажа и животного, приравненного к мифологическим существам, часто принципиально отличен от взгляда человека. Рассмотрим сначала случаи, когда субъектом действия ‘смотреть’ является не человек.

Взгляд демонов и колдунов. Взгляд, манера смотреть, необычное зрительное поведение (наряду с особенностями глаз, см. раздел 1.3, параграф «Глаза демонов») часто выступают в качестве отличительной черты демонического существа. Например, взгляд колдуна и ведьмы часто характеризуется как *бегающий, хмурый, дикий*. В качестве черты мифологического существа часто упоминается привычка не встречаться взглядом с собеседником. У ведьмы «бегающие глаза или дикий взгляд

⁵ Предикат ‘смотреть’ может в некоторых случаях сочетаться и с неодушевленными существительными. Например, он употребляется в значении ‘показаться’, ‘стать видным’: «из-под снега на холмах *выглянули* черные прогалинки» (МАС 1: 249). В ряде случаев использование предиката ‘смотреть’ может свидетельствовать об олицетворении, приписывании неодушевленным объектам свойств живых существ. Например, способностью смотреть очень часто наделяются небесные светила: «Из-за туч *выглянуло* солнце», в проклятиях: «Чтобы на тебя ни солнце, ни луна *не смотрели!*» Это связано с тем, что в языке сохраняются следы архаического мифологического представления о солнце и других светилах как о живых, одушевленных существах. Глаголы со значением ‘смотреть’ могут употребляться и с другими неодушевленными существительными, например: «окна *смотрят* на восток» ‘окна ориентированы на восток’ (ср. рус. архангел. *глаза* ‘окна на передней стороне дома’, а также *глаза* в значении ‘перед, фасадная сторона’). Опасно держать перед окном деревья определенных пород, потому что они «заглядывают» в окно и выживают семью из дома (Агапкина 2012: 78).

(пол.); ее отличает привычка *не смотреть прямо в глаза* (чернигов.)» (СД 2: 297). Подобное поведение может мотивироваться нежеланием колдуна выдать свою демоническую природу, показать собеседнику глаза, имеющие аномальное строение. «Колдуна-то как распознать – он *в глаза не смотрит*, потому как, когда человека увидит, является он в глазах колдуна в перевернутом виде» (Шумов 1991: № 290). По мнению владимирских крестьян, колдун не смотрит в глаза собеседнику, чтобы скрыть особенность строения своих глаз: они пустые, без отражения (Толстая 1998: 142). В Полесье о ведьме говорили, что она «*ў гла́за нэ д́вівицца, ўсё больше гла́за опу́щены. Нэ дасьця ў глаза себе глянуть*» (Народная демонология Полесья 1: 146). Аналогичные представления бытуют до сих пор в Верхокамье: «Колдуна знашь! Его запросто узнать можно. Колдун никогда *в глаза не смотрит*. Если человек знающий, он в жизни *в глаза никому не посмотрит*» (Христофорова 2010: 81). О колдуне рассказывают, что «у него *глаза там вот как-то так ходят*, такой странный он... *глаза какие-то... бегающие глаза*» (там же: 81-82). Хмурый взгляд ведьмы обращен в сторону или к земле (о.-слав.). Ср. укр. диал. выражение *микуляти очима*, обозначающее 'избегать встречаться глазами с собеседником' (Гринченко II: 423).

С другой стороны, демон слишком пристально, не отводя глаз, смотрит в глаза собеседнику, желая контролировать его взгляд (а через взгляд и сознание). Например, ю.-слав. вила, беседуя с человеком, старается глядеть ему прямо в глаза, удерживает его взгляд своим и не позволяет опустить глаза вниз, где под длинной шелковой одеждой скрыты ослиные копыта (герцеговин.) (СД 2: 594). В этом случае в качестве мотивировки зрительного поведения демона также выступает стремление скрыть свою демоническую сущность. Мифологического персонажа отличает зрительное поведение, не свойственное человеку: например, кашубы верили, что ведьма может часами смотреть на солнце (Толстая 1998: 142). Болгары полагали, что обычный человек мог

ослепнуть от взгляда на солнце (Кабакова 2012: 47).

Взгляд мифологических персонажей обладает особой силой: он может быть опасен для человека и вообще всего живого, при этом взгляд – лишь частное проявление их общей вредоносности, наряду с другими вредоносными свойствами. Способность вредить с помощью взгляда является демонической по происхождению, она свойственна представителям иного мира, их глазам. Не требуется иного обоснования, почему тот или иной мифологический персонаж может причинять вред с помощью взгляда, кроме его принадлежности к миру демонов. Лишь некоторым мифологическим персонажам опасный взгляд служит основным орудием вредоносного воздействия – они наделяются способностью убивать взглядом. Прежде всего, это касается персонажей типа гоголевского *Вия*. К ним относятся «один былинный и несколько сказочных персонажей типа *Кашея*, св. Касьян в народных поверьях, так называемый *шелудивый Буняк* в западно-украинском фольклоре и некоторые другие» (Гура 2012: 133). В сюжетах о них часто встречается мотив «временной слепоты»: например, их глаза закрывают огромные, иногда свисающие до земли, веки или ресницы, предохраняющие от их смертоносного взгляда все живое⁶. Так, крестьяне Лубенского у. Полтавской губ. верили, что Касьян неподвижно сидит с опущенными ресницами (или веками) до колен, не видя белого света. Раз в четыре года, в день его памяти, 29 февраля, он поднимает ресницы, и «на что он тогда глянет, то погибает» (Мендельсон 1897: 1). «Касьян на что ни взглянет, все вянет. Касьян на скот взглянет – скот валится; на дерево – дерево сохнет. *Зинул Касьян на крестьян*» (Даль 1957: 874). Для поверий о персонажах типа *Вия* характерен также следующий мотив: демон не

⁶ Ср. слепота, вызванная чрезмерно разросшимися веками, становится характерным признаком Иуды – человека, совершившего грех предательства Христа, и тем самым фактически перешедшего в разряд демонов. Так в западно-украинской рукописи XVI в., описывающей последние дни жизни Иуды, рассказывается, что «веки его столь разрослись, что лишили его зрения» (СМ: 90).

может самостоятельно поднять веки (ресницы), в этом ему помогает нечистая сила, поднимая их вилами или крюками. А.Н. Афанасьев приводит легенду из Подолии, в которой «страшный истребитель» «взглядом своим убивал людей и обращал в пепел города и деревни. К счастью, убийственный взгляд его закрывали густые брови и близко прильнувшие к глазам веки. Только в том случае, когда хотели уничтожить неприятельское войско или зажечь неприятельский город, поднимали ему веки вилами» (Афанасьев 1996: 237). В полесской быличке смерть является в виде женщины с огромными, как малярные кисти, веками: «а веи в глазах, як помазкы» (Гура 2012: 133).

С помощью взгляда воздействовали на свою жертву некоторые демоны болезни: «в полночь в избу входила женщина в белой одежде и, пройдя по избе, неизвестно куда исчезала, или же останавливалась перед кем-либо из семейства и пристально, долго на него глядела. На другой день этот человек заболел» (Власова 1998: 38). Болезнь, являющаяся в образе девушки «Тихой», тарасила свои «мертвые бельма» и таким образом убивала детей (Barthel de Weydenthal 1922: 12; Wójcicki 1876: 71).

Смертоносным считается взгляд василиска – мифического зооморфного существа (змея-петуха). Считалось, что он способен убивать взглядом (и дыханием) или превращать в камень все, на что упадет его взгляд. Его взгляд проникает сквозь стены, от него сохнет трава, трескаются камни. Он может убить даже самого себя, если посмотрится в зеркало: «василискъ той виденіе своего на ся в зеркале виденнаго суть умираеть тотъ час» (Белова 2001: 67). Согласно некоторым представлениям, «взгляд василиска смертелен, если тот увидит жертву прежде, чем она его» (СД 1: 292).

Для остальных демонов вредоносный взгляд является дополнительным, а потому факультативным свойством. По мнению

поляков, богинка силой своего взгляда убивает или превращает в траву того, кто случайно посмотрел ей в глаза, убивает взглядом и водяной (Barthel de Weydenthal 1922: 12). О стригоне в Великопольше, в окрестностях Ловича, а также в бывшей Западной Галиции рассказывают, что он поднимается на крыльцо костела и оглядывается вокруг. В какую сторону он посмотрит, в той стороне начинают умирать люди (там же: 12). Если ведьма следит глазами за полетом птиц, то те замертво падают на землю (брест.) (Народная демонология Полесья 1: 139), Способность убивать взглядом у южных славян приписывается виле и вештице (Виноградова 2000: 48, 239). Русские верили, что огненный змей, летающий к женщинам и вступающий с ними в любовную связь, околдовывал их своим пронзительным взглядом, парализуя их волю. То же самое поверье зафиксировано и в польской традиции: змей изображался как дух, летающий по ночам к одиноким женщинам. Околдованные его пронзительным взглядом, они были не в силах устоять против любовной связи с духом (Peřka 1987: 47-49). С помощью взгляда (а также голоса, пения) заманивает своих жертв польская богинка (Виноградова 2000: 56). Парализующе действует на человека взгляд русалки: «Эта русалка как *посмотрит* на кого, как застывши человек стал, так и будет стоять, долго может так, да» (Мифологические рассказы 1996: № 172).

Взгляд животных. Магической силой наделяется взгляд некоторых животных (в основном, хтонических). Например, если человек встретится в лесу с волком, и если тот первый посмотрит на человека, он может потерять сознание (Barthel de Weydenthal 1922: 10). Причинить вред взглядом могут жабы (лягушки), ящерицы, саламандры (ящерица может сглазить беременную женщину) (Гура 1997: 87). Если лягушка смотрит на человека и пересчитывает ему зубы, то у человека выпадет столько зубов, сколько она насчитает (Barthel de Weydenthal 1922: 11). По мнению поляков, опасность исходит от взгляда собаки,

особенно если она смотрит на едящих людей. Она как бы *ест глазами*, отнимая у человека насыщение, так что человек ест, но не может наесться. Прусские мазуры, когда несут по улице молоко, закрывают подойник, чтобы в него не могли заглянуть птицы, от взгляда которых молоко убывает (Там же: 11). Вредоносен взгляд косых глаз зайца: он может сглазить, наслать бессонницу или сонливость, вызвать пожар (Гура 1997: 50). Эти представления часто связываются с тем, что в облике животных может скрываться черт, оборотень.

Магической силой наделен взгляд змеи. Македонские мусульмане Охрида верят в существование некой змеи, которая может отравлять человека лишь одним своим взглядом (Ђорђевић 1958 II: 353). Человек, посмотревший в глаза полозу, застынет, и не сможет сдвинуться с места, будет продолжать всматриваться в его глаза. Взгляд змеи воздействует не только на человека, но и на скотину: на северо-западе Болгарии верили, что уж-покровитель, живущий в хлеву, взглядом привлекает к себе самую дойную корову и высасывает у нее молоко (Маринов 1914: 105). Исключительно опасным считается взгляд змеи, когда она смотрит на солнце. Полагают, что змея может вытянуть своим взглядом из светила всю силу, и оно перестанет светить; оно не сможет зайти. Смотря на солнце, змея как бы «выпивает» его глазами; Бог запретил змее смотреть на солнце более десяти дней в году. В противостоянии змеи и солнца нашли отражение архаические мифологические мотивы о противоборстве солнечного божества с хтоническим змеем (Гура 1997: 283-286).

Особенно опасен для человека прямой визуальный контакт с мифологическими персонажами (в том числе с животными), поэтому при встрече нельзя смотреть им в глаза. Отмечается, что взгляд мифологических существ более вредоносен в том случае, если они первыми посмотрят на человека. Взгляд здесь выступает как способ получить контроль над объектом, на который он направлен, подчинить

его своей воле (подробно см. раздел 2.5, параграф «Социальные функции риутального действия ‘смотреть’»). Будучи застигнутым врасплох, человек не успевает принять защитные меры против взгляда опасного противника.

Взгляд покойника. Особой силой наделялся «взгляд» мертвых глаз покойника. «Остановившийся неподвижный взгляд» («оловяные глаза») вообще является одним из признаков мертвого. По мнению А.К. Байбурина, именно его имитируют во время гаданий, связанных с получением зрительных образов: гадающий должен, не мигая, смотреть в одну точку до тех пор, пока не *увидит* некий образ. Таким образом, живой человек, на время «превращаясь в мертвого», предпринимает попытку заглянуть в иной мир (Байбурин 1993: 205). Открытыми глазами покойник мог «высмотреть» и утащить за собой на тот свет оставшихся членов семьи: «если глаза у покойника открыты – он *нызираиць* жертву» (Демидович 1896: 136). Восточные и западные славяне верили, что взгляд покойника настолько опасен, что «если мертвец посмотрит, весь мир умрет» (Булгаковский 1890: 186). По мнению белорусов, сама смерть может воспользоваться открытыми глазами покойника и выбрать ими новую жертву (Никифоровский 1897: 286; Байбурин 1993: 203). Стремлением обезопасить живых от взгляда покойника иногда мотивировался обычай выносить тело из дома ногами вперед (чтобы глаза умершего были устремлены не в дом, а наружу). Таким образом, взгляд покойника выступал в роли незакрытого канала, разомкнутой границы между миром живых и миром мертвых, и мог стать причиной проникновения смерти в мир живых. Аналогичное объяснение имеет и вредоносность взгляда невесты (см. с. 102-103).

Рассмотрев случаи, когда субъектом действия ‘смотреть’ является не человек, перейдем, наконец, к анализу ситуаций, в которых речь идет о человеке и его взгляде.

Взгляд человека. Если относительно мифологических персонажей

разработаны в основном представления о вредоносном воздействии их взгляда на различные объекты, то относительно человека актуальными можно считать два вопроса: 1) как его взгляд воздействует на объекты, на которые он направлен (о вредоносных свойствах взгляда человека подробно см. раздел 2.6), и 2) какое влияние оказывают на смотрящего объекты, на которые он смотрит. Очевидно, что система запретов, регулирующая зрительное поведение, ориентирована на человека – именно человек в этой ситуации выступает в роли субъекта зрения, и именно ему предписывается смотреть или не смотреть на те или иные объекты. Мотивировки запретов при этом варьируются: в некоторых случаях это опасение причинить вред объекту, в других – стать жертвой его нежелательного воздействия. При этом существенными являются различные характеристики человека. Это могут быть:

– Возраст (младенчество, старость): младенцу нельзя смотреть в зеркало, иначе он долго не начнет говорить, нельзя смотреть на свою тень, чтобы не страдать бессонницей (укр., рус.). Поляки же, напротив, полагали, что от бессонницы младенцу нужно смотреть в зеркало или на деготь, пока он не увидит свое изображение (СД 1: 169).

– Пол: если мужчина посмотрит в дежу, у него не будет расти борода (дежа считается «женским» предметом) (белорус., СД 2: 47).

– Физиологические состояния (например, беременность, послеродовой период, период регул, бесплодие, болезнь, голод). В Боснии человеку, которому заговаривают змеиный укус, не разрешается смотреть на огонь, чтобы не усугубить жжение в ране (Торђевић 1958 II: 154). Во время регул женщина находится в состоянии нечистоты, она одновременно и опасна для окружающих людей и сама уязвима перед внешним воздействием (Агапкина 1996: 114, 127). Например, если она смотрелась в зеркало, на нем появлялись пятна, ей запрещалось смотреть на новорожденного; если она поглядела бы на чье-то обнаженное тело, иначе этот человек покрылся бы сыпью (Там же: 123). Значительная доля

«визуальных» запретов приходится на долю беременной: все, что попадает в поле ее зрения, могло оказать влияние на внешность, здоровье и судьбу ее будущего ребенка. Например, если беременная увидела и пожелала иметь какой-либо предмет, а ей отказали, у ребенка будет родимое пятно в форме этого предмета (чеш., словац.). Ребенок будет похож на того, на кого посмотрела будущая мать во время первого шевеления плода (Толстая 1995а: 163-164). Стоит упомянуть также запреты смотреть на птиц натошак, записанные в ходе экспедиции в Карпатское село Синевир М.Н. Толстой, которые мотивированы опасением причинения ущерба смотрящему субъекту: «Ой, вон, – говорят, – смотри, маленькие цыплята. – Ой, – отвечает, – я сегодня еще ничего в рот не брала, не буду смотреть, чтобы они меня не знерьвовали. – Потому что говорят, что если изнерьвуют цыплята, то это к тоске, целый год будешь тосковать. А если хочешь, чтобы не тосковала, если ты нечаянно их увидела и не хочешь тосковать, то пойди к воде, где вода. Или домой придешь, и возьми, ничего в рот не бери из еды, а возьми воды и проглоти, и как проглотишь этой воды, то не будешь тосковать, но эти цыплята все сдохнут...» (Толстая М. 2012: 340).

– Обрядовая роль (невеста, участник похоронной процессии). Невеста в силу своего обрядового статуса находится как бы в переходном состоянии (как и другие участники *rites de passage*), она преодолевает границы определенных жизненных периодов, проживая обрядовую смерть, во время которой происходит размыкание границ между тем и этим миром. Можно сказать, что невеста на какое-то время становится полудемоническим существом, которое полностью не принадлежит этому миру, обретает пограничный статус. По окончании свадьбы невесте запрещалось смотреть в окно, чтобы впоследствии она не скучала, сидя дома. В Болгарии, чтобы невеста не могла сглазить, ей закрывали лицо и запрещали смотреть вдаль (Врачанский окр.), особенно на посевы, опасаясь неурожая (р-н Карнобата) и града (р-н Врацы);

полагали, что все, что находится в пределах досягания ее взгляда, посохнет и увянет (Софийский окр.). Верили, что если невеста первой посмотрит на своего будущего супруга, он умрет раньше нее (сев.-зап. Болгария, р-н Лома) (Узенева 2010: 108). Болгары считали, что там, куда достигает взгляд невесты, все сохнет и увядает, поэтому невесте запрещалось смотреть на посеvy, чтобы «не унесло урожай» (Там же: 64). Особенно опасен был взгляд нечестной невесты: грех нечестной невесты «угрожает людям и скоту, урожаю и хозяйству, один лишь ее взгляд может принести беду». Поэтому ее выводят из «коморы» с завязанными глазами и ведут туда, где она сможет «оставить» свой опасный взгляд без угрозы для людей... В Полесье невесту «водили до дуба, щоб на йому скотылося, щоб он усох, а то кают, мол на хозяйстве скотыца, хай на дубе скотыца» или «кудысь выводили, щоб она *подывилась на сухэ дерево*» (Толстая 1996: 205). Также опасен мог быть взгляд участников похоронной процессии – если кто-либо из них оборачивался, его взгляд в этот момент мог причинить вред (вторая трактовка запрета народно-этимологическая – чтобы ситуация смерти не повторилась – см. также раздел 2.4.3). Поляки в Мазовии верили, что если оглядываются участники похоронной процессии, это может привести к негативным последствиям (Barthel de Weydenthal 1922: 7). Считалось, что во время похоронной процессии нельзя останавливаться, если процессия останавливалась возле какого-нибудь дома, в нем будет покойник. Это верование соотносится с представлениями о том, что покойник способен «высмотреть», увести с собой на тот свет кого-то из окружающих. Опасность, исходящая от покойника, также распространяется и на участников обряда, которые, вступая в обрядовый контакт с покойником, как бы пребывают в пограничном пространстве между этим и тем светом, куда они провожают умершего.

2.4.2. Объект.

В роли объекта, на который смотрит тот или иной субъект, могут выступать любые видимые объекты или вообще все доступные взгляду объекты, без фиксации на каком-либо определенном. Объекты могут подвергаться негативному воздействию взгляда субъектов: соответственно, погибать, превращаться в камень или растение, портиться, терять сознание, рассудок, терять силу и т.д. Прежде всего, негативному воздействию подвержены человек и связанные с ним, ценные для него, объекты – скотина, урожай, орудия труда, продукты, а также деятельность человека (прием пищи, тканьё, прядение, снование и т.п.) (подробнее о действии *сглаза* на разные объекты см. в 2.6). Примеры, когда взгляд субъекта оказывает на объект позитивное воздействие, встречаются гораздо реже (или же внимание на них не фиксируется), чем ситуации негативного воздействия. Однако объект не только находится под воздействием взгляда субъекта, он также может оказывать на него влияние. Поэтому часто предписания и запреты *смотреть* на те или иные объекты мотивируются именно с позиции субъекта (чтобы добиться пользы для него / не причинить ему вреда). Например, украинцы Закарпатья во время выноса покойника старались смотреть на лес (*дивлят на чащу*) или на зеленое растущее дерево, чтобы быть такими же здоровыми (Богатырев 2007: 107).

При обилии и разнообразии объектов практически невозможно дать их детальную классификацию, можно лишь выделить общие классы и подробнее остановиться на наиболее ярких их особенностях. Объектом действия 'смотреть' может быть человек, животное, сакральные и мифические персонажи (при условии, что они становятся видимыми), явления природы, небесные светила, предметы, ситуации и пр. (Агапкина 2012: 75).

Что касается человека, как объекта действия *смотреть*, чаще имеется в виду не любой человек, а человек, находящийся в

лиминальных состояниях (больной, умирающий, новорожденный, беременная, женщина в период регул, роженица и пр.). Например, если в хате лежал больной, то при входе нужно было сначала посмотреть на печь, потом на красный угол, чтобы не пристала болезнь. Запрет смотреть на больного мог быть мотивирован и интересами самого больного: чужой взгляд мог негативно сказаться на его состоянии, спровоцировать ухудшение самочувствия. У всех славян до сих пор действует запрет смотреть на новорожденного (подробнее см. в разделе о «дурном глазе»). Как правило, люди в лиминальном состоянии и вредоносны и уязвимы одновременно (Седакова 2007: 283).

То же самое можно сказать и об участниках переходных обрядов. Прежде всего, это касается невесты. У сербов Боснии и Герцеговины по приезде невесты в дом жениха свекровь пряталась от нее: считалось, что она умрет, если сразу увидит невесту (БНЕ: 121). Особенно опасным считалось видеть невесту роженице (р-н Карнобата) (Узенева 2010: 364). Сюда же можно отнести и запрет смотреть на покойника, который тоже является «участником» переходного обряда: беременной нельзя смотреть на покойника, потому что ребенок родится мертвым или его в лице «ни кровиночки не будет».

Запреты смотреть на невесту, новорожденного, покойника, по мнению Т.В. Цивьян, объясняются тем, что они связаны с иным миром, который в норме должен оставаться невидимым. Глядя на участников переходных обрядов и людей в лиминальном состоянии, человек подвергает опасности целостность границы между тем и этим светом (Цивьян 1990: 181).

Это же объяснение можно отнести и к запрету смотреть на сакральных персонажей (демонов или, наоборот, представителей «божественного» мира – святых, ангелов и др.). Поскольку они, как правило, являются невидимыми, речь может идти о запретах смотреть на объекты, в образе которых (или рядом с которыми) предполагается их

появление (например, часто в роли таких объектов выступают небесные светила). Например, нельзя смотреть на падающую звезду – считается, что ее несет дьявол (болг., родоп.) (СД 2: 294). В Болгарии роженице запрещалось смотреть на луну, чтобы ночью к ней не явились дьяволы. В день св. Власия нельзя смотреть на звезды, чтобы не увидеть огненного змея, который в это время летает по небу (СД 2: 333)⁷. Нельзя смотреть на огоньки, появляющиеся на кладбище, иначе ослепнешь (Босилеград) (СД 3: 506). Нельзя было смотреть на русалок, потому что они строили страшные гримасы, которые «навсегда исказили лица людей, видевших это» (Виноградова 2000: 223). Опасность представляет взгляд, брошенный на священника во время совершения обряда: если беременная женщина посмотрит на священника, несущего чашу во время «великого выхода», ее ребенок родится двоедушником (галицк.) (СД 2: 30).

Запреты смотреть на тех или иных животных мотивируются свойствами и характеристиками, приписываемыми этим животным. Так, на змею нельзя было смотреть беременной, иначе ребенок родится с бледным лицом (СД 3: 678), рябым, веснушчатым, или холодным как змея (ю.-слав.), косоглазым (Гура 1997: 196-197, 351). Если будущая мать смотрела на зайца, согласно польским, кашубским и полесским представлениям, ребенок мог родиться с заячьей губой (Там же: 190). Опасность зрительного контакта с зайцем аналогична опасности «физического» контакта с этим животным. Ср. запреты беременной есть мясо зайца (Там же: 197). Украинцы верили, что если человек смотрел на удода, у него мог вырасти зуб (Gustawicz 1881: 126). В польских Судетах девушке нельзя было смотреть на аиста, чтобы не родить внебрачного

⁷ С другой стороны, у всех славян практиковались наблюдения за поведением небесных светил, гадания по месяцу и звездам. В определенные праздничные дни было принято «караулить» солнце, т.е. на восходе смотреть игру солнца. Считалось, что только праведный человек может увидеть, как играет и переливается солнце (подробнее см. в 3 главе).

ребенка (что связывалось с понятием об аисте как о птице, которая приносит детей) (Гура 1997: 661).

Запреты смотреть на неодушевленные объекты также объяснялись различными свойствами этих объектов. Боснийцы запрещали беременной женщине смотреть через решето, чтобы у нее не родился ребенок с оспинами на лице (Dragičević 1896: 196). Если беременная женщина будет смотреть на огонь, у нее может родиться ребенок с родимым пятном. Мужчине нельзя смотреть в дежу, так как дежа является женским атрибутом, который мог негативно сказаться на его мужественности. Особо регламентирован визуальный контакт с такими объектами, как окно, зеркало, вода (колодец) и т.п., которые играют роль границы между тем и этим светом (Виноградова 1995: 386, 389; Виноградова, Левкиевская 2004: 537; Толстая 1999: 321-324).

Взаимоотношения субъекта и объекта в ситуации ‘смотреть’. В ситуации зрительного контакта смотрящий субъект и воспринимаемый с помощью взгляда объект могут играть различную по значимости роль. Обычно активная роль принадлежит смотрящему субъекту (он заполняет валентность субъекта в пропозиции – «X смотрит на Y»), объект остается в пассивном положении. Однако и объект может выступать в роли активного участника ситуации – он привлекает к себе внимание, бросается в глаза, притягивает взгляд субъекта. Тогда употребляются конверсные глаголы со значением ‘бросаться в глаза’ типа рус. диал. *вержить*: «фу-фу-фу: досель черной ворон кости россейской не занашивал, а ныне *в очи вержит!*» (сказка) (заонеж., олон.); *ныне руська кость сама в очи вержит!* (онеж., архангел.) (СРНГ 4: 145). В славянских языках это значение представлено с помощью фразеологизмов: рус. *бросаться / лезть / бить в глаза, метаться в глаза* (респ. Коми, Усть-Цилемский р-н), *вбирать глаза* (одес.), *встрелить в глаза* (баш.), *вторнуться в глаза* (пск.) (БСРП: 120); укр. *впадати, впасти в око (в очі); спадати, спасти на очі; набігати, набігти на очі;*

брати очі [на себе]; вбирати [в себе] очі, белорус. *кідацца (падаць) у вочы* (Мяцельская, Камароўскі 1972: 266); пол. *rzucić się w oczy komuś*, словац. *biť do oči*, словен. разг. *pasti v oči* (SSKJ).

В диалектах выделяется также группа атрибутивной лексики, описывающей объект с точки зрения его способности быть заметным, бросаться в глаза. Например рус. диал.: *глазасто* ‘ярко, красиво’ (яросл.) (СРНГ 6: 186), *глазастый* – такой, который чем-либо бросается в глаза: «Лучшая в строю, многостайная и *глазастая* окнами изба» (Даль, без указ. места), ‘с крупным ярким рисунком, бросающимся в глаза’ (о рисунке на тканях, посуде и т.д.): «Ситец хорош, да больно *глазаст*» (моск.) (СРНГ 6: 187); *видкий* ‘ясно видный, бросающийся в глаза’ (алт., том.), *видкóй* (пск.) (СРНГ 4: 275). Также и в переносных значениях: рус. *видный, заметный* ‘знаменитый, выдающийся’ (*видный ученый*).

2.4.3. Обстоятельства.

Иногда в ситуации *смотрения* именно обстоятельства, при которых происходит зрительный контакт, играют решающую роль. Это могут быть обстоятельства времени, образа действия, цели, в отдельных случаях места. Что касается обстоятельств времени, нет смысла останавливаться на них подробно: как правило, это обычные «переломные» моменты времени суток и календаря, когда происходит размыкание границы между тем и этим светом (Толстая 1995: 450). Единственное обстоятельство времени, которое непосредственно связано со зрительным контактом – это темное время суток (до восхода солнца, на рассвете). То же самое можно сказать и об обстоятельствах места – в запретах и предписаниях относительно визуального контакта выступают типичные «пограничные» локусы: окно, печь и т.п. (Левкиевская 1999: 304-308). Например, высматривать покойников нужно в окно, или сидя на печи. В темное время суток (на Святках) запрещается выглядывать в окно и др. Часто обстоятельства времени и места не играют

самостоятельной роли, а выступают в комплексе с другими обстоятельствами – цели, образа действия. Время и место играют роль дополнительных условий, придающих действию ритуальный статус, что демонстрируют приведенные ниже примеры.

При визуальном контакте более важными, чем время и место, оказываются обстоятельства цели. Ряд запретов основан на принципе: не смотреть на что-либо в какой-то определенный момент или период времени (обычно это праздник, сакральное время), с целью не видеть этого (или другого объекта, каким либо образом связанного с объектом, на который запрещается смотреть) в будущем. Связь между объектами может быть основана на принципе подобия, например: веретено – змея (змея крутится и извивается, как веретено, в некоторых районах змея называется *веретеница*), веревка – змея (по форме). Если на Рождество или на Благовещение взглянуть на веретено, летом встретишься со змеей (Успенский 1982: 176). В Полесье следили, «на Коляды штоб не було ни прадзива, ни верацён, нічого. Так хавали, штоб его савсем *не бачили*. У кутки такие закидали, *шоб очи не бачили*. Дак казали, як у лес пойдзеш, дак *не бачицьмеш* вужа ци змей» (ПА, Жаховичи Мозыр. р-на Гомел. обл.) (Толстая 2005: 23). «Як вырытыно в свято чясто *бачытымыш*, то *будыш бачыты* в лисы гадыну, гадюку» (ПА, Симоновичи Дрогичин. р-на Брест. обл.) (Там же: 224). Наряду с этим может встречаться и другая формулировка – «не брать в руки» веретена, однако в текстах этого рода явно доминирует именно запрет смотреть на веретено. Выбор в пользу «визуального» глагола в данном случае подчеркивает неукоснительность запрета: не только не брать в руки веретена, но даже и не смотреть на него. Визуальный контакт с веретеном влечет за собой встречу со змеей в будущем, а отсутствие визуального контакта гарантирует, что встречи со змеей удастся избежать. В этом функциональном контексте может употребляться и глагол *видеть* («не *видеть* веретена»), что становится возможным, поскольку речь идет о значении ‘встречать, видеться’, то

есть ‘иметь (визуальный) контакт’, разница между глаголами активного и пассивного визуального восприятия *смотреть* и *видеть* фактически нивелируется. В сходном значении выступает глагол *видать* в заговорных формулах: «Пойди, грыжа, в темные леса, сядь им на голову, мозги выпей, смерти предай, рабы Божьей Натальи *не видай*» (ЗЗП 1998: 9).

Некоторые запреты касаются способа смотрения: например, нельзя смотреть вверх головы младенца, иначе он будет косить (СД 1: 565). Довольно часто встречается запрет смотреть назад (смотреть через плечо, оглядываться). Семантика действия смотреть назад заложена в его направлении: это действие символически отсылает субъекта к иному миру (зад, изнанка – признаки иного мира; ср. у лешего нет спины, так как он сам «спина», «изнанка»). Оглядываясь, человек как бы вступает в контакт с иным миром и тем самым подвергается его опасному воздействию. В сюжете быличек, когда человека преследует мифологический персонаж, взгляд назад может сыграть роковую роль: человек становится жертвой преследователя. Л.Н. Виноградова приводит формулу угрозы «перевернуть голову *вочами назад*», которая встречается в белорусских поверьях. По ее наблюдению, эта угроза сочетается с запретом оглядываться на преследующую русалку: «Не смотри назад, а то *галаву перекрутят русалки*»... чтобы спастись от русалки, надо бежать до перекрестка дорог, там воткнуть нож в землю, «а то як нагоня тябе – галаву перякруте... *назад вочами* поставе» (Виноградова 2000: 161). Выворачивание глаз на затылок упоминается и в болгарском проклятии: «*Очитъ на тило да му стоять!*» [Чтобы ему вывернуло глаза на затылок!] (Дабева 1934: 55). Известен также запрет оглядываться на потухший купальский костер: «Уходя от купала, *нельзя оглядываться*, чтобы не догнала ведьма, которая обязательно там присутствует» (Виноградова 2000: 266). Неслучайно особенно часто запрет оглядываться возникает в ситуации контакта с иным миром (при

гаданиях или других обрядовых действиях). Этот запрет мотивирован опасностью увлечь за собой нечистую силу или самому остаться в ином мире. Прервать зрительный контакт с потусторонним – означает проложить границу между собой и тем светом, который локализуется за спиной, сзади. «На Украине девушки приносили воду (из источника) во рту, причем при возвращении в дом *нельзя было оглядываться...*» (Виноградова 2000: 336). Нашедший на Ивана Купала в лесу папоротник должен был его сорвать и бежать, не оглядываясь (Новичкова 1995: 234). В русской быличке, чтобы найти потерянную корову, нужно было пойти в лес, положить для лешего угощение и вернуться назад, не оглядываясь. Женщина нарушила запрет, в результате чего леший «хлестнул ей вицей и *выхлестнул глаз*. Но корову отмахнул... „Не послушалась меня, так ходи весь век кривая”. Мог бы хуже все переломать» (Мифологические рассказы 1996: 140). Иногда дополнительной мотивировкой запрета оглядываться становится опасение увидеть демона: «Колдун ей говорит: „Ваша лошадь жива, иди дорогой и *не отворачивай*”. А она пошла и отвернулась, и увидела: человек в вострой шапке на ее лошади, как засвистит и только хвост мелькнул» (Там же: №293). Запреты оглядываться часто сопровождают ритуальные действия, направленные на изгнание домашних насекомых и других вредителей: в Верхней Краине в Чистый понедельник относят выметенный мусор на чужую межу, зовут по имени хозяина дома, которому принадлежит межа, говорят: «Ево ти бува и стеница!» [Вот тебе блохи и клопы!] и бегут домой, не оглядываясь (Торґевић 1958 II: 247). В Малопольше, чтобы насекомые не кусали скотину, пастухи относят их на границу села или несут их туда в разных руках. Кладут вошь на свое поле, а блоху на чужое и возвращаются, не оглядываясь (Гура 1997: 428). В Закарпатье чтобы защитить посевы от воробьев в полночь в субботу обегают голыми поле, очерчивая круг вокруг посевов терновой веткой, и возвращаются домой не оглядываясь (Потушняк 1941, 1942). Иногда

запрет оглядываться мотивируется угрозой повторения (удвоения) ситуации. Если во время похорон священник посмотрит назад в сторону дома, где жил покойник, то в нем опять кто-то умрет. Оглянувшись, человек символически перечеркивает начатое дело. Взгляд назад во время совершения ритуала (лечения, гадания, ворожбы, изгнания насекомых и вредителей) мог свести на нет его действие. Запрет оглядываться был адресован и тем, кто надолго покидал родные места. Негативные последствия «оглядывания» находят подтверждение в библейской традиции (легенда о жене Лота). В фольклорном варианте легенды: «Поп бежал из проклятого города с тремя дочерьми; пророк предупреждал его не оглядываться назад, когда Бог будет уничтожать город огнем, однако дочери не удержались и оглянулись. Тогда поп проклял их, и они превратились в медведя, обезьяну и соловья» (Гура 1997: 159). Оглядываться нельзя было человеку, который разводил огонь в печи, это могло спровоцировать пожар. При взгляде на огонь информация о нем как бы запечатлевается в глазах смотрящего, этот «след огня» может вызвать пожар в дальнейшем. Взгляд оглянувшегося человека может расцениваться как *урочный* (Barthel de Weydenthal 1922: 7) (подробнее об этом см. раздел 2.6).

Особенную силу взгляду мог придать такой сирконстант, как «рамка», через которую можно было «пропустить» взгляд (см. ниже, с. 115-117).

2. 5. ‘Смотреть’ как ритуальное и магическое действие.

Трудно представить себе более обыденное действие, чем действие ‘смотреть’. Ежедневно в поле зрения человека спонтанно попадает множество предметов, и порой он совершенно не контролирует этот процесс сознательно. Однако в традиционной народной культуре данное действие, как и многие другие, подвергается регламентации. Трудно сказать, что действие *смотреть* обладает своей собственной

«независимой магической силой», как ею могут обладать другие действия (Толстая 1996: 89; Агапкина 2012: 75), так как для его символического значения каждый раз оказываются важными участники магического акта (прежде всего субъект и объект, а также сопровождающие его обстоятельства). Основными целями являются:

– сообщение объекту, на который направляется взгляд, неких свойств или качеств субъекта: исцелиться от порчи можно водой, в которую посмотрят все члены семьи (оставят в воде, которая «все принимает», свой «добрый» взгляд) (зап. в с. Лекма Слободского р-на Кировской обл., 1998 г.). Ср. отражение данного представления в заговорном тексте: «В бане воду ладишь. Обкатываешься. Смотришь на воду: „Господи. Иисусе Христе! На воду *гляжу*. Все скорби и болезни свожу. Аминь. Аминь. Аминь”. Три раза говоришь и обкатываешься» (ЗЗП 1998: 7).

– избавление субъекта от свойств или качеств, при этом их можно было или перевести на какой-либо посторонний объект или символически отослать на тот свет. Так можно было избавиться от болезней: например, чтобы вылечить желтуху, на тарелку клали живую щуку и заставляли больного внимательно смотреть на нее, пока она не уснет, пожелтев. Верили, что тогда больной выздоровеет. Считалось, что болезнь, проявляемая во внешнем признаке желтизны, через взгляд перейдет к рыбе и покинет больного. Через взгляд можно было избавиться от негативных чувств и эмоций, символически отослав их на тот свет с помощью различных «каналов», которые служили своего рода отверстиями, «окнами» на тот свет. Например, для того, чтобы избавиться от тоски по умершему (или чтобы не бояться покойника), после похорон нужно было заглянуть в печную трубу. На Новгородчине, вернувшись с кладбища, заглядывали в печь и в подполье со словами: «Ух, нету!» (Седакова О. 2004: 202). По житомирскому поверью, чтобы забыть покойного, следовало после выноса его из хаты приоткрыть

крышку дежи, заглянуть в нее и сразу же снова закрыть, тем самым символически заперев свой взгляд в деже (Агапкина 2012: 77). С этой же целью у восточных славян практиковался обычай при выносе гроба из дома или по возвращении с кладбища заглядывать в устье печи. При выносе гроба остающиеся дома дети смотрели в печку, засунув в нее голову, чтобы не видеть покойника и самим скоро не умереть. Заглядывание в печь практиковалось в составе многих обрядов и occasionalных ритуалов, например, в затопленную печь заглядывали, чтобы вылечить ребенка от испуга.

– получение свойств и качеств от объекта: на Брянщине девушке предписывалось смотреть в дежу, чтобы она была такая же «пышная», как поднявшееся тесто. В Тарновском воеводстве держат двух пойманных кротов в новом горшке, который ежедневно ставят перед конями, чтобы, смотря на них, кони становились такими же упитанными, гладкими и лоснящимися, как кроты (Гура 1997: 265). У хорватов в Славонии невеста по приходе в дом жениха должна была смотреть в очаг, чтобы дети рождались черноглазыми (Плотникова 2004: 561). Представление о том, что глядя на объект, можно приобрести от него желаемые свойства и качества, актуально и в наши дни, в том числе в городской среде. Если беременная женщина хочет, чтобы ее ребенок родился красивым, она должна смотреть на красивые лица, произведения искусства, избегать всего безобразного, увечного. В традиционном обществе с этой целью практиковалось смотрение на сакральные объекты: например, вылечить желтуху можно, если в церкви посмотреть в освященную чашу. В Чехии обливали коров водой, на которую, по словам заговора, «смотрел Христос», чтобы у них было больше молока: «*Vodičko, vodičko... ty hledíš do nebe, Pán Ježíš – do tebe*» [Водичка, водичка, ты глядишь на небо, Господь Иисус на тебя] (Вельмезова 2004: № 213).

– установление контакта с объектом и получение власти над ним

(при этом взгляд направлялся не на сам объект, над которым нужно было получить власть, а на различные значимые сакральные локусы жилища): молодая, приехав после венчания в дом молодого, смотрела на печь или печной столб и затем трижды обходила с мужем вокруг стола, что знаменовало ее приобщение к новому дому. Жених, войдя в дом с молодой женой, должен был заглянуть в дымоход, чтобы всегда знать и видеть, что делает жена. На Русском Севере пропавшего в лесу человека или скотину можно было найти, заглянув в печную трубу. В Прикамье при проходах рекрута его обязательно «ворочали» назад с дороги, чтобы он впоследствии «вернулся» домой, при этом его заставляли сесть перед печью и посмотреть в нее (что способствовало одновременно избавлению от тоски по дому, и магическому «привязыванию» рекрута к родному очагу). Смотрение в трубу, устье печи воспринималось как способ открывания пути на тот свет, поэтому представляло опасность для человека. В ряде случаев действовал запрет заглядывать в печь. С помощью взгляда, вглядывания можно было установить контакт с иным миром (в гаданиях, лечебной магии). Например, гадающие всматривались в воду, прорубь, колодец, зеркало, окно, кольцо и другие объекты, чтобы приобщиться к иному миру и благодаря этому получить сведения о будущем.

– проявление заботы об объекте: осматривание как забота, присмотр наиболее ярко проявлялось в рамках весенних праздников (Юрьев день, Троица и др.). В эти дни практиковались ритуальные выходы в поле с целью осмотра посевов, которые выполнялись с продуцирующими целями и должны были спровоцировать посевы к активному росту. В весенних песнях осматривание посевов приписывалось св. Юрию. В этих обрядах реализовывалось значение присматривания, ухода, проявление заботы, которое эксплицировано также и на языковом уровне – глаголы со «зрительной» семантикой развивают значения, связанные с заботой: ср. рус., белорус. диал.

смотреть, глядеть (ребенка, стариков), рус. диал. *соглядáть* ‘стеречь кого-либо’ «я уж без тебя *согляжу* ее (дочь-невесту) *как зеницу ока*» (волог.) (СРНГ 39: 199); *дозирáть* ‘присматривать, наблюдать, ухаживать’ (вят.) «надо *дозирать* за детьми» (СРНГ 8: 94); *дозóрить* (архангел.): «надо *дозорить*, чтобы добро-то уродилось (в огороде); за пчелами-то *дозорить* много надо» (Там же: 92), пол. *doglądać* bydló, dzieci.

В визуальной магии нередко используется специальный сирконстант-инструмент – «рамка», сквозь (или через) которую смотрит субъект, исполняющий ритуал (Агапкина 2012а: 16; Ясинская 2013а). Это может быть отверстие, полость, проем, представляющий своего рода «окно», «глаз». Роль этой «рамки» в ритуалах различна: иногда именно ее свойства несут основную смысловую нагрузку в семантике обрядового действия, а иногда она не имеет самостоятельного значения – лишь усиливает и подчеркивает само действие, позволяет «сфокусировать взгляд» на объекте, «конституировать подчеркнуто условную ситуацию пребывания в ином мире» (Байбурин 1993: 205). По мнению Т.А. Агапкиной, «заклучение объекта, находящегося на расстоянии от смотрящего, в магический круг должно изолировать его от всего случайного и тем самым выявить его истинную сущность, а также вернуть утраченное, восстановить порядок и благополучие» (Агапкина 2012: 80). Выделяются следующие основные функции взгляда через отверстие:

Взгляд, пропущенный через «рамку», устанавливал взаимосвязь между субъектом и объектом: в Болгарии молодожены смотрели через свадебный калач друг на друга, чтобы «соединиться навеки». Считалось, что если через свадебный калач парень и девушка посмотрят друг на друга, они обязательно поженятся (Узенева 2010: 119).

Взгляд через «рамку» позволял приобрести власть над объектом, подчинить его себе: болгары из окрестностей Ловеча пекли особый

калач, замешанный на молоке кормящих матери и дочери: девушке стоило только взглянуть через отверстие в таком калаче на парня, как он тут же влюблялся (Агапкина 2012: 81). У болгар в р-не Кюстендила на Преображение женщины, подозревавшие своих мужей в измене, протыкали веретеном дырку в подсолнухе и смотрели через нее на своих мужей, чтобы неверные «преобразились» и вернулись к ним (там же: 80)⁸. Смотрение *через* практикуется в хозяйственной магии с целью подчинить себе, привязать к дому или вернуть потерянное животное: так для того, чтобы удержать пчелиный рой, сербы смотрят на него сквозь обручальное кольцо или сквозь обе проймы безрукавки, штанину (Гура 1996: 464). Русские крестьяне Заонежья в поисках пропавшего животного смотрели в подойник (Логинов 1993: 33). Смотрение через отверстие функционально уподобляется физическому заключению домашних животных в круг, которое часто применяется в хозяйственной магии (ср. кормление цыплят из обруча, чтобы они не терялись, держались дома и др.). В метеорологической магии взгляд через отверстие позволяет управлять погодой: болгары использовали обрядовый калач, глядя через который они получали силу прогонять градоносные облака (Агапкина 2012: 80).

Рамка давала возможность сконцентрировать взгляд на объекте (заключить его в магический круг) с целью получить от него какие-либо желаемые качества: в восточной Сербии девушки на *Ивањдан* смотрели через венок на солнце, чтобы быть красивыми и румяными, как солнце (Костић: 390).

В ритуале могли эксплуатироваться свойства самой «рамки»: чтобы вызвать у себя чувство ненависти к какому-нибудь человеку, сербы смотрят на него через волчью гортань (Гура 1996: 153). Здесь

⁸ В последнем примере магия взгляда, призванная привязать к себе объект, на который направлен взгляд, усиливается этимологической магией календарной даты: *Преображение – преобразиться* ‘измениться, поменяться’.

именно связь «рамки» с волком (животным, которому приписывалась жестокость, враждебность) придает основной смысл ритуальному действию, вектор которого направлен на смотрящего субъекта. Свойства «рамки» могли использоваться и с целью повлиять на объект действия 'смотреть': когда к дому приводят только что купленную корову, хозяйка выходит из ворот и смотрит на корову через сито, и так взглядом провожает ее, пока та не войдет в хлев. Считается, что это делается для того, чтобы корова была плодовитая (Протий 1937: 45). В данном примере свойства сита (с одной стороны, его связь с мукой, урожаем, с другой – множественность его ячеек) были призваны обеспечить плодовитость скотины. «Рамка» применялась также и во вредоносной магии, при этом в ход шли «покойнички» предметы: сербы верили, что можно было вызвать бесплодие у женщины, если посмотреть на нее сквозь круг, сделанный из недогоревших погребальных свечей; это же действие должно было помешать судье вынести обвинительный приговор (Агапкина 2012: 81). В этих примерах существенную роль в семантике обряда также играют свойства «рамки» (связь с миром мертвых).

Смотрение через отверстие очень часто практикуется с целью увидеть невидимое (об этом подробно см. раздел 3.3.2, параграф «Способы обретения сверхзрения»).

Социальные функции ритуального действия 'смотреть'. У действия *смотреть* выделяется ряд социальных функций, регламентирующих положение человека в обществе, в семье, касающихся отношений между людьми. Намеренное смотрение на кого-то или на что-то могло обозначать:

– Освоение через взгляд человеком окружающего мира, способ его завоевания, преодоления трудностей, внушения окружающим уважения к себе: после венчания невеста должна была оглядеть всех и вся в доме жениха, чтобы быть смелой в новом доме, быстрее обжиться в нем, быть

любимой домочадцами и мужем (волог.). Чтобы избежать порчи со стороны тех, кому не хватило места за свадебным столом, невеста и жених должны были пристально посмотреть им в глаза. Любопытные переключки наблюдаются с формами визуальных состязаний вроде игры в «гляделки», когда победителем признается тот, кто пересмотрит соперника (Байбурин 1993: 206).

– Непрерывное всматривание связывалось с чувствами восхищения, любви и т.д. Чтобы внушить избраннику любовь, нужно было пристально смотреть ему в глаза: «*смотри* только чаще и больше *в глаза* девка парню и парень девке: беспременно полюбит» (Мазалова 2001: 26). Всматривание являлось доказательством наличия любовного чувства в отношении объекта. В языке лексика, первоначально связанная с семантическим полем зрительного восприятия, на аксиологической шкале может занимать место от самого негативного (*ненавидеть*), до самого позитивного (*ненаглядный*). Идея о том, что смотрение на объект выступает свидетельством любовного чувства, находит подтверждение и в фольклорных текстах, а именно в русских северных заговорах на любовь и славучность: «Умывайся, мое личико, бело, румяно, *всем молодцам приглядно*» (Аникин 1998: №584). «Сколь золото-серебро чисто и кругло, столь бы и я, раб Божий (имя) был бы бел и чист, чтобы все *зорили и смотрели и глаз не сводили*» (Там же: №588). Также в народных лирических песнях чувство влюбленности описывается через желание постоянно смотреть на предмет любви, держать его перед глазами: «Не пила бы я, не ела, Все на милого *глядела*; Не дремала б я, не спала, К себе милого все ждала!» (Соболевский 2: 138). Напротив, отсутствие перед глазами любимого человека вызывает тягостное чувство, печаль, болезненное состояние: «Жаль, *не вижу* любезнаго дружка своего: Который день его *вижу*, молода, Тот денёчек очень весело, млада, хожу. А *не вижу* я, во постелюшке с горя лежу» (Там же: 169). Если любимый объект исчезает из поля зрения, субъект желает

насмотреться на него впрок. Этот мотив встречается в севернорусских похоронных причитаниях: «*Наглядитесь, бедны ясны мои очушки, Про запас да на родитель свою-матушку, Во своем пока хоромном строеньице*» (Причитанья 1: 68), «*Наглядитесь, победны мои очушки, Хоть во этой церкви посвященной, Про запас вы на сердечно мило дитяtko, Во умёршее во бело это личушко!*» (Там же: 110).

– Нежелание смотреть на объект связывалось с отсутствием любви, в крайнем проявлении – ненавистью. Ненависть действует таким образом, что объект становится неприятным, отвратительным для глаз. Пожелание «*Глаза б мои не глядели на что-либо (не видели что-либо)!*» характерно для жанра проклятий – таким образом адресант проклятия выражает свое негативное отношение к объекту, который ему настолько неприятен, что он даже не желает смотреть на него или его видеть. В мифологических рассказах состояние супруга, на которого наведена остуда, описывается как отвращение именно при визуальном контакте с женой: «И он стал ненавидеть ту, котору привёз-то, жену-то свою стал ненавидеть, что вот *не могу глядеть*. Как она уйдёт куда, говорит: терпенья нету, нать, чтоб она вернулась. Домой придёт – *смотреть не могу*» (Мороз 2013: 71-72). Во вредоносной магии, направленной на разлучение супругов, используются предметы, связанные со змеей, волком, или заговоры, в которых упоминаются эти животные. Например, на Русском Севере зашивают молодым в подушку или в перину змеиный выползок (Гура 1997: 331). В результате этого супруги начинают казаться друг другу этими животными (ср. *смотреть волком*): «Вот как делали. Они [жених и невеста] друг на друга *поглядели, как будто волки*. Ей *кажется, будто он волк*, а ему *кажется, будто она волчица*. А потом отошло» (Мифологические рассказы 1996: №333). «Когда от меня вздумал муж уходить, мне сказали, сходи к бабке... А он, говорит, как ты войдешь, все *змея пестрая в глазах*, ненавижу тебя... Люди и посоветовали, сделает, говорят, бабка водички, чтоб помылся, глаза-то.

„Вот *видится ему змея полосатая*, сделай мне водички”» (Там же: №306). Сравнение нелюбимой жены со змеей характерно и для лирических песен: «Ты возьмешь себе молоду жену, Молоду жену, змею лютую: Из норы ползет, озирается, По песку ползет, извивается, По траве ползет, мураву сушит!» (Соболевский 2: 150). В результате порчи муж и жена начинали казаться друг другу чертями, и жили в постоянных ссорах «как черт с чертовкой»: «...в доме ц’ёловек как ц’ёловек, муж как муж, а в баню придет – мохнатой сидит. Ц’ёрт» (Мороз 2013: 69). Если *кинута остуда*, муж и жена могут казаться друг другу мышами или жабами. Это значит, что остуда наведена с помощью заговора, где были упомянуты различные гады (Там же: 17). Змеи, волки, нечистая сила в данном случае выступают как отталкивающие визуальные образы, способствующие угасанию любви.

– Смотрение воспринималось как способ формирования отношений между людьми, о чем свидетельствуют его некоторые функции в свадебном обряде. При посещении дома и хозяйства жениха перед свадьбой, родители невесты первым делом брали в руку кочергу и заглядывали в печь (рус. ворон.), на Среднем Поволжье они должны были посмотреть на матицу, чтобы обеспечить хорошее отношение к дочери в новой семье (Зорин 2001: 54). Когда на молодых накладывали венцы, они не должны были смотреть друг на друга: если они друг другу во время венчания не понравятся, то не будут любить друг друга всю жизнь. Во время венчания молодая держала за пазухой зеркало, потом она давала мужу посмотреть в него, чтобы муж ее любил. Когда свадебная процессия приближалась к дому невесты, она смотрела в окно на жениха *через* перстень: если она видела, что в это время жених смотрит в направлении ее дома, ее семейная жизнь будет удачной, и наоборот (Вакарелски 1935: 369).

– Осматривание с целью признания сообществом нового социального статуса практиковалось в семейных обрядах. Оно

сопровождало человека от рождения (проведывание новорожденного) до смерти (прощание с покойником). В рамках свадебного обряда на различных этапах совершается осматривание различных предметов (приданого, хозяйства жениха и пр.). В терминологии свадебного обряда присутствует значительный пласт лексики со значением 'осматривания, проведывания': это рус. *смотрины, осмотр, гляданки, погляд, погляденье, поглядушки*; участники обряда, принимающие участие в смотринах, 'свидетели' назывались: рус. *позоряне, смотроки*, серб. *углеђани, загледачи* (Гура 2012: 395-406). В похоронном обряде смотрение могло выполнять также апотропеическую функцию: например, в Пермском крае дочь, вернувшись с кладбища после похорон отца, осматривала дом, двор и все хозяйственные постройки со словами: «Нету папы? Ну, если нету тебя, то к нам больше не ходи» (УДр: 152).

2.6. Взгляд в народной традиции. «Дурной глаз».

В словаре «Славянская мифология» взгляд определяется как «вид материального контакта, устанавливающего магическую связь между человеком и явлением природы, предметом либо его символической сущностью» (СМ: 360). Выше уже упоминались такие свойства, приписываемые взгляду, как материальность, отчуждаемость от субъекта, которые нашли отражение в языке. В языке и традиционных представлениях взгляд уподобляется каналу, по которому информация поступает от субъекта к объекту («исходящая») и в обратном направлении («входящая»).

«Входящая» информация представлена всем множеством объектов и ситуаций, попадающих в поле зрения смотрящего (все, на что может быть направлен его взгляд). «Исходящая» информация носит более абстрактный характер. Ее составляют, с одной стороны, внутреннее состояние субъекта (зависть, тоска, удивление и т.п.), а с другой –

полученная ранее внешняя («входящая») информация (чаще всего негативная и вредоносная). Взгляд наделяется медиативными свойствами, то есть может принимать, переносить и сообщать объектам некую информацию, чаще негативную. Именно эти представления о взгляде послужили основой для формирования комплекса верований, связанных с *дурным глазом*, или *сглазом*.

«Дурной глаз» – способность человека причинять вред с помощью взгляда и, иногда, слова. От других видов порчи сглаз отличает декларируемая непреднамеренность: *урочливый*, *глазливый* человек причиняет вред часто только на том основании, что его глаза обладают такой способностью. Он может навредить своим близким или даже самому себе, поэтому он вынужден соблюдать особые предосторожности, чтобы избежать этого.

В представлениях о сглазе причинение вреда с помощью взгляда выступает параллельно с порчей словом и мыслью. Результаты действий, производимых взглядом, словом и мыслью, часто смешиваются, рассматриваются как идентичные и обозначаются чаще всего терминами *сглаз*, *урок*, а само действие глаголами *сгláзить* с корнем *glaz-* и *изурóчить* с корнем *rek- / rok-*. Эти слова, несмотря на различную этимологию, по сути означают одно и то же: «вредоносное магическое воздействие на человека, его хозяйство, работу и скот посредством взгляда, слов похвалы, злых, завистливых мыслей и намерений» (СД 4: 597).

Производные от корня *rek- / rok-*, обозначающие данный вид порчи, встречаются во всех славянских языках: рус. *уро́к*, *уро́ки*, укр. *уро́ки*, *уро́чища*, белорус. *уро́ки*, *сурóцы*, серб. *урок*, *урук*, *урочак*, *рок*, болг. *уроки*, *уроци*, *за́роци*, *зарек*, макед. *урок*, *зарек*, словен. *uroki*, *vürok*, *urak*, пол. *urok*, *urzek*, *przyrok*, *weźrok*, *brzydki weźrok*, чеш. *urok*. Ср. в современном литературном польском языке *urok* – ‘обаяние’, ‘очарование’, *urzec* – ‘очаровать’, ‘понравиться’. Среди названий данного

вида порчи зафиксированы и другие лексемы с той же «речевой» семантикой: *примовки* (белорус.), *примаўка* (укр.), *омайване* ‘болезнь, полученная от сглаза’ (болг.) и др.

Термин *сглазить* (*сглаз*) распространен в русских диалектах, где фигурирует название органа зрения *глаз*. В славянских диалектах присутствуют обозначения ‘сглаза’, образованные от глаголов со зрительными значениями: *призор* (рус.), *подив*, *подивок*, *падиў* (полес.), *zazioru* (ст.-пол.), *ззор*, *завидост*, *чуди*, *почудиште* (серб.), *поглядища*, *очи*, *пóчуди*, *почудища* (болг.), *почудиште* (макед.), *завидост* (серб.). «Зрительная» семантика данного вида порчи проявляется также в описательных конструкциях с опорным словом ‘глаз’, ‘взгляд’ (*глаз*, *око*, *оџи*, *oczy*, *pogled*, *weźrok*) и оценочным атрибутивным компонентом, обозначающих способность человека к данному виду порчи. О таких людях говорят, что у них: рус. *злой глаз*, *дурной глаз*, *нехороший глаз*, *дикий глаз*, *худой глаз*, *накованный глаз*, *глаз с навесом* (перм.), *роковой глаз* (горьк.); белорус. *дурны глаз*, *пагани очи*, *чортовы глаза* (полес.); пол. *usorzne*, *urokliwe*, *przyrocne*, *przyroklive*, *brzydkie*, *liche*, *złe*, *niedobre oczy*; словен. *zli pogled*, *škodljive*, *strupene*, *sumljive*, *poškodne oči*; серб. *лош поглед*, *лоши*, *зли*, *силни*, *остри*, *зле*, *пакосне очи*, *поглед кривим оком*; *лоше око*, *криво око*, *рђав поглед*, *грдо око*, *уреснице*, *промерние* (герцеговин.); болг. *змијски*, *омайни очи*. Ряд терминов, обозначающих ‘сглаз’, образован от глаголов с ментальными значениями: *подуманэ* (ПА, Копачи Чернобыл. Р-на Киев. обл.), *падумы* (ПА, Присно Ветков. р-на Гомел. обл.), *подуми* (полес.). Существуют названия ‘сглаза’ с иной семантикой, указывающей на другие причины порчи, однако они сравнительно редки: рус. *озев*, *прикос*, укр. *притка*, *притча*, *пристрек* (Левкиевская 2009а: 597-598; Кацва 1993; Менцей 2013; Раденкович 1995: 34; Barthel de Weydenthal 1922, Ђорђевић 1938).

Человек, обладающий способностью вредить с помощью взгляда, называется рус. *глазливый*, *урочливый*, *злоочник*, *видычий* (север.)

(СРНГ), серб. *злоок* ‘человек с «плохим» взглядом, злыми мыслями, злыми намерениями, такой как вештица’: «*злоока* је, бог да је убије, све што погледа – уназади» [она злоокая, пусть ее Бог убьет, все, на что посмотрит, приходит в упадок] (Ђупић 1997; цит. по Якушкина 2002: 176). Показательно, что термин *урочливый* может относиться как к субъекту порчи, так и к ее объекту – человеку, легко поддающемуся действию дурного глаза, то есть являет собой пример энантиосемии. Это соотносится с представлениями о том, что некоторые группы людей могут одновременно выступать и в качестве субъекта, и в качестве объекта *сглаза*. К таким субъектам относятся: невеста, «повторенные» дети (дети, которых, уже закончив кормить грудью, мать снова приложила к груди), «субботники» (люди, зачатые или рожденные в субботу), человек, который не умылся после сна.

Соответственно глаголы, обозначающие негативное воздействие с помощью взгляда, это: пол. *urzec, zajrzec, ziorać, ziarać (drażnić wzrokiem, wyzywajacem wpatrywaniem się), przyroczyć, zadać/dać/rzucić urok, puścić na kogo uroki* (Barthel de Weydenthal 1922: 5), герцеговин. *уречи, промерити*, рус. *сглазить, изурочить, опризорить* и пр.

Чаще всего сглаз характеризуется как случайная способность, не имеющая каких-либо оснований («просто такие глаза»): «Изурочить» могут многие, потому что такие уж у них глаза. Наслать «уроки» может даже самый доброжелательный друг (Barthel de Weydenthal 1922: 13). Непреднамеренность сглаза иллюстрируется опасением нанести вред собственным взглядом: этим может быть мотивировано закрывание глаз при выполнении ряда действий. При игре в карты, берущий карты закрывает себе глаз пальцем, опасаясь порчи, которую могут нанести их собственные глаза (Там же: 21).

Однако в народной традиции существует потребность определить причины, по которым взгляд того или иного человека может нести угрозу.

Во-первых, причина может заключаться в субъекте действия, то есть в самом человеке. Способными к сглазу считаются люди, рожденные в субботу (у того, на кого посмотрят «субботние», могут вылезти глаза); рожденные в Великую Пятницу; «повторенные», то есть дважды отнятые от груди (это распространяется не только на людей, но и на животных); те, кого мать кормила левой грудью, или те, кто в течение суток после рождения не попробовал материнского молока (пол.). Параллельно существуют поверья, согласно которым люди, отмеченные вышеперечисленными особенностями, становятся колдунами. Л. Раденкович объясняет «возвращение ребенка к груди как его отлучение от окружающего общества (от мира живых)», приводя в связи с этим примеры, подтверждающие сакральное значение материнского молока (Раденкович 1995: 33).

Урочливыми глазами могут обладать представители профессий, которые считались связанными с нечистой силой: мельники, пастухи, строители, печники и другие (Barthel de Weydenthal 1922: 9). «А взгляд у него [конюха] страшный был, ну, прямо *волчий*» (Цивьян 2000: 185). Способностью к сглазу могли наделяться нищие. Часто подчеркивается, что опасен взгляд «чужого» человека, вторгающегося в «свое» пространство – заглядывающего в окно, когда семья обедает; входящего в дом во время снования; когда в доме маленький ребенок и т.п. На эти случаи существовали особые формулы-приветствия *Бог в помощь* (рус.), *Boze potogoj* (пол. спиш.) и т.п.

Способностью к сглазу наделяются люди в определенных состояниях: женщина во время месячных, невеста, участники похоронного обряда и пр. (см. выше с. 101-103).

Релевантными могли быть также возрастные и половые характеристики человека. Опасным считается взгляд старых женщин и маленьких детей (Barthel de Weydenthal 1922: 9). И старики, и дети близки к периферии жизненных границ, поэтому они иногда наделяются

способностью постигать вещи, находящиеся в ином мире и недоступные для обыкновенного человека. Позиция на периферии жизненного пространства дает возможность старикам и детям видеть реалии потустороннего мира, в том числе предвидеть будущее (см. раздел 3.3.2, параграф «Праведники и дети»); иногда подобные способности объясняются «чистотой» представителей данных возрастных категорий, так как они не живут половой жизнью, не имеют месячных очищений. Однако эта «чистота» (в христианской системе координат) может иметь противоположное значение, осмысляться как неучастие в земной жизни, продолжении рода, нейтрализация половых признаков, то есть положение на границе между «своим» и «чужим» миром.

Опасным считался взгляд бесплодных женщин, особенно если они смотрели на чужих детей: матери здоровых детей особенно опасаются, что на их детей посмотрит бездетная женщина. Бездетность выступает как состояние, которое вызывает (или усиливает) опасность глаз женщины (Barthel de Weydenthal 1922: 9). Деторождение полагалось обязательным предназначением женщины, поэтому бездетная женщина, не исполнившая своего предназначения, не исчерпавшая заложенной в ней жизненной силы, становится опасной для окружающего. Столь же опасным может быть взгляд людей, не вступивших в брак. Безбрачие может символически восприниматься как смерть: ср. безбрачие и смерть часто выступают в одних и тех же контекстах в девичьих гаданиях (СД 1: 147). Другое, «реалистичное», объяснение опасности взгляда бездетной – это зависть, завистливый взгляд, который обладает способностью вытягивать, отбирать себе блага, заключенные в объекте.

Опасным взглядом обладают люди, нарушившие нормы поведения, поставившие себя тем «вне человеческого общества»: неумытый после сна, нагой, нарушивший запрет и т.п.: опасным становится взгляд человека в тот день, когда он не умоется, протрет себе глаза грязными руками, или после умывания вытрется рукавом рубашки (Barthel de

Weydenthal 1922: 8). С другой стороны, неумытый человек легко может стать объектом урока: кто утром не умоется, тот целый день будет особенно податлив на порчу, которую наводит *дурной глаз* (там же: 18). Кто хочет в течение дня избежать сглаза, должен утром сразу как встанет, протереть себе лицо подолом (Там же: 44). Сон в верованиях часто приравнивается к смерти. Во время сна, так же как и в момент смерти, обмирания, душа отделяется от тела и путешествует сама по себе; когда человек просыпается, она возвращается в тело. Спящий человек как бы пребывает в ином мире, именно поэтому сны считаются вещими, они являются информацией, полученной из иного мира. Зрение спящего человека тоже как бы пребывает в ином мире, во сне оно соприкасается с реалиями «иного» мира, поэтому утреннее умывание может восприниматься как очищение, «перевод» взгляда, который побывал на том свете, в план этого мира (ср. диал. фразеологизм *с теми же глазами* ‘без передышки, сразу же’ (СРНГ 6: 186) в контексте: «Всю ночь глаз не смыкала, не спала. Утром *с теми же глазами* и на работу пошла» – устное сообщение С.Е. Никитиной). Если после сна не умыться и «теми же глазами», которые соприкасались с миром сна, смотреть на реалии этого света, им можно причинить вред.

Причина вредоносности могла также заключаться в самом инструменте зрения (об особенностях глаз см. подробно раздел 1.3). Часто именно внешние параметры глаз становятся причиной, по которой их обладатель попадает в разряд урочливых. Вредоносными считаются косые глаза: «Да *косыми-то глазами* овин сушить. Овин-от загорелся, *косой* загляделся». Урочливыми могут быть также необычные, выделяющиеся чем-либо: цыганские, еврейские и пр.; светлые или разноцветные (у южных славян), темные (у восточных славян), быстро бегающие, пронзительные, с не совсем круглыми зрачками, у которых белки пересекаются крест-накрест красными прожилками глаза (Barthel de Weydenthal 1922: 6). Ср. также формульные перечисления

всевозможных типов глаз в заговорах от сглаза.

Портить могут люди, у которых от природы злые глаза, *дурной глаз*, *oczy do czarta* (пол.), при этом они могут быть злыми, завистливыми по характеру, но это не обязательное условие. Сербы Охрида верят, что вредоносным может быть только один глаз (левый). От каждого глаза может быть различный вредоносный эффект – один огненный, а другой водяной.

Дурным глазом обладают люди со сверхзрением (подробнее о сверхзрении см. раздел 3.3.2): опасен взгляд людей, которые способны видеть то, что невидимо для обычных людей (Barthel de Weydenthal 1922: 7), то есть те, которые соприкасаются зрением с реалиями потустороннего мира и несут таким образом на себе их отпечаток. Так, кашубы считают опасными людей со «вторым лицом», то есть таких, которые могут видеть реалии «потустороннего» мира, невидимые для большинства (Там же: 7). Взор таких людей как бы одновременно пребывает в «том» и «этом» мирах, соединяя их зрительным каналом. В данном примере проявляются медиативные свойства взгляда – переносить и передавать те образы, которые были увидены субъектом ранее – ср. представление о том, что в зрачках умершего человека запечатлевается тот образ, который он увидел перед смертью.

Специфика сглаза по сравнению с другими видами порчи заключается именно в его непреднамеренности, следовательно, причинить вред взглядом может любой человек, независимо от своей воли. Более того, поскольку взгляд представляется чем-то отчуждаемым от человека, согласно поверьям, урочные глаза могут портить даже отдельно от своего хозяина: колдовское действие глаз не прекращается даже после вырывания их из орбит и закапывания их в землю, что указывает на характерную черту подобного рода колдовства, а именно на его непреднамеренность (Barthel de Weydenthal 1922: 13). К. Войчицкий приводит следующую легенду: один пан, который страдал от своих

урочливых глаз, чтобы от них избавиться, приказал их себе вырвать и закопать этот злополучный орган в землю. Однако урочливые глаза от этого не стали менее опасными. Даже после вырывания из орбит и погребения в земле они сумели довести до смерти верного слугу того человека (Wójcicki 1837: 71-72). И напротив, лишение колдуна его «урочных глаз» (ворона выклевала глаз) привело к потере им колдовской силы, которая заключалась именно в его зрении (Там же).

Согласно некоторым представлениям, глаза, способные причинять вред, принципиально отличны от обычных глаз, чаще всего они связаны (иногда даже по своему происхождению) с нечистой силой: «В русской быличке черт, который учил Ермака колдовать, *вынул у Ермака глаза и вставил ему другие*. «Теперь иди и порти, кого знаешь!» (Новичкова 1995: 249). «*Jedne oczy są „do Boga”, drugie „do czarta”, te ostatnie urzekają*» [Одни глаза бывают «к Богу», а другие «к черту» и только последние могут испортить] (Barthel de Weydenthal 1922: 6).

Выделяются также группы объектов, которые наиболее подвержены действию сглаза (кто и что может быть подвержено сглазу). Это могут быть люди в лиминальных состояниях, в переломные моменты жизни (беременные, роженицы, новорожденные, новобрачные), все новое (младенцы, новорожденные животные), важнейшие виды деятельности, особенно в фазе начала (закладка дома, строительство, снование, начало сева и пр.). Также сглазу подвержено все хорошее, что может вызвать зависть у тех, кто не обладает данными благами: здоровье, достаток, урожай. Запрещается пристально смотреть на выздоровевшего человека, на дойную корову, на пышно цветущие плодовые сады. «В течение первого года брака (иногда и дольше) положение молодой женщины носит пограничный характер...» (СД 2: 206).

Объектом сглаза может стать как человек, так и предметы, как правило, связанные с человеком, его миром: продукты питания и

сельскохозяйственной деятельности (хлеб, молоко, посевы, огородные растения и даже грибы). Объектом порчи также может стать скотина, домашняя птица. Заблудившийся скот обязательно найдет дорогу хлева и вернется, если по дороге «*nie zajrzy niczyje oko*» [не увидит его ничей глаз] (Barthel de Weydenthal 1922: 24). Сглазу могут подвергнуться ослабленные, больные люди (он будет выражаться в замедлении процесса выздоровления): нельзя показывать различных ран и язв. Осматривание чужим человеком задерживает их заживление и даже может вызвать нагноение и нарастание так называемого *dzikiego mięsa* [«дикого мяса»] (Там же: 21).

Сглазу также могут быть подвержены люди, находящиеся «вне защитного пояса культуры» (нагие, грязные, голодные) (Раденкович 1995: 33). В особенно уязвимом положении находился человек и животное во время приема пищи: подвергнуться уроку можно во время трапезы, когда чужой человек войдет в избу и посмотрит на едящих (Barthel de Weydenthal 1922: 18). Крестьянки, давая корм коровам или свиньям, плюют или крестятся, чтобы обезопасить животных от сглаза, который в это время [во время еды] угрожает им больше, чем когда-либо (Там же: 18). Согласно польским народным представлениям, нельзя, чтобы собака смотрела на человека, когда он ест. Как говорят в окрестностях Тарнова и на Волыни, *człowiek je zębami, a pies ślepiami* [человек ест зубами, а собака глазами]. Это значит, что собака как бы поглощает взглядом пищевую ценность продукта, поэтому человек ест и не может насытиться (Barthel de Weydenthal 1922: 10). Выражение *ест глазами, пожирать глазами* существует и в русском языке, оно означает ‘очень пристально вглядываться’, в верованиях это выражение может осмысляться буквально: украин.: «С люди, що дивлячись другому в очи, можуть того *чоловічка* [зрачок, в котором, согласно народным представлениям, пребывает душа] *з’їсти*, а тоді чоловік тяжко занедужає, а – не ратований – може й зі світа піти» (Гнатюк 1912: 324).

Вообще метафора «смотреть – есть (кормить глаза)» встречается и в фольклорных текстах. Например, в севернорусских причитаниях она выражена следующим образом: «*Погляжу, бедна кручинная головушка, На своё быдто сердечное я дитятко; Покормлю да свои ясные тут очушки, Взвеселю свою несчастную утробушку!*» (Причитанья 1: 96). Глаза могут быть *ненасытными* (ср. *глядеть не наглядеться, ненаглядный* и пр.).

Процесс приема пищи был строго регламентирован. При несоблюдении правил и запретов можно было подвергнуться опасности. Например, «есть неумытыми руками считалось грехом, потому что вместе с пищей в человека может попасть нечисть (новг.)» (СД 2: 176). Обязательной также считалась молитва, которая тоже препятствовала вселению в человека нечистой силы вместе с принимаемой едой. Чужой взгляд, оставленный на еде, очевидно, тоже мог проникнуть в человека и стать причиной болезни.

Предметы неживой природы и дикие животные реже становятся объектом урока, так как вред, наносимый с помощью взгляда, ориентирован прежде всего на человека и его окружение (те реалии, которые принадлежат к «своему», освоенному человеком пространству). Дождь перестанет лить, если кто-то на это заглядится, еще можно услышать о испорченной воде в колодце, о испорченном источнике или о водке (Barthel de Weydenthal 1922: 20). Если урочливый человек смотрел на сено, сразу же начинался дождь, из-за которого сено загнивало (Там же: 24). Струны у музыкантов в трактире будут лопаться, когда в него войдет урочливый человек (Там же: 20). В приведенных выше примерах объекты, которые подвергаются воздействию урочного взгляда, так или иначе связаны с миром человека: дождь является необходимым условием хорошего урожая, источники и колодцы – это места, откуда человек пьет, поэтому, будучи *изуроченными*, они могут опосредованно нанести вред здоровью человека, который напьется из них: если чужой человек

смотрит на закладку фундамента нового дома, нужно сильно ударить топором по дереву, которое является материалом для строительства, иначе на строителей и на будущих жильцов могут пасть многочисленные несчастья (Barthel de Weydenthal 1922: 46).

Но и далекие от человека объекты могут быть подвержены сглазу (гораздо реже): даже у диких птиц погибнут птенцы, если на них посмотрит урочливый человек, особенно если он сделает это в «недоброе» время, то есть после захода солнца или в полдень (Там же: 18). Гриб в лесу растет до тех пор, пока его кто-нибудь не увидит. Не стоит оставлять маленький грибок в надежде, что на следующий день он подрастет, потому что раз уж человек его увидел, его сразу же начинали точить черви (Там же: 19).

Сглазу может быть подвергнуто действие, особенно это относится к жизненно важным и обрядовым действиям. Так, предметы и пища чаще всего могут подвергнуться сглазу в процессе изготовления: тесто во время замешивания, хлеб при выпечке и др. Предосторожности против злого взгляда соблюдались при полевых работах. Апотропеические действия сопровождали многие обряды (в том числе святочные гадания, окказиональные магические обряды). Некоторые действия предписывалось совершать с закрытыми глазами, причем мотивировалось это стремлением обезопасить себя от своего собственного взгляда. Необходимо было избегать взгляда на молодняк: нельзя было смотреть на только что вылупившихся гусят, чтобы не причинить им вреда (Гура 1997: 676). О других возможных мотивациях см. раздел 3.3.3, параграф «Символическое ослепление» (в частности о том, как слепота выполняющего обрядовое действие способствует символическому ослеплению объекта, на который направлено данное магическое действие).

Порой существенным оказывается способ, которым субъект смотрит. Например, опасным считается взгляд, пропущенный через

отверстие (о взгляде сквозь «рамку» подробно см. выше, с. 116-118). Человек, глядящий между ногами назад, причиняет вред тому, на что он смотрит. Например, едущая телега может перевернуться (Barthel de Weydenthal 1922: 7). С другой стороны: у человека пройдет состояние сглаза, когда он наклонится так, чтобы между расставленными ногами увидеть небо (Там же: 37). Если на людей, находящихся в доме, кто-то посмотрит из окна, это может вызвать головную боль (Barthel de Weydenthal 1922: 7). По аналогии с традиционными «рамками», как опасный может быть воспринят даже взгляд через очки. Одна нянька сочла опасным человека, который посмотрел через очки на доверенного ей ребенка (Там же: 6).

Важнейшими параметрами, влияющими на опасность взгляда, являются время и место. Считается, например, что существует некий «недобрый час», опасным может быть сказанное в «недобрый час» слово, а также брошенный взгляд. Опасным временем являются переломные моменты суток, заход солнца, время после захода солнца, полночь: Нельзя заглядывать в птичьи гнезда на заходе или после захода солнца, так как муравьи поедят яйца или птенцов, птенцы не выживут, или птица откажется от гнезда (Гура 1997: 104). Предосторожности против злого взгляда соблюдались при полевых работах. Д.К. Зеленин указывает на тот факт, что при засеве «предпочтение отдается утру, чтобы никто не мог увидеть или опередить, и чтобы не было неблагоприятных встреч» (Зеленин 1991: 55).

Предметы (в частности пища) могут подвергнуться действию урока, находясь вне дома, в чужом пространстве: посуду, в которой находится молоко, следует накрывать, когда идешь по деревне, опасаясь встречи с *урочливым* человеком, взгляд которого может испортить молоко] (Barthel de Weydenthal 1922: 20).

Часто опасным считается взгляд, характеризующийся какими-либо особенностями (какой взгляд): исподлобья, дикий, «мороз по коже

пробирает», пристальный, слишком долгий взгляд на что-либо или кого-либо (выраженный, например, глаголами *установиться*, *пялиться* и им подобными), лишенный определенной цели (такой взгляд негативно характеризуется в диалектной лексике – см. выше, раздел 2.1, параграф «Характеристика манеры смотреть»).

Опасным также является взгляд, сопряженный с пересчитыванием чего-либо: в Черногории считают, что пчел может сглазить посторонний человек, считающий пчел или ульи на чужой пасеке (Гура 1997: 475). Опасным считается взгляд, выражающий любопытство, удивление, восхищение, несущий в себе зависть, особенно когда сопровождается словесной похвалой (Barthel de Weydenthal 1922: 16). Именно поэтому все живое, крепкое, здоровое, красивое, достойное восхищения, рискует вызвать на себя негативное воздействие опасного взгляда. Особенно вредоносным может быть первый спонтанный взгляд на предмет.

Вред, причиняемый с помощью зрения, зависит от того объекта, который подвергается воздействию дурного глаза, его возможностей. Когда урочливый глаз посмотрит на растение, оно вянет или перестает расти (ср. с обрядовым хождением смотреть посева для того, чтобы они лучше росли), продукты портятся, человек, который съест или выпьет изуроченный продукт, сам подвергается уроку, заключенному в нем. Человек, на которого попадет урочный взгляд, заболевает (иногда даже со смертельным исходом), реже сглаз приносит неудачу в делах (карточной игре и др.). Скот тоже подвергается действию болезни, часто со смертельным исходом, кроме того с ним могут происходить всевозможные несчастья (теряется в лесу и др.).

Способы противодействия «дурному глазу». Часто для защиты от сглаза применяются универсальные обереги для защиты от злых сил, подробная классификация которых приводится в монографии Е.Е. Левкиевской (Левкиевская 2002). Однако некоторые апотропеические средства специфически направлены на нейтрализацию

дурного глаза, они представляют для нашего исследования особый интерес, поскольку позволяют лучше понять природу дурного глаза, механизм его действия. Среди подобных оберегов выделяется несколько групп, различающихся тем, на чем именно сосредоточено внимание человека, применяющего оберег: на защищаемом объекте, на предполагаемом субъекте вредоносного воздействия или на самом взгляде. Обереги первых двух типов направлены на избежание прямого зрительного контакта в случае опасности.

Обереги, в которых внимание сконцентрировано на объекте, практикуются тогда, когда субъект неизвестен (субъектом может стать кто угодно), и представляется невозможным на него повлиять. Самым распространенным оберегом такого рода является закрывание оберегаемого предмета: по народным представлениям урочливый взгляд не действует на существо или предмет, покрытый чем-нибудь, то есть тот, который он не может увидеть (Barthel de Weydenthal 1922: 42). Унося взятую взаймы дежу, ее покрывают полотенцем, чтобы урочливый человек не заглянул в нее (Там же: 41). Посуду, в которой находится молоко, следует накрывать, когда идешь по деревне, опасаясь встречи с *урочливым* человеком, взгляд которого может испортить молоко (Там же: 20). Главная цель закрывания – сделать объект невидимым для опасного взгляда (о невидимости подробно см. раздел 3.3.4).

Обереги, в которых акцент делается на субъекте, могущем нанести вред своим взглядом, применяются тогда, когда представляется возможным обезвредить данный субъект. Например, в тех случаях, когда человек опасается действия собственного взгляда, он закрывает глаза, чтобы тем самым исключить опасность: крестьянки из Ропчиц, подкладывая яйца под курицу, закрывают глаза, чтобы не испортить их собственным взглядом (Barthel de Weydenthal 1922: 20). Точно так же дело обстоит в тех случаях, когда необходимо защитить некий объект от вредного воздействия взгляда родных и знакомых: деревенские

женщины, опасаясь порчи или урока поставленного в печь хлеба, не разрешают на него смотреть своим мужьям, также часто соседи подозреваются в том, что именно они сглазили детей, домашнюю птицу и т.д. (Barthel de Weydenthal 1922: 8).

Обереги, которые базируются на принципе воздействия на субъект, практикуют символическое ослепление обладателя злых глаз: намазывая корову экскрементами, хозяйка приговаривала: «Не мащу корови ману та вымья, а мащу чародийницям зубы и очы» (з.-укр.). Сюда же можно отнести нейтрализацию опасного взгляда путем воздействия на глаза субъекта, в том числе с помощью словесных формул типа «соль тебе в очи» (также используются формулы, в которых упоминается засыпание глаз песком), у сербов распространены аналогичные формулы, в которых фигурируют чеснок и лук (о символическом ослеплении подробно см. раздел 3.3.3, параграф «Символическое ослепление»). «Tfu! Tfu! *Soli w oczu* – niech ci łajno w gardło skoczy...» [Тьфу, тьфу! Соли в глаза – пусть тебе г... в горло попадет...»] (Гура 1997: 538). Мотив ослепления с помощью соли вошел в одну из самых частотных заговорных формул: если кто удивляется, нужно сказать: «*Soli w oczu* – a nie urzeczze» [Соли в глаза, и не изурочит] (Barthel de Weydenhtal 1921: 44). В русском заговоре от сглаза: «...Из леса пришли – поидите все в лес... от мужика, от речника, от завидника, от призорника. Тому *соли в глаз!*» (ЗЗП 1998: 29). «*Sól tobie w oczach, kamień w zębach!*» [Соль тебе в глаза, камень в зубы!] (Moszyński 1967: 315).

Апотропеическое действие может быть направлено и на сам взгляд. Например, можно нейтрализовать его вредоносную силу с помощью перевода взгляда с оберегаемого объекта на другой, которому он не сможет нанести вреда (ср. рус. *отводить глаза, для отвода глаз*). Подобная схема действует в заговорах, когда различные болезни и опасности отсылаются в отдаленные места, на неживые объекты, которым болезнь не может причинить никакого вреда: «Выходи, рожа,

выступай, рожа, из рабы болящей. Выходи, рожа, на быстрые волны, на гнилые мосты, на колючую грушу...» (РЗЗ: № 1763). «Прикосы-обороки, скатитесь-свалитесь с рабы Божьей (имя) в темный лес. Грызите гнилую колоду. Аминь» (Там же: № 2142). Оберег действует по следующему принципу: оберегаемый объект окружается различными предметами, которые должны обладать двумя свойствами: яркостью, необычностью, способностью привлечь внимание (ср. фразеологизмы *бросаться в глаза*, *лезть в глаза*, *бить в глаза*, *резать глаза*, а также диалектные слова *вержить* (архангел.) 'бросаться в глаза', *блеснуться* 'броситься в глаза' (СРНГ 3: 20)) и твердостью, способностью выдержать отрицательную энергию дурного глаза. Ср. диалектное выражение *глаз сломить* 'по суеверным представлениям потерять способность сглазить кого-либо' (СРНГ 6: 185). Чтобы не допустить наведение порчи на растущие злаки, втыкают на поле различные предметы, такие как пугала, метлы, пучки чертополоха или крапивы, которые обращают на себя внимание, и этим самым вызывают на себя первый взгляд прохожих, который является самым опасным (Barthel de Weydenthal 1922: 40). «Сербы и болгары используют волчий череп, его ставят в пчельнике для оберега пчел от нечистой силы и сглаза. В районе Старого Влаха и Златибора вывешивают конский череп и бросают между ульев камень, чтобы о него ударился дурной взгляд» (Гура 1997: 472). На крестах, находящихся во дворах и в посевах, очень часто вешали большой камень. Кресты обычно ставили с той целью, чтобы злые силы или дурной глаз не навредили предметам, которые они охраняют. Если на кресте повесить камень, то, согласно народным представлениям, он наделяется особой защитной силой, так как «дурной глаз не может противостоять крепости камня» (Moszyński 1967: 323-324). Согласно верованиям южных славян и на севере славянской территории, одним из лучших средств против дурного глаза выступает яркий цветок, вплетенный в волосы, прикрепленный к головному убору или к одежде. Цветок, обращающий на себя внимание,

отвлекает дурной взгляд от того, на кого он бы мог «упасть» и причинить вред (Там же: 325). Чтобы урок не подействовал на детей или молодняк, им привязывают на шею красные ленточки или бантики (Barthel de Weydenthal 1922: 40-41). Для того чтобы защитить дом и его жильцов от нежелательного воздействия чужого взгляда, в сенях вешались лапти, чтобы первый взгляд, выражающий удивление и обладающий негативной энергией, не причинил вреда хозяевам (СРНГ 6: 185). Если человек хочет избежать возможного негативного действия собственного взгляда, он также должен направить его сначала на тот объект, которому он не может причинить вреда: «У меня у дочери свекровь, дак когда вон где придет внучку как бы посмотреть дак, она принесет горшок, дак сначала в горшок поглядись, а потом ребенка на руки бери, изурочаешь, говорит» (Кировская обл., Слободской р-н, зап. 1998 г.). Чтобы не сглазить ребенка, находящегося в избе, или едящего человека, нужно, входя, прежде чем смотреть на ребенка, посмотреть на потолок (на свои ногти, на переднее копыто животного) (Barthel de Weydenthal 1922: 40). Л. Раденкович объясняет подобные действия (привязывание красных ленточек и др.) иначе – как «создание иллюзии «потустороннего, хтонического мира» вокруг ребенка или иного защищаемого объекта: если злые силы «увидят», что объект находится в потустороннем мире, они не смогут его испортить (принцип «ворон ворону глаза не выклюет») (Раденкович 1995: 35). Также в некоторых случаях практиковалось отворачивание силы злого взгляда обратно на его носителя: «Погани очы сами на сэбэ» (полес.).

Анализируя лексику, обозначающую порчу посредством взгляда (в частности, смысловые пересечения между глаголами «зрения» и глаголами «говорения»), Л. Раденкович приходит к выводу, что сглаз, по древним представлениям, является магическим действием, отделяющим содержание от формы («присвоение образа посредством его сокрытия в слове»). «Причем форма здесь является носителем качества: слово,

«упав» на живое существо, «лежа» на нем, вбирает его качества и «улетает» к своему хозяину» (очевидно, то же самое можно сказать и о взгляде). Не случайна, по его мнению, связь сглаза с измерениями, пересчетом, так как отнятие содержания он истолковывает как «отнятие меры», в сербском языке сглаз называется еще *померити*. Глаза урочливого человека «смотрят и на этот и на тот свет, поэтому он является «вратами», через которые могут пройти отнятые качества человека» (Раденкович 1995: 34). Американский исследователь Джордж Фостер, объясняя веру в колдовство и сглаз, выдвинул концепцию «ограниченного блага» (*image of limited good*) (Foster 1965). Суть ее заключается в том, что крестьяне мыслят свой мир, как замкнутый, в котором все ценности (земля, богатство, здоровье, дружба, любовь, честь, уважение и статус, власть и безопасность) существуют в строго ограниченном количестве, которого недостаточно для всех членов общества. Соответственно, если в одном месте чего-то прибывает, в другом обязательно убывает. Применяя эту теорию к ситуации сглаза, можно сказать, что зависть (желание обладать благами), воплощенная в слове и взгляде, ведет к тому, что ресурсы убывают у объекта и прибавляются у субъекта сглаза. Однако, как было показано выше, эта теория работает лишь отчасти, потому что завистливый взгляд – лишь один из типов опасного взгляда.

Взгляд в традиционной народной культуре наделяется признаками канала, по которому информация может передаваться от смотрящего субъекта к объекту и в обратном направлении («входящая» и «выходящая» информация). При этом взгляд мыслится как вид физического контакта, в чем, как и вербальный контакт, уподобляется телесному воздействию; в языке и традиционных представлениях взгляд

имеет тенденцию к материализации. В ситуации смотрения важнейшую роль играют ее участники (субъект, объект, обстоятельства), обычно субъекту принадлежит активная роль, в некоторых случаях активную роль может принимать на себя объект, который наделяется свойством «притягивать к себе» взгляд субъекта.

Как правило, в народной традиции в центре внимания находится ситуация, когда зрительный контакт обретает мифологический характер, получает оценочную характеристику и выполняет ритуальную функцию: передаваемая в процессе зрительного контакта информация наделяется некими особыми свойствами, является негативной или позитивной, способна причинить вред или пользу объекту, на который направлен взгляд, или самому смотрящему субъекту. Представления, связанные с «дурным глазом», сохраняют актуальность до настоящего времени.

Глава III.

ПРЕДИКАТ ‘ВИДЕТЬ’. ЗРЕНИЕ В ЯЗЫКЕ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Настоящая глава посвящена предикату ‘видеть’ и представлениям о зрении как способности, отраженным в языке и традиционной культуре славян. Они рассматриваются вместе, потому что одно из двух основных значений глагола *видеть* – ‘иметь способность воспринимать глазами объекты внешнего мира’, и этим он сближается с понятием зрения в его узком значении. В этом значении глагол находится за рамками ситуации зрительного контакта и является условием (предпосылкой) этой ситуации (без способности смотреть и видеть зрительный контакт невозможен). В другом основном значении глагол *видеть* относится к пассивному состоянию зрительного восприятия. Так же, как и глагол активного действия *смотреть*, он выступает в роли ядра ситуации зрительного восприятия (X видит Y), однако он беднее по культурной нагрузке, нежели *смотреть* (состояние невозможно сознательно контролировать, оно не поддается регламентации). Несмотря на то, что в языке *видеть* чаще употребляется в значении состояния, гораздо богаче культурная нагрузка у его значения ‘иметь зрительную способность (быть зрячим)’, которому противопоставлено отсутствие зрительной способности – слепота (зрение со знаком минус). Предикат ‘видеть’ в значении ‘обладать способностью’, его актанты (субъект, объект) и зрение ниже будут рассматриваться вместе.

Зрение в широком понимании означает не только способность видеть, но и комплекс представлений о визуальном восприятии в целом, в данном значении оно противопоставлено другим видам восприятия – слуховому, осязательному и пр. Е.В. Урысон, в работах которой уделяется немало внимания зрительному восприятию в русском литературном языке (Урысон 1998: 5), отмечает, что зрение, согласно

наивным представлениям, означает как способность восприятия, так и орган (глаза́): ср. *видеть* – ‘воспринимать зрением (глазами)’. В отличие от видимого органа (гла́за), зрение выступает как орган невидимый, оно нематериально, его невозможно подвергнуть физическому воздействию: **зажмурить, закрыть, открыть зрение*. Однако то, что невозможно в наивной языковой картине мира, оказывается возможным в текстах традиционной народной культуры (например, колдун *запирает зрение*, дает сверхзрение, закрывает объект от зрения субъекта). Локализация этих невидимых органов, по Е.В. Урысон, довольно неопределенна, они находятся где-то внутри реальных органов восприятия (зрение – где-то внутри глаз). При этом невидимый орган обеспечивает функционирование реального органа. Действительно, человек может иметь глаза, но быть при этом слепым (Урысон 2003: 45-46). Ср. в фольклорном тексте: «Есть ли *зреньице* у вас да во ясных очах» (олон., Барсов) (СРНГ 11: 348). Зрение мыслится как ограниченный ресурс (ср. рус. *проглядеть все глаза*, пол. *X wypatruje, wypatrzy, wyźrzy oczy* (Krawczyk-Турра 1987: 111)), поэтому оно представляет особую ценность.

Следует отметить, что названные значения глагола *видеть* и существительного *зрение* четко выделяются логически, но в языке лексика и семантика часто диффузна (ср. лексемы *глаза, вид* в значении ‘зрение’: «без *глас* худо выткеш» (АОС 9: 78); «*вид* уж не такой стал ныне в *глазах*-то» (АОС 4: 86)), еще более диффузна она в культурных контекстах. Глагол *видеть* относится к фундаментальному классу «состояние», но во многих контекстах он может обозначать «способность» (*Кошки видят в темноте; После операции он снова стал видеть*). Точно так же может нивелироваться различие между «активным» значением глагола *смотреть* и «пассивным» значением глагола *видеть*: «Я *вижу*, ты не хочешь идти с нами – Я *смотрю*, ты не хочешь идти с нами». «Уж больно ты грозен, как я *погляжу*». Ср.

приведенные выше примеры, когда *не смотреть* на что-либо и *не видеть* чего-либо выступают в одних и тех же контекстах: на Рождество нельзя *смотреть на / видеть* веретена, чтобы летом не встречать в лесу змей (см. с. 109).

3.1. Видеть и зрение в языке.

Видение можно назвать основной функцией, которую выполняют глаза, оно является главной целью и результатом действия *смотреть* (помимо других функций и целей, о которых шла речь во II главе), то есть субъект смотрит для того, чтобы увидеть. Е.В. Урысон определяет *смотреть на X*: ‘держать взгляд направленным на X, для того чтобы видеть X’ (Урысон 1998: 8).

В славянских языках глаголы пассивного восприятия образованы от основы **vid-*: рус. *видеть*, пол. *widzieć*, кашуб. *widzec*, болг. *виждам*, белорус. *бачыць* (Анічэнка 1999: 61), укр. *бачити*, словен. *videti*, чеш. *vidět*, словац. *vidieť*, серб. *видети*.

Первое значение *видеть* – ‘воспринимать глазами’. В этом значении *видеть* подразумевает конкретную ситуацию, когда субъект воспринимает глазами (зрением) тот или иной объект или положение вещей. В этом значении глагол является переходным и требует либо прямого дополнения (*видеть кого, что*) либо придаточной конструкции (*видеть, что...*). В словаре синонимов под редакцией Ю.Д. Апресяна «видеть 1.1» определяется следующим образом: ‘воспринимать глазами физический объект или ситуацию’ (НОСС 1997: 92).

Как уже было упомянуто, *видеть* относится к предикатам пассивного восприятия, и описывает не активное действие, как глагол *смотреть*, а внутреннее состояние. Соответственно, образование форм повелительного наклонения у него затруднено (**видь, *видьте*). Если действие *смотреть* имеет внешнее выражение, его можно наблюдать со стороны: проследить за взглядом субъекта зрения, определить его

направление (на что смотрит субъект) и понять (по выражению глаз), какие субъект при этом испытывает эмоции, то *видеть* никак не выражается внешне. *Видеть* – в значительной мере субъективное состояние: то, что видит один субъект, может не видеть другой (Цивьян 1979: 202).

Зрительное восприятие (видение), как и смотрение, подразумевает наличие ситуации, в которой принимают участие обязательные актаны – субъект восприятия (кто видит), воспринимаемый объект (тот, кого видят / то, что видят), сам предикат и, факультативно, обстоятельства (времени, места, образа действия и пр.). В ряде случаев также может появляться субъект-посредник, который производит некоторые манипуляции со зрением субъекта зрения (иногда этот посредник не выражен, или скрыт за безличной конструкцией). В качестве такого субъекта-посредника в текстах традиционной культуры может выступать мифологический персонаж или человек, связанный с потусторонними силами – знахарь, колдун. Они могут оказывать воздействие на зрение человека: делать объекты невидимыми (или, наоборот, показывать невидимое), а также *морочить* – показывать одно вместо другого.

Как *смотреть*, так и *видеть* предполагает установление зрительного контакта между субъектом и объектом, но в отличие от *смотреть*, *видеть* акцентирует внимание не на процессе зрительного восприятия, а на его результате: получении через зрительный канал некой информации и, в конечном итоге, приобретении знания.

Второе значение *видеть*: ‘обладать способностью воспринимать глазами, быть зрячим’ (*Кошки видят в темноте; Хорошо видеть; После операции Иван снова видит*). Это значение характеризует одну из важнейших способностей живого существа, которой противопоставлено отсутствие этой способности – *слепота*.

У глагола *видеть* имеются другие значения, развившиеся на основе первичного: ‘встречаться’, ‘видеться с кем-либо’ (*Вчера видел его*

у друзей; *Рад вас видеть*); ‘наблюдать, испытывать’ (*Он много видел на своем веку*), ‘видеть во сне’ (Ожегов 1984: 71), новое значение ‘автоматически определять наличие какого-либо элемента в системе’ (*компьютер видит флешку*), а также значения, связанные с ментальными состояниями, о которых речь пойдет ниже.

В некоторых ситуациях вышеупомянутая цель (смотреть, чтобы увидеть) не достигается. Так, можно *смотреть* на объект, но при этом его *не видеть*: ср. *смотреть невидящими глазами. И гляжу, да не вижу. Долго смотрел, насилу увидел. Глядеть глядим, а видеть, ничего не видим* (Даль 1: 202). То есть, *смотреть* не всегда подразумевает *видеть*, равно как и наоборот: возможны ситуации, когда субъект видит объект, не направляя на него взгляд (например, *видеть внутренним взором; Не слыша слышишь, не видя видишь*, пересуды (Там же)). В последних примерах речь идет скорее о интуиции и знании, нежели о физическом восприятии.

Видеть и знать. Тесная связь видения с познанием и мышлением отражается и в языке: в славянских (и не только славянских) языках глагол со значением ‘видеть’ имеет также значения, связанные с ментальной деятельностью человека: рус. *видеть* ‘сознавать’, ‘понимать’, ‘чувствовать’ (МАС 1: 173), болг. *видя* ‘узнать’ (БРС: 74), серб. *видети* ‘дознати’, ‘сазнати’ (РСКJ 1: 369), пол. *widzieć* ‘отдавать себе отчет в чем-либо, осознавать что-либо, замечать’ (PSJP: 1116). В русских говорах встречаются примеры, указывающие на связь зрения и знания: *видка* ‘правда’, *видучий (видущий)* ‘хорошо видящий, зрячий’ и ‘грамотей, видящий слово Божие’, *взорный* ‘догадливый’, *зрячий* ‘хороший, умный, дельный’ (СРНГ 11: 351). Глагол *видеть* этимологически связан с глаголом **вѣдѣти* (‘знать’) (Фасмер 1: 283). В языке получает развитие метафора «свет – знание» (и наоборот, «темнота – отсутствие знания»). Так, русское прилагательное *тёмный*, кроме прямого значения ‘лишенный света, освещения’, имеет также переносные значения ‘тот,

который трудно понять’, ‘неопределенный, неотчетливый, не дающий полного представления о чем-либо’, а также ‘невежественный, некультурный’ (БАС 15: 252-257)⁹, *просвещать* ‘сообщать знания; распространять знания’ (БАС 11: 1342). Смысл может быть *затемнен*, *затуманен*. Таким образом, затрудненность физического зрительного восприятия метафорически переносится на затрудненность постижения ментального. Ср. также фразеологизмы: рус. *открыть глаза на что-либо* ‘рассказать о чем-либо’, *закрывать глаза на что-то* ‘не обращать внимания’, рус. диал. *вставить глаза* ‘понять, разобраться’ (СРНГ s.v. «Глаза»), пол. *X-owi oczy się odewrza*, *X-owi pażmin ‘łuski’ spadnie z oczu*, *Y otworzy / otwiera X-owi oczy* (у X-а глаза открываются, у X-а чешуя упадет с глаз, Y откроет / открывает X-у глаза) в значении ‘узнать, осознать, понять что-либо’ (Krawczyk-Turpa 1987: 106).

В русском литературном языке глагол, изначально имеющий значение ‘воспринимать глазами’ (*видеть, смотреть*), может в некоторых контекстах замещать остальные глаголы восприятия: ср.: *Видите, какая мягкая ткань* (осязание), *какая красивая музыка* (слух), *какой вкусный торт* (вкус), *какой неприятный запах* (обоняние), выражая общее значение ‘ощутите’, ‘обратите внимание’, ‘узнайте’. Глагол *видеть* обладает более широким кругом значений, нежели остальные глаголы восприятия; помимо физической способности он может обозначать также ментальные действия и состояния человека (‘знать’, ‘полагать’, ‘понимать’): *Вы видите, что я занят* (‘понимаете’). *Я не вижу никакого выхода из данной ситуации* (‘не знаю’). *Я вижу, что вы не очень-то расстроились из-за этого* (‘полагаю, считаю’).

Видение в какой-то мере предполагает познание сущности

⁹ В последнем примере мы имеем дело с инверсией субъекта и объекта: признаки, изначально относящиеся к объекту, начинают применяться к субъекту (*тёмный* ‘плохо видный, не освещенный’ - *тёмный* диал. ‘слепой’: *тёмный коридор* и *Нюра-то совсем тёмная стала*; *слепой* ‘невидящий’ - *слепой* ‘тот, который не видно’: *слепой человек* и *слепой текст*).

объекта, в то время как смотрение имеет дело скорее с его внешними формами. Этот факт находит отражение и в традиционных верованиях и обрядовых практиках: например, чтобы защититься от вредоносного действия ведьм, нужно сначала их *увидеть*, но увидеть не просто физически, а разглядеть, распознать их демоническую сущность, для чего выбирается особое время и место, производятся специальные магические действия, применяются различные приспособления (Толстая 1998; Виноградова 1997). Уже само знание о том, с какой стороны следует ждать опасности, можно рассматривать как важнейший оберег. Именно поэтому такое пристальное внимание уделяется магическим способам распознавания мифологических персонажей (Левкиевская 2002: 94). В ряде случаев запрет видеть что-либо фактически означает запрет знать что-либо, например, запрет вступать в визуальный контакт с мифологическим персонажем (в этих случаях актуализируется «ментальное» значение зрительных глаголов – ‘знать’) (см. об этом также с. 105-106, 169, 197-198).

3.2. Зрение в ряду других видов восприятия.

Зрение – одна из основных способностей человека, благодаря которой он познает окружающий мир и самого себя. Зрение стоит особняком в ряду остальных чувств (слуха, обоняния, вкуса, осязания), именно зрительное восприятие представляется доминирующим над другими (о приоритете зрения в системе чувств см. Nycz 1977: 34-35). Об этом свидетельствуют и лингвистические факты – прежде всего значительная дифференциация данного фрагмента языковой картины мира. Ю.Д. Апресян отмечает, что «место той или иной подсистемы в иерархии прямо зависит от обслуживающего ее числа лексем. Очевидно, что наиболее разнообразна и богата лексика, обслуживающая зрительное восприятие» (Апресян 1995: 48). В славянских языках зрение обозначается: словен., с.-хорв. *vid*, макед. *вид*, болг. *зрение, очи (слаби*

очи), чеш., словац. *zrak*, пол. *wzrok*, укр. *зір*, белорус. *зрок*, белорус. диал. *зер*, *светла*, *узрочнасць* (Анічэнка 1999: 182), рус. диал. *глаза*. Слепота во многих славянских языках имеет наименования с корнем **slěp*: рус. *слепота*, серб. *слепило*, чеш. *slepota*, пол. *ślepota*, словен. *slepota*, болг. *слепота*. В диалектах слепота часто выражается через темноту: рус. вят., перм., сибир. *тёмной* 'слепой', вят., волог. *отемнеть* 'ослепнуть', волог. *очернить* 'ослепнуть', макед. диал. *темничар*, *тъмничар* 'слепой' (Прилеп), рус. сибир. *в глазах света нет* 'о плохом зрении', урал., сибир. *свет потерялся*, с.-рус., сибир. *свет из глаз выкатился*, карел. *свет вышел* и др. (Кабакова 2012: 46).

Зрение (в значении 'способность') входит в одну из важнейших культурных бинарных оппозиций: «зрение – слепота» (отсутствие зрения) («свет – тьма»). Соответственно, в зависимости от точки зрения – субъекта или объекта, мы имеем дело с противопоставленными признаками *зрячий – слепой* (субъект), *видимый – невидимый* (объект), которые коррелируют с такими оппозициями, как «светлый – темный», «день – ночь», «жизнь – смерть», «этот свет – тот свет». Причем для оппозиции «зрение – слепота» в различных контекстах отмеченными (маркированными) являются оба члена. Они оба культурно нагружены, значимы и невозможно сказать, что один из них доминирует над другим.

Зрение и свет. Зрение неразрывно связано со светом, источниками света в мире служат светила (солнце, луна, звезды), а также огонь в различных его видах (свеча, костер). Также и сами глаза наделяются способностью испускать свет и быть источником огня (о связи глаз, небесных светил и огня см. раздел 1.2, параграф «Глаза и макрокосм»). На параллели между зрением и светом обращал внимание еще А.Н. Афанасьев, который объяснял их так: «Солнечный свет дает возможность видеть и различать предметы окружающего нас мира, их формы и краски, а темнота уничтожает эту возможность. Подобно тому зрение позволяет человеку осматривать и распознавать внешнюю

природу, а слепота погружает его в вечный мрак. Без глаз так же нельзя видеть, как и без света» (Афанасьев 1996: 234). Согласно архаическим мифологическим представлениям, сохранившимся в том или ином виде в различных славянских зонах, антагонистом солнца выступает змея – хтоническое животное, связанное с подземным мраком: глядя на солнце, она выпивает из него свет, энергию, в результате чего оно тускнеет; именно этим объясняется календарное убывание светового дня (Гура 1997: 283-285). Зрению и свету, соответственно, противостоят слепота и темнота; видимые объекты противопоставлены предметам невидимым. С точки зрения субъекта, невидимость объекта может быть следствием как слепоты самого субъекта, так и внешней темноты, в этой точке различия между темнотой и слепотой нивелируются, они выступают как функциональные синонимы (ср. рус. поговорку *темно, хоть глаз выколи*, в которой темнота и слепота сопоставляются).

3.3. Логический анализ ситуации ‘видеть’

При логическом анализе ситуации ‘видеть’ в центре внимания находится не столько значение ‘состояние’, сколько значение ‘способность’ (зрение). Однако это не исключает привлечения примеров, связанных с конкретными ситуациями зрительного контакта, так как из-за диффузности значений их порой невозможно бывает разграничить, поэтому ниже речь идет о зрении / слепоте субъекта, и о свойстве объекта быть видимым / невидимым.

3.3.1. Субъект.

В традиционных народных представлениях существенным является вопрос, о чем именно зрении идет речь – о зрении человека или о зрении «нечеловека», то есть мифологического существа, которое принципиально отличается от человека по ряду признаков (об особенностях глаз мифологического персонажа речь шла в разделе 1.3,

параграф «Глаза демонов», о взгляде – в разделе 2.4.1, параграф «Взгляд демонов»). Одним из отличий мифологического субъекта от человека является особое зрение. Если зрение человека обращено к реалиям этого мира, а тот свет оказывается для него скрытым, недоступным, то зрение демонического существа можно назвать скорее обращенным к реалиям того света.

Зрение и слепота мифологических персонажей. Согласно некоторым верованиям, мифологический субъект может обладать сверхзрением по сравнению с человеком, то есть видеть и то, что видят люди, и то, что скрыто от их глаз. В статье «Глаза и зрение покойников» Н.И. Толстой приводит примеры особых заклинательных формул, зафиксированных в юго-восточной Сербии, которые произносятся, чтобы случайно не навредить невидимым духам, пребывающим на земле: «Беж’те, *окати*, да пројдев *ћорави!*» [Убегайте, глазастые, чтобы прошли слепые!]. У сербов в районе г. Вршац (Банат) сходная формула произносилась с целью не навредить мифическим существам вилам, когда нужно было пройти мимо тех мест, где они предположительно обитали: «Бежите, лепе, да прођу *слепе!*» [Убегайте, красавицы, чтобы прошли слепые!] (Толстой 1995: 195). В приведенных текстах «слепыми» называются люди в противопоставление мифологическим существам, которые видят людей и поэтому могут уйти с дороги, чтобы избежать нежелательной встречи.

Согласно другим представлениям, мифологический персонаж может обладать только потусторонним зрением и быть слепым в мире людей (или слепым вообще). Подчеркнутая внешняя слепота (иногда выражающаяся через закрытые глаза) отличает мифологических персонажей, генетически восходящих к духам умерших (русалки, сказочная Баба Яга и др.). Например, в виде девушек с закрытыми глазами являются русалки, причем слепота выступает здесь наряду с другими подчеркнутыми признаками покойника – холодными руками,

бледным или синим лицом (Виноградова 1997: 43-44). Мотив слепоты присутствует и в ряжении, что отмечает Л.Н. Виноградова: «любопытная деталь ряжения – закрывать лицо или глаза, чтобы «русалка» ничего не видела, – перекликается с рассмотренными выше описаниями мифологической русалки в поверьях («лица не видно, с закрытыми глазами, з доўгими волосами, якія закрывали вочы») и дает основание напомнить, что мотив „невидимости“, как и „слепоты“, признан особенностью персонажей „загробного мира“» (Виноградова 2000: 172).

Слепота выступает в качестве особой черты, характеризующей связь демона с миром мертвых. Например, персонаж русских сказок Баба Яга не видит героя, пришедшего в ее избушку, а распознает его по запаху: «Фу, русским духом пахнет!» (Пропп 2002: 53-56). В сказке «Сивко Бурко» мертвый отец, на могилу которого по очереди каждую ночь должны приходить сыновья, задает вопрос: «Кто здесь?», чтобы узнать, кто из сыновей пришел. Можно предположить, что он не видит живых людей, но может слышать их голос. Часто «слепота» персонажей оказывается лишь внешним признаком, подтверждающим, что они обладают потусторонним зрением, для которого не требуется реальный орган – глаза: их глаза закрыты для мира людей и обращены на тот свет (ср. *на леву сторону глаза выворачивать* ‘умереть’).

Некоторые мифологические персонажи характеризуются «временной» слепотой, они видят только в определенные моменты, основную часть времени оставаясь слепыми. К таким мифологическим персонажам можно отнести фольклорные прототипы гоголевского Вия (о них подробно см. с. 96-97). Они не могут видеть, потому что обычно их глаза закрыты огромными веками. Видят эти персонажи только в те моменты, когда помощники поднимают им веки. Мотив «временной» слепоты встречается в некоторых поверьях о животных. Например, согласно представлениям русских и украинцев, слепая змея *медянка* получает зрение только раз в году, на Иванов день. У сербов и

черногорцев такая змея называется *слепак*, *слепић*, у лужичан – *zmija*. В одном из мифологических рассказов она жаловалась другой змее, зрячей: «Если бы у меня был хотя бы один такой зоркий и ясный глаз, каких у тебя два, я бы мосты мостила из мертвецов» (Гура 1997: 301). Слепота змеи ограничивает ее вредоносность, расценивается как спасительная для людей.

Рассуждая о «слепоте» демонов в различных традициях, С.Ю. Неклюдов приходит к выводу, что их слепота является ситуативной, то есть связанной с определенными обстоятельствами. Она проявляется каждый раз в ситуации пересечения одним из участников коммуникации (демоном или человеком) временного или пространственного рубежа. Это дает возможность говорить о наличии своеобразного «рубежа видимости» между тем и этим миром, этот рубеж проявляется в мотиве взаимной слепоты представителей обоих миров (Неклюдов 2014: 136).

Зрение покойников. Особое внимание в традиционной культуре славян уделяется зрению покойников (Толстой 1995; Седакова О. 2004: 60). Перешагнув через границу того света, умершие утрачивают многие человеческие черты и признаки, в том числе и человеческое зрение. Вопрос о том, что происходит со зрением человека после смерти, является одним из ключевых в комплексе представлений о смерти. Тема зрения присутствует как в похоронной, поминальной (и календарной) обрядности, так и в поверьях, запретах и предписаниях, а также фольклоре, связанном с покойниками, – в похоронных причитаниях, балладах, мифологических рассказах и пр.

С одной стороны, ряд поверий, связанных с покойниками, позволяет сделать заключение о том, что они слепы. Белорусы верили, что мертвые с того света не видят и не слышат (Federowski 1897: 219). Слепота мертвых отражается в таких наименованиях покойника, как рус. *жмурик*, *жмурчок* – ср. *зажмуриться* ‘умереть’ (Успенский 1982: 152).

Слепота покойника может фигурировать в заговоре в качестве символического факта, который служит основой, эталоном для моделируемой ситуации: «В доме как умрет человек, так чтобы гроб сделать, его измеряют палкой какой-нибудь. Так эту палку потом тихонько подобрать, омерить свой огород и сказать: „*Как покойник не видит, так и вор не увидит*”. И вор, если зайдет во двор, не сможет оттуда выйти, только хозяин сможет его вывести» (Аникин 1998: 371).

Глаза (и подразумеваемая слепота) покойника могут быть задействованы и во вредоносной магии: в Болгарии ведьма печет специальный калач, соблюдая особые ритуалы при его изготовлении. Этот хлеб она кладет на одну ночь на *глаза покойника*, а затем *смотрит через* него на своего врага и говорит: «Сколько знает мертвец, столько знает и тот, на кого смотрю» (Беновска-Събкова 1997: 140). Если через такой калач посмотреть на судей, то они онемеют и не смогут вынести приговор. Предметы, участвовавшие в похоронном обряде (т. н. «покойницкие» предметы, см. Плотникова 2009), использовались в магии с целью обездвижить противника, лишить его голоса и органов чувств, чтобы он не мог ни видеть, ни слышать, ни говорить, ни действовать. Слепота покойника символически обозначает отсутствие знания, неосведомленность, беспомощность, которые необходимо сообщить объекту магического воздействия; таким образом, здесь на первый план выступает ментальное значение предиката *видеть*. Ср. русский диалектный фразеологизм *словно на глаза полотно надеть*, который означает ‘не замечать очевидного’ («надевание на глаза полотна» – очевидная аллюзия на покрывание покойника полотном в ходе похоронного обряда, ср. приведенные ниже фразеологизмы): «Он словно *на глаза полотно надел*, ничё чисто не видит, как его жёнка-то с другими мужиками шляется», ‘вводить в заблуждение’ «Ты мне *на глаза полотно не надевай*, не ври тут. *На глаза полотно надеват*, врёт опеть» (ФСРГП).

Умирая, человек лишается земного зрения. В славянской

фразеологии смерть часто передается через утрату зрения, слепоту: *свет из глаз выкатился, глаза завешало, глаза попонкой завернуть / занавесить / задернуть, Бог глаза закрыл* (Кабакова 2012: 46), *умереть – только глаза запереть* (ФСРГП). В севернорусских причитаниях момент смерти описывается следующим образом: «*Выкатилось зрѣнье и смотрѣньице / Изъ бѣлыхъ ясныхъ очей!*» (Олонецкий сборник 1886: 43). О последней слезе, выкатившейся из глаза покойника, в Полесье говорят *зрение утекло* (Толстая 2009: 113). Македонцы выносили умирающего на улицу, чтобы он простился с белым светом (*да се простат со белото видело*) (Ристески 1998: 248). Согласно традиционным представлениям, зрение – последнее чувство, которое человек теряет, переходя в мир иной. В Полесье верили, что смерть приходит к умирающему в виде женщины, она постепенно разворачивает черное полотно, закрывая человеку лицо – сначала рот, затем нос, наконец, глаза, после чего человек умирает (СД 3: 124). Варьируются представления о том, когда именно покойник перестает видеть. В качестве этого рубежа могут выступать сам момент смерти, определенные этапы в ходе погребального обряда (бросание земли в могилу), 3-й, 9-й, 40-й дни после смерти: до тех пор, пока священник не бросит на покойников горсть земли на похоронах, они все слышат и видят (Новичкова 1995: 539). Слепота мертвых у балканских славян подтверждается поверьем, что змея (паук) выедает или высасывает им глаза в могиле (подробно об этом см. с. 57-58).

С другой стороны, в обрядах и верованиях славян большое внимание уделяется посмертному зрению. С утратой человеческого земного зрения покойник приобретал более совершенное, потустороннее. В представлениях всех славян в том или ином виде присутствует мотив освещения пути на тот свет. Согласно некоторым украинским поверьям, навстречу душе умирающего с неба падает звезда, чтобы осветить ей путь в загробный мир. Сербь при виде падающей

звезды говорили, что «кому-то идет свеча на могилу» (СД 2: 291-292). Сами души умерших нередко представлялись в виде блуждающих огоньков (Виноградова 2011).

Позаботиться о свете для покойника должны были его родственники, чему посвящался целый ряд обрядовых действий. Прежде всего, это распространенный у всех славян обычай зажигать свечу при покойнике. Как правило, свечу давали в руки умирающему: место, где пребывают души после смерти, «точно не определено, но дорога до него темна, и потому умирающему дают в руки свечу, чтобы он мог ею осветить себе дорогу» (Потушняк 1938; Толстая 2000: 89). Поляки Спиша использовали для этих целей «громницу» – свечу, освященную на Громничную Божью Матерь (Matka Boska Gromniczna – 2 февраля). У гуцулов в Закарпатье известен обряд *світны*, согласно которому «в доме, откуда вынесли тело покойника, три дня должна гореть свеча» (Толстой 1995: 189). Русские верят, что покойники видят свет, когда их родные ставят за них свечу в церкви или вынимают за них просфору на богослужении (СД 4: 566). Македонцы обычай зажигать свечу при покойнике мотивировали так: «да оде *со видело* на Бога, дури умира да му свете, да му го осветлат патот» [Чтобы он / она со светом шли к Богу, умирали чтоб со светом, чтобы им путь освещался] (Ристески 1998: 248).

Сербский этнолог С. Зечевић отмечал бытующее на северо-востоке Сербии поверье, что если не зажечь свечу при умирающем, он на том свете будет пребывать в вечной темноте, будет все слышать, но не сможет видеть. Если обычай не был соблюден, то старались «послать» покойнику смертную свечу позже, при этом три человека или семь человек соблюдали особый длительный и строгий пост, чтобы покойника «вывести на свет» (*извести на светлост*)» (Зечевић 1978: 385). У сербов, особенно в контактной зоне с влахами, существовал целый комплекс обрядов, связанных с передачей смертной свечи покойнику (*привег, црни пост, рајска свећа, бела помана*) (Зечевић 1982: 84-85).

В Полесье верили, что душа, разлучившись с телом, всю ночь сидит возле изголовья умершего, для нее должна гореть свеча: «Никто нэ бачить, як душа выходить. Зажигают свичку, целую нич горить в голове, так як душа в головах сидить, чтобы ей свитло було» (ПА, Речица Ратнов. р-на Волын. обл.). Согласно некоторым представлениям, душа пребывает в доме в течение 12 дней после смерти, поэтому все это время нужно держать свет зажженным: «Свит треба свитить. Так кажут, треба, бо душа ходить. Даже ше й 12 дней треба щоб не тухло, горило» (ПА, Глинное Рокитнов. р-на Ровен. обл.). У южных славян свеча должна была гореть 40 дней, ее ставили на то место, где лежал и умер больной, так как именно там, согласно верованиям, обитала в течение этого времени душа умершего (Vukanović 1986: 315, 323). В Полесье свечу зажигали также и во время поминальной трапезы. Там же рассказывали о том, как видели ночью целую процессию покойников, направлявшихся на «деды» (поминальные дни) с кладбища к своему селу с зажженными свечками (Толстая 2005: 85).

У сербов юго-восточной Сербии (Хомолье) в поминальные дни (задушницы) специальная свеча зажигалась в доме или пускалась на дощечке по воде. В родительскую субботу женщины ставили поминальную пищу на маленький круглый столик (софрицу), зажигали свечу и подносили это кому-либо из мужчин, кого любил покойник. При этом женщина говорила: «Да се види пред нашего Мијајла!» [Пусть будет видно нашему Михаилу (покойнику)]. Ответом было: «Бог да го прости!» [Бог да простит его!] (Толстой 1995: 191-192). Хомольцы верили, что задушная свеча горит и светит на том свете от одной задушницы до другой, если нарушить обычай и не зажечь свечу – покойник будет пребывать в темноте. Также хомольцы в Великий четверг пускали по воде свечу, которая предназначалась покойным и небесным светилам. При этом они произносили: «Да се види на оное свету мом Јовану, Лазару!» [Пусть будет видно на том свете моему

Ивану, Лазарю...] и перечисляли имена покойников, а затем небесных светил (Милосављевић 1913: 41-42). Свеча, горевшая при покойнике, приобретала свойства магического предмета: например, если подержать на этой свече лопату, прежде чем начать копать, можно выкопать зачатый клад (Новичкова 1995: 236).

Другой формой обеспечения покойников светом выступал обычай разжигания костров, приуроченный к дням поминовения усопших и календарным праздникам, когда, по представлениям славян, покойники временно пребывают на земле (Толстая 2000а: 18). Как правило, он мотивировался необходимостью «греть» покойников, но также мог связываться и с «освещением» для них дороги с того света. Например, на северо-востоке Болгарии его объясняли тем, что при выходе из могил предки нуждаются в свете (Капанци 1958: 221). Сербы Заечара и румыны на северо-востоке Сербии с помощью костров компенсировали недостаток света покойникам, умершим «без свечи» (Зечевић 1967: 77). На Карпатах известен обычай сжигать ветки и хворост на могилах «нечистых» покойников, чтобы осветить погруженные во мрак души грешников.

Еще одним способом позаботиться о зрении умерших на том свете можно считать обычай мести могилы, чтобы «прочистить глаза» покойникам. В качестве одного из первых свидетельств об этом обычае у русских Н.И. Толстой в своей статье приводит сообщение А.С. Пушкина: «есть в некоторых местах обычай троюцкими цветами обметать гробы родителей, чтобы прочистить им глаза» (Толстой 1995: 189). Этот обычай был связан с представлением, что в поминальные дни мертвые возвращаются на землю, навещают родных, видят и слышат все, что у них происходит. Белорусы верили, что «ў ночы між Ўсіх Сьвятых а Задушным днём душы змарлые з неба, з пекла, з атхлані і з чысыца прыходзяць да дому, агледаюць свае дзеткі, жывіну, гаспадарку, але іх ніхто ні бачыць, а ены ўсіх і ўсенько бачаць і з добрага пацешацьсе, над

ліхім паплачуць. Перад самым сьветам ідуць да касьцёла і ім іх ксёндз мшу правіць, а по мшы ідуць ўсе на сваё месца. А каторыя душы жывуць у пеклі, то ім туолькі можна *праз окна* да хаты і касьцёла *паглядаць*» (Federowski 1897: 221, №1045). На Псковшине родные шли на кладбище, веником или веткой проводили по могиле снизу вверх, как бы открывая умершим глаза, а уходя с кладбища – мели сверху вниз, закрывая им глаза. Этот обычай назывался *разметать глаза покойникам* (Лобкова 2000: 36). Он был распространен на северо-западе России – в Витебской, Смоленской, Новгородской, Псковской губерниях (Агапкина 2002: 307). По свидетельству Л. Ристеского, архаичный обычай перекапывания могил и вторичного погребения в некоторых районах Македонии также мотивируется заботой о том, чтобы покойник *виде бело видело* [видел белый свет] (Ристески 1998: 249). Если при захоронении находят кости ранее погребенного, македонцы с. Теово их собирают, моют и заворачивают в белое полотно, чтобы они «снова увидели белый свет» (*пóфторно да відаат кóските бéло відело*) и снова закапывают (Плотникова 2006: 217).

Как «промывание глаз» покойника трактовался и обычай на третий день после похорон мыть на дворе одежду покойника и полотно, на котором гроб опустили в могилу, зафиксированный в восточном Полесье: «на 3 день мертвому *очи промывають* – стирают его вещи, постель, холст, на котором опускали гроб в могилу: чтобы *душе було легче, штоб усе через воду прошло*» (ПА, Стодоличы Лельчиц. р-на Гомел. обл.) (Седакова О. 1983: 255).

Формой заботы о зрении предков можно считать соблюдение календарных запретов на определенные виды работы в дни поминовения усопших. Считалось, что в это время мертвые пребывают на земле, и живые должны позаботиться об их безопасности. Запреты мотивировались опасением *засорить глаза предкам* или другим мифологическим персонажам, связанным с умершими предками

(пятнице, русалкам)¹⁰. Запреты строятся на следующем принципе: в первой (запрещающей) части звучит запрет на определенное действие, а в части мотивировки это действие выступает уже в метафорическом значении ‘лишить возможности видеть’: например, «*не пряди, чтобы не запрясть глаза предкам*»¹¹. Среди основных действий, которые «ослепляют» предков, можно выделить следующие:

– прядение (засорить глаза могла летящая в это время костра): в Воронежской губ. считалось «большим грехом мыкать мычки и прясть пряжу в пятницу из уважения к усопшим родителям, чтобы не засорить им глаза кострикою» (Малыхин 1861: 299). «Кто прядет в пятницу, у того на том свете будут слепы отец с матерью» (Селиванов 1886: 70). В Полесье верили: «Як прадэш у свято, на тым све́те *пыль летíт в óчы тым мэртвым*» (Толстой 1995: 190). В бывшем Новгород-Северском уезде полагали, что «в дни поминовения родичей нельзя мять пеньки, прясть и чесать шерсть, чтоб кострицей не засорить глаз покойников» (Гринченко 1895: 23). У украинцев запрещалось прясть коноплю, чтобы не «костричить», не засыпать глаза «родителям» (СД 4: 325).

– шитье (можно было зашить, выколоть иглой глаза родителям): кто шьет в поминальные дни, тот колет родителям (покойникам) глаза (кур.) (Толстой 1995: 190). В понедельник на следующей после Троицы неделе не шили, чтобы «не зашить глаза русалкам» (СД 4: 173). «На Розыгры не шьем, бо то, кажут, *русаўцы очы зашыеш*» (Виноградова 2000: 385). «У кого в роду русалка е, те не пралы и не шылы, и не

¹⁰ Хотя формально здесь идет речь о глазах, эти запреты рассматриваются в главе, посвященной зрению, так как «засорение глаз» подразумевает воздействие на зрение мифологических персонажей, предков.

¹¹ Ср. сходные по форме с перечисленными выше действиями фразеологизмы *заливать глаза, колоть глаза, замазывать глаза, пускать пыль в глаза*, которые в современном русском языке имеют различные значения, далекие от тех действий, которые они называют. Например, фразеологизм *пускать пыль в глаза* обозначает не реальное «засорение зрения», а сбивание с толку, представление реальности во мнении («в глазах») собеседника в искаженном виде (ср. выражение *морочить голову*, где *морочить* первоначально означало манипуляции со зрением, и которое тоже получило переносное значение, связанное с ментальными действиями).

стиралы, не мазалы на Русалку (т.е. в воскресенье на Русальной неделе) бо, ка <=кажут>, *зашыеш руслалцы очы*» (Там же: 164).

– побелка хаты (можно было замазать, забелить глаза покойнику): в западном Полесье запрещалось белить или подбеливать хату, этот запрет связан с представлениями о том, что души умерших предков обитают в стенах и углах дома: «Подбілівати не можно, то покойниковы очы забельшы, відеть не буде» (ПА, Речица Ратнов. р-на Волын. обл.). Особенное внимание уделялось красному углу – его можно было белить только раз в году: «цілый рік трэба щоб не біленая – як забелишь той угол, то покойниковы очі забелишь» (ПА, Речица Ратнов. р-на Волын. обл.). Чтобы избежать засорения глаз покойника при белении дома, закрывали скатертью могилу: «Як пэрший раз пуся покойныка белять хату, то йдуть на могылку, закрывають ей настольныком, бо *закалыть ёму глаза*» (ПА, Озерск Дбровиц. р-на Ровен. обл.). Этот факт С.М. Толстая называет «характерным совмещением представлений о пребывании души на стенах дома и – в могильной земле» (Толстая 2000: 85). В Пинском Полесье нельзя было в субботу белить печь или мести, поднимая пыль: «От, ка <каже, кажут>, очы замазўаеш, это *пукойникам глаза засыпаеш да замазўаеш*» (ПА, Пинск., Столин.).

Как видно из примеров, вред зрению покойников могли причинить и другие работы, выполняемые в связанные с мертвыми дни: стирка, подметание и вынос мусора¹², выгребание золы из печи. В Полесье считали, что «на Русальници...стирать не можно, белить не можно. Кажуть: *мертвым вочы зашыеш, замажэш*» (Виноградова 2000: 165). Орловские крестьяне в родительские субботы опасались выгребать золу из печи из страха, что «этою золою *засыпают глаза умершим*» (Зеленин 1934: 21). Чаще всего в запретах фигурировала работа, связанная с

¹² Ср. запрет выбрасывать мусор на заходе солнца, зафиксированный у белорусов Гродненской губ.: «Як сонца заходзіць – сьмецце на двор не вынось. Бо ты *засыпаеш сонцу глаза*» (ТМКБ 2006: 267).

поднятием в воздух пыли, которая могла попасть в глаза незримо присутствующим предкам.

Следует отметить, что параллельно с мотивировками, связанными с глазами покойников, встречаются мотивировки, касающиеся опасения причинить вред ногам предков. Ср. в полесском мифологическом рассказе покойница жалуется: «Моя маты шила на цым (русальном) тыжне, дак мне ноги вельми коле...» (Виноградова 2000: 385). В качестве мотивировок запрета может выступать и «засорение пути» умершему: запрещалось сновать, иначе *заснуешь дорогу дедам*, ср. запрещалось шить, чтобы *не зашить глаза предкам* (Толстая 2000а: 15). Подобный параллелизм между глазами и ногами объясняется в контексте представлений о дороге на тот свет, преодолеть которую покойник не сможет, если ему «исколоть», «связать», «засновать» и т.д. ноги (не случайно покойнику перед погребением необходимо было развязать ноги, если они были связаны). Точно так же он не найдет дороги, если ему засорить глаза или загородить саму дорогу. Все три варианта (воздействие на зрение, ноги, дорогу) оказываются в данном контексте изофункциональными и выступают в качестве синонимичных.

Причинением вреда зрению предков мотивировались также запреты, связанные с водой: «не можна мочити у воду, бо *батькові очи зас...*», «плевать и мочиться в воду – все равно, что *матери в глаза*» (Успенский 1982: 56). Они были обусловлены представлением о воде, как о границе между тем и этим светом, осквернение воды приравнялось к оскорблению памяти родителей (о связи глаз и воды см. раздел 1.2, параграф «Глаза и макрокосм»).

Несоблюдение перечисленных запретов могло грозить карой самому нарушителю. Как правило, в качестве кары упоминается слепота. Слепоту могла насылать разгневанная Параскева за прядение в пятницу (засоряет пряхам глаза куделью) (рус. ворон.) (СД 2: 631). Наказанием могла стать, в том числе, и посмертная слепота нарушителя. Украинцы

считали, что женщинам, не соблюдавшим запрета прясть по пятницам, веретена будут после смерти колоть рот и глаза (СД 4: 478). Слепота выступает в качестве одного из наказаний за работу в неурочное время, как симметричный ответ на засорение глаз мифологического персонажа (Амосова 2014: 311-312). Для описания посмертных наказаний в принципе характерен мотив страданий грешника от тех предметов, с помощью которых он грешил при жизни (о наказании слепотой см. раздел 3.3.3, параграф «Наказание слепотой»).

С заботой о зрении покойников Н.И. Толстой связывает и обычай носить траурную одежду белого цвета. Так, у сербов в р-не Враня зафиксировано поверье, что после смерти ребенка в возрасте до одного года его мать не должна носить черного платка и черной одежды, а должна повязывать голову только белым платком, чтобы «ребенок видел на том свете и чтобы у него не было темно в глазах» (Николић-Стојанчевић 1974: 458; цит. по Толстой 1995). После смерти первого ребенка мать должна надеть белый платок, чтобы дети продолжали рождаться и были здоровы, а умершему «*да му се види бело на онај свет*» [чтобы был белый свет на том свете] (Там же: 304-305). Н.И. Толстой сравнивает представления, распространенные в Сербии, с записанным на Русском Севере (в Череповецком р-не Вологодской обл.) обычаем «обряжать покойника во все светлое, чтобы жизнь светлая была, а темное покроешь, так темной и будет» (Толстой 1995: 193). Сербы из с. Свинице в Румынии верили, что от черного траура «покојник ништа не види на другоме свету» [покойник ничего не видит на том свете] (Зечевић 1971: 92). Прекращение траура в с. Свинице ознаменовано исполнением особого «танца для мертвых» (*коло за мртве*), танцующие должны были во время танца наступать на платок с деньгами. Если бы они не наступали на платок, то они, «танцуя, всегда топтали бы глаза покойника» (*покојник би се газио по очима*) (Зечевић 1971: 93). Сербские женщины на Косовом поле (с. Лешак) не носили траур по своим детям,

чтобы им на том свете *«не была тама, тмуша и не би видело ништа»* [не было тьмы, мрака и не видно было ничего] (Vukanosić 1986: 316).

Необходимость света для покойников (и, следовательно, наличие у них зрения) иллюстрирует и обычай, известный на Русском Севере, на Карпатах и в Польше, делать гроб с прорезанными или нарисованными «окошками». Это были отверстия, расположенные на уровне плеч покойника, иногда в них вкладывали оконное стекло. Гуцулы в детском гробе в головах вырезали с правой стороны одно окошко, во взрослом – два. Окошко, иногда прикрытое доской, имелось и в гробах-колодах. Это делалось для того, чтобы покойник видел живых (с.-рус.), чтобы душа видела свое тело (укр.), чтобы умерший мог видеть других покойников и общаться с ними (пол.); чтобы умерший мог выглядывать (смотреть) из своей «хаты» (гуцул.). В Польше окошки делали в гробах, которые стояли в костелах, чтобы родные видели своих умерших сородичей (СД 1: 554). С этим обычаем соотносится практика изготовления антропоморфных надгробий, одной из основных особенностей которых являются изображения глаз (Толстой 1995: 195-205).

Таким образом, представления о «зрении – слепоте» покойников амбивалентны и кажутся на первый взгляд противоречивыми, однако, в них присутствует определенная логика. С одной стороны, покойники слепы, так как они утратили земное зрение (лишились инструмента зрения – глаз), они принадлежат миру темноты и вечного мрака, в котором человеческое зрение более не является актуальным. С другой стороны, слепота мертвых лишь относительна. Часто она воспринималась как временное явление, связанное с переходом с этого на тот свет, с заменой земного зрения на более совершенное потустороннее зрение. Согласно верованиям славян, души мертвых на том свете наделялись «человеческими» потребностями, они нуждались в еде, питье, тепле, отдыхе, умывании, а также свете. Свет представлялся одной из самых насущных потребностей покойника в загробном мире.

Об этом свидетельствует и болгарское проклятие «*Да му се не види!*» [Чтобы ему не виделось!], в котором проклинаемому желается, чтобы он ничего не видел на том свете (оно входило в ряд других проклятий на тему злой доли на том свете) (Толстой 1995: 205). При этом опасались, что мертвый мог остаться слепым (=в темноте) на том свете, и на этот факт могли повлиять именно живые. Тот свет представляется зеркальным отражением этого, поэтому для того, чтобы обеспечить покойника всем необходимым (теплом, едой, чистотой, *светом*) в ином мире, необходимо здесь, в этом мире, выполнить определенные действия: на том свете у покойников своего ничего нет, они имеют только то, что для них на этом свете делают живые. Забота о зрении покойников входила в ряд других обрядовых действий, призванных обеспечить покойникам благополучное пребывание на том свете: угощение покойников, обычай «греть» покойников, милостыня и пр.

Зрение младенцев. В результате нарушения запрета на работу в неурочное время могли пострадать не только покойники, но и нерожденные младенцы и домашние животные. Так, некоторые запреты мотивируются опасением навредить глазам нерожденных младенцев и нерожденных детенышей домашних животных. На этот факт указывает и Б.А. Успенский: «Особенно нельзя на Святках шить и прясть; от первого не только домашние животные, но и дети могут родиться слепыми» (Успенский 1982: 177), и Н.И. Толстой, приводя следующие примеры: «в пятницу не прали, бо куры послепнут» (ПА, Хоробичи Гроднян. р-на Чернигов. обл.); на Гомельщине беременным женщинам запрещалось «золить» белье в пятницу, потому что «кто дети рожает, не можна тому, вочи, каа <кажут>, повыпарываеш» (Толстой 1995: 194). Слепота и другие телесные аномалии у детей (в том числе аномалии, связанные с глазами) расценивались как наказание за грехи родителей. Например, ребенок мог родиться слепым, если родители плели лапти на святки (белорус.) (Кабакова 2012: 47), если мать во время беременности ела

хлеб, изгрызенный мышами (волог.) (Кабакова 2014: 238). Аналогии между покойниками и нерожденными младенцами обусловлены тем, что, по народным представлениям, дети до рождения, как и покойники, пребывают в ином мире (Толстой 1995: 194). Придя в этот мир, новорожденный в течение некоторого времени воспринимается как существо, принадлежащее иному миру, поэтому на него (и на роженицу) распространяются особые запреты: например, во фракийской Греции роженице нельзя было видеть луну, восход и закат солнца, ребенку также нельзя было видеть источники света: солнце, луну, огонь, горящую свечу – «для них опасно слишком яркое, резкое проявление этого мира – свет» (Цивьян 1990: 181). Согласно другим предписаниям, в комнате, где находится роженица с новорожденным, должен постоянно гореть свет, чтобы туда не проникли демоны *бабицы* и не подменили ребенка (серб.) (Левкиевская 2009: 566). Если абстрагироваться от мотивировок (они могут быть различными), прослеживается аналогия между светом, который горит при новорожденном, и светом, который обязательно должен гореть при покойнике. Несмотря на внешнюю противоречивость предписаний относительно присутствия / отсутствия света, существенным является сам факт, что оппозиция «свет – тьма» особенно актуальна в моменты, когда человек приходит в этот мир и когда покидает его¹³.

Таким образом, приход человека в жизнь (а именно, период пребывания в материнской утробе) и уход из жизни были маркированы повышенным вниманием к зрению, именно в эти периоды было особенно важно не навредить как земному зрению утробных младенцев, так и загробному зрению покойников.

Зрение животных. Пограничное положение между

¹³ Приход в мир, появление, рождение в языке описывается через концепт света, ср. фразеологизм *увидеть свет* в значении 'появиться, возникнуть': например, *книга увидела свет* 'книга была издана'.

мифологическими персонажами и людьми занимают животные, которые часто наделяются чертами мифологических существ. О некоторых животных сообщается, что они обладают сверхзрением (т.е. способностью видеть невидимое). Сверхзрением обладают домашние животные (собака, лошадь или петух), которые видят нечистую силу. Поляки верят, что в сочельник в полночь невидимые души предков приходят на торжественный ужин, собака воет, чувствуя их приход (Томіссу 1975: 159). По сербским поверьям, злого духа видят слепорожденные животные: кошка, собака, лошадь, кролик (Гура 1997: 78-79). Слепота при рождении компенсируется у этих животных особым зрением, способностью видеть невидимое. В севернорусских мифологических рассказах лошадь отказывается тащить телегу, когда на нее садится леший в облике человека. В болгарской быличке собаки чувствуют присутствие невидимого вампира, отгоняют его от женщины, кусают – в результате чего вампир погибает, а на его месте остается студенистая жидкость (Мицева 1994: 108). В ряде случаев, когда речь идет о животных, трудно с уверенностью утверждать, что подразумевается именно визуальное восприятие. Возможно, имеется в виду их способность чувствовать представителей постустороннего мира через органы обоняния или вообще с помощью некоего «шестого» чувства. По верованиям словенцев, собака с «двойными» глазами (с темными пятнами под глазами) способна увидеть смерть, при этом она начинает выть и скулить. Болгары-мусульмане в Родопах полагают, что такая «четыреглазая» собака может одолеть демона *дракуса*. Представления о собаках-«двоглазках», способных видеть нечистую силу, известны также русским, украинцам и македонцам (СД 2: 23).

3.3.2. Зрение человека. Видение невидимого.

Если мифологические персонажи обладают потусторонним зрением, но также видят и реалии этого мира, то человеческое зрение не

обладает такими возможностями, оно ориентировано только на объекты «видимого» мира. Исключение составляют некоторые категории людей, которые наделяются способностью видеть невидимое – сверхзрением. Оно может проявляться в комплексе с другими сверхспособностями и знаниями, а может выступать и само по себе. Ср. *halottlátó* (венг. – дословно «усопший-видящий») – у венгров демоны, которые видят мертвых и могут с ними разговаривать.

Люди со сверхъестественными способностями. К этой категории относятся, во-первых, люди, знающиеся с нечистой силой: «знатки», колдуны, знахари и чернокнижники, а также «профессионалы» (кузнецы, мельники, пастухи и т.п.). В данном случае способность видеть невидимое входит в ряд других характеристик, а зрение оказывается тесно сопряжено со знанием (оно выступает как частное проявления сверхзнания, ср. *провидеть, предвидеть* будущее). Например, на Русском Севере верят, что колдун видит бесов, которые ему служат, тогда как для остальных они остаются невидимыми. В Кировской области в 1998 году был записан рассказ о том, что если в полночь заглянуть в окно дома, где живет местная колдунья, баба Саня Полянская, то можно увидеть, как она пляшет. При этом информант утверждал, что она пляшет с лешим, которого обычный человек не видит, а видит лишь одна баба Саня.

У южных славян распространено поверье, что видеть демонов (покойников, духов болезней, орисниц и пр.) могут «субботники», то есть люди, рожденные в субботу (серб. *суботњак*, болг. *съботник* – ‘человек, способный видеть мифологических персонажей; человек, которому являются мифологические персонажи’): так, в Болгарии «субботная» женщина видит самодив, танцующих на заброшенной мельнице, и объясняет это временем своего рождения (Мицева 1994: 83-84). В восточной Сербии аналогичные способности приписываются людям, рожденным во вторник: они видят демонов, при этом сами

защищены от злых духов и им не могут навредить вештицы (Седакова 2007: 272). Видеть невидимое могут люди, рожденные от связи мифологического персонажа и обычной женщины. Способность видеть демонов приписывается также «повторенным» людям – тем, кого мать, уже отлучив от груди, снова начала кормить грудью (Виноградова 2000: 52-53; Седакова 2007: 284-285).

Люди в лиминальных состояниях. Широко известно представление о том, что видеть невидимое могут люди в пограничных состояниях – тяжело больные (находящиеся между жизнью и смертью). Сюда же можно отнести явления потусторонних персонажей человеку во сне, так как сон в традиционных представлениях выступает как промежуточное состояние между жизнью и смертью, когда душа временно покидает тело и отправляется путешествовать в ином мире.

Появление мифологических персонажей в видимом облике расценивается как дурное предзнаменование и может расцениваться как своего рода плохая примета – к тяжелой болезни, смерти. Например, русские верят, что увидеть домового можно, когда в семье ожидаются какие-либо (чаще негативные) изменения, его появление предвещает смерть тому, кому он покажется (Левкиевская 2000: 129). В Полесье верили, что предков могут увидеть лишь те, кому суждено в этом году умереть (Толстая 2005: 85). У нижних лужичан домовую змею (домового в облике змеи) можно увидеть лишь перед своей смертью (Гура 1997: 70). Кикимора является к несчастью, к смерти кого-либо из домашних (Новичкова 1995: 217). Мифологические персонажи часто карают слепотой или даже смертью человека, подглядывающего за ними. Так или иначе, созерцание реалий невидимого мира оказывается сопряженным со скорой смертью видящего их.

Праведники и дети. В восточнославянских мифологических рассказах способность видеть некоторых демонов (русалок, домовых, покойников) может быть обусловлена особой праведностью наблюдателя

(Виноградова 2000: 122). С этим связано представление о том, что обитателей иного мира могут видеть праведники или дети, зрение которых не замутнено грехом. Например, на Русском Севере на поминках носили вокруг стола маленьких детей и спрашивали, «видят ли они тату, дядю, тётю» и т. п. Если дети повторяли последние слова, то значит, они видели незримого гостя (Причитанья 1: 251). В одной из быличек женщина с девочкой шли на кладбище в Радуницу. Девочка увидела на елке кукол – это были покойники, которые встречали тех, кто пришел их поминать (рус. смолен.; ВКТК: 150). Чтобы узнать, не мертвец ли подозрительный гость, ставили в красный угол ребенка, который мог заметить оловянные глаза и железные зубы нечистой силы (Новичкова 1995: 470). Ср. обычай соблюдать пост, чтобы увидеть невидимое. В Полесье верили: «Як будеш посникать, то побачиш мертвых, як идуть на деды на вачэру» (ПА, Тхорин Овруч. р-на Житомир. обл.). Увидеть тени усопших может тот, кто после трехдневного поста накануне родительской поминальной субботы придет на кладбище (Новичкова 1995: 540). В то же время нарушившему пищевые запреты человеку нечистая сила показывается против его желания: тот, у кого в Чистый понедельник в зубах случайно застрянет кусочек скоромной пищи, во сне будет видеть чертей (КГ: 452). Праведность как условие визуального контакта с иным миром соотносится с представлениями о том, что грех замутняет и искажает зрение: ср. белорус. *запарушанае вока* (у человека, совершившего грех), что является аллюзией на евангельскую цитату о сучке в глазу ближнего и бревне в своем (Матф. 7; 3-5) (Валодзіна 2009: 80).

Люди в измененном состоянии сознания. Видеть невидимое начинают люди, оказавшиеся вовлеченными в мифологическое пространство (например, в результате случайной встречи с мифологическим персонажем, под действием проклятия или чар колдуна, тоскующие по умершему близкому). Мифологический

персонаж может выступать в роли субъекта-посредника, который манипулирует зрением человека. Ср. в архаических культурах «способность видеть сама по себе рассматривается как свойство, которым могут наделять боги» (Иванов 1973: 34). При этом человек, уподобляясь в зрительных способностях мифологическому существу, начинает видеть объекты невидимого мира (иногда к сверхзрению добавляется и сверхзнание), в то же время этот мир он видит в искаженном свете. Например, в русских мифологических рассказах, когда человека «водит» леший, он показывает человеку искаженную реальность – человеку кажется, что он идет знакомой дорогой, а в реальности он оказывается на краю обрыва и чудом избегает гибели (подробнее см. в настоящей главе раздел 3.4.). К измененным состояниям сознания можно отнести лиминальные состояния (состояния сна, забытья, обмирания) (см. выше, с. 169)¹⁴.

Обычный человек может увидеть мифологических персонажей случайно, оказавшись в определенное время в определенном месте. Согласно некоторым представлениям, случайный визуальный контакт с мифологическим персонажем может свидетельствовать о удачливости или сулить человеку удачу в будущем. Так, в Полесье полагают, что только удачливый человек может увидеть русалку; хорваты верят, что кому посчастливится увидеть «змеиного пастуха» (царя всех змей), тому неизменно будет сопутствовать удача в любом деле (Гура 1997: 296). В рассказах южных славян человека, случайно увидевшего вил, мифологические персонажи не наказывали, напротив, одаривали его сверхъестественными свойствами, например, делали непобедимым (СД

¹⁴ Сны, видения, галлюцинации и пр. остаются за рамками настоящей работы, так как они обладают своей спецификой и заслуживают отдельного исследования (в рамках исследования представлений о сне). Хотя в ряде славянских языков для 'сновидений' используется лексика со значением зрительного восприятия, речь идет не столько о зрении, сколько об особом ментальном состоянии (рус. *сниться*, словен. *sanjati*, пол. *śnić*), которое описывается в «зрительных» терминах лишь по аналогии.

1: 371)¹⁵.

Перечисленным выше людям не приходится прибегать к особым средствам, чтобы увидеть невидимое. Они обладают сверхзрением благодаря своей постоянной (колдуны) или временной (проклятые, тяжелобольные) причастности к иному миру. Визуальный контакт с иным миром происходит спонтанно, независимо от воли субъекта, порой помимо воли потустороннего объекта. В ряде случаев мифологические персонажи сами идут на контакт: разрушают визуальную границу между тем и этим миром и предстают перед человеком в видимом обличье, когда хотят сообщить ему какую-либо (чаще негативную) информацию, например, предупредить о тяжелой болезни или скорой смерти. Иногда мифологические персонажи вступают в визуальный контакт с человеком, преследуя свои цели: так, покойники являются своим живым родственникам, чтобы пожаловаться на посмертную участь, если родные нарушили какие-либо правила погребения или не помянули усопшего как положено. Например, в Полесье считают, что умершие показываются лишь тем, кто не приготовил им поминального ужина на деда (Толстая 2005: 85).

Способы обретения сверхзрения. Человек, не обладающий от природы сверхъестественными способностями, по собственной воле пытается вступить в визуальный контакт с представителями иного мира и совершает для этого определенные действия. Поводом для контакта иногда является просто любопытство: например, в новгородской быличке мужик обращается к дворовому: «Дворовой батюшка, дворовая матушка, покажитесь, а то больно скучно!» (Мифологические рассказы 1996: №77), но чаще человеком руководит стремление приобрести от мифологического персонажа какую-нибудь выгоду (научиться чему-

¹⁵ Наряду с этим существуют поверья о том, что вилы наказывали тех, кто случайно видел их танец, поэтому человек, столкнувшийся с вилами, не смел обнаружить свое присутствие.

нибудь, получить нужную информацию).

Особое внимание в традиционной культуре славян уделяется действиям, направленным на то, чтобы увидеть покойников, колдунов (последних нужно было не просто увидеть, а еще и распознать как таковых в человеческом или зооморфном облике (о распознавании мифологических персонажей см. Виноградова 1997; Толстая 1998). Увидеть колдуна было необходимо, чтобы уберечься от его вредоносных действий. Визуальный контакт с умершими предками осуществлялся с целью увидеть, какова их посмертная участь, убедиться, что они принимают участие в поминальных обрядах, присутствуют на приготовленной для них трапезе. На Русском Севере крестьяне верили, что увидеть во время поминок покойника удавалось лишь в том случае, если родные хорошо молились за него (Причитанья 1: 251).

Возможность увидеть реалии иного мира представляется особенно вероятной в определенные временные моменты – это переломные периоды календаря, например святки (когда можно видеть шуликунов), Русальная неделя, Юрьев день (время разгула ведьм и появления русалок) а также соответствующее им пограничное время суток – полдень и полночь. Благоприятным временем для визуального контакта с умершими предками считались Духов день, Троица и поминальные дни (*Деды*), когда они, согласно народным верованиям, приходили с кладбища и навещали родных: «Прилетают родители на Троицу смотреть свой дом... *аны нас видят*, аны – в воздухе, а *мы их не видим*» (рус. пск.) (Лобкова 2000: 36).

Для каждого из мифологических персонажей выделяются локусы наиболее вероятного контакта с ним. Так, чтобы увидеть домового, необходимо было подняться на чердак, полесских русалок видели в жите, покойников – на кладбище и в домах родственников во время поминальной трапезы. В Полесье верили, что невидимую душу мертвого можно увидеть, если «на Щэдрэц на чэрдаку коло комына як мать

народыла гола обойти тры разы круг комына» (ПА, Рубель Столин. р-на Брест. обл.). Лешего или черта можно увидеть в лесу: полешуки верили, что если хочешь увидеть черта, нужно пойти в лес ночью, громко свистнуть и запеть – тут же заиграет музыка и явится черт (он появляется в результате нарушения человеком запрета на подобное поведение в лесу). Важнейшим местом визуального контакта с иным миром является окно. Окно в верованиях и обрядах славян выступает как граница между своим и чужим пространством: на окно в виде птицы прилетает душа умершего; через окно души умерших покидают дом; в окно выкликали души умерших, приглашая их к поминальному столу; на польском Спише запрещалось на Вигилию (сочельник Рождества) окликать кого-либо через окно, чтобы не накликать смерть; чрез окно насылали порчу; через окно можно увидеть будущее (Виноградова, Левкиевская 2004). Немаловажную роль при контактах с потусторонним играет печь. Часто, чтобы увидеть мертвых, нужно залезть на печь, или смотреть на них из-под печи. Во время гаданий и магии использовалось также устье печи, печная труба. Границей между тем и этим светом, считается вода (колодец), в ней также можно рассмотреть невидимое. Македонцы и болгары, чтобы увидеть умерших предков, приходили к источнику и громко звали кого-нибудь из них по имени, и тогда покойник показывался в воде. Способностью показывать реалии невидимого мира наделяется также зеркало. Во время грозы завешивали зеркало, чтобы в нем не показался черт (Мифологические рассказы 1996: №244). На всматривании в воду и зеркало основан целый ряд гаданий о судьбе у восточных славян.

Увидеть невидимое помогают особые магические предметы. Например, в Полесье верили, что с помощью свечи, освященной в Чистый четверг или на Пасху, зажженной в церкви и донесенной до дома, можно увидеть домового или покойника. «В Великий четверг берут в церкви свечу и зажгут на первой евангелие и её не туши, покуда

не окончится служба, все двенадцать евангелий. И стараются эту свечу принести домой с огнем. И вот, когда услышат, что покойник пришел, тогда зажигают эту свечку и его увидят. И он больше не придет. Так говорили старые люди» (ПА, Олтуш Малорит. р-на Брест. обл.) (Толстая 2005: 47-48). Белорусы Слуцкого у. использовали для этих целей сретенскую, или громничную свечу (Гура 1997: 230). Если с пасхальной свечой подняться в Светлое воскресенье на чердак, то можно увидеть прикованную по углам нечистую силу, которая в этот миг не способна вредить (Новичкова 1995: 408).

Часто встречается поверье, что увидеть мертвых, пришедших в дом на обрядовый ужин, можно, забравшись на печь, имея при себе особую нить или полотно: «С таей поўсьци, што пад краснима, на тую нитку вуткаць. Да на дзеды, як дзядуюць, да пачапи на шыю да сядзь на шыйци [печи] да дзеды будуць ици да *будзеш бачыць*. Тольки ни с кем ни гавари» (ПА, Жаховичи Мозыр. р-на Гомел. обл.); пояс, вытканый из мха: «У одной женщины дочка померла. Ёна ўсё убивалась. Ей одна женщина кажэ: „Ты мха пареже напярди, выччи пояска да и сядь на диды, да сядь на печку – *углядиш* свою дочку”. Ёна села за комин. Бачила, шли старые, молодые, идуць на вечеру. Потом *увидела* свою дочку. Зрадовалас та баба, потом заболела, заболела и померла» (ПА, Бостынь Лунинецк. р-на Брест. обл.).

Видеть невидимое можно было благодаря особой одежде, которую нужно было надеть на себя: украинцы верили, что увидеть покойников можно было, если в полночь перед Навской пасхой (четверг на Пасхальной неделе) надеть на себя рубаху, вытканную из отходов чесания волокна (Толстая 2000: 17), надеть на себя еще не стиранную рубаху покойника и тихо стоять, ни с кем не разговаривая (смол.) (Листова 1993: 73). В Олонецкой губ. рассказывали, что один из близких родственников покойного забирался на печку и, одевшись в шубу, левой стороной вверх, смотрел оттуда сквозь решето на место, приготовленное

для покойника, это нужно было делать тайно, чтобы никто не видел (Причитанья 1: 251).

Едва ли не самым часто встречающимся способом увидеть невидимое является смотрение через какое-либо отверстие (о других функциях этого действия см. раздел 2.5, с. 116-118). Это может быть отверстие, полость, проем, представляющий своего рода «окно». Отверстие в данном случае выступает в роли магического инструмента – «рамки», при помощи которой человек получает возможность, оставаясь в этом мире, заглянуть в потустороннее пространство и увидеть невидимых демонов, свою судьбу или же распознать демоническую природу в существе, принявшем обличье человека, предмета или явления природы (вихрь). Чаще всего речь идет о попытках увидеть покойных предков и способах распознавания ведьм (Толстая 1998; Ясинская 2011). Стремление увидеть и узнать демона, скрывающего свою сущность, имеет важное апотропеическое значение: таким образом человек обезвреживает опасность, лишает мифологическое существо вредоносной силы (см. также с. 148) (Левкиевская 2002: 94). *Смотрение сквозь* нередко встречается и в гаданиях, при этом его целью также является увидеть нечто недоступное невооруженному глазу: отправитель ритуала заглядывает в иной мир, желая увидеть там свою судьбу, свое будущее.

В роли «рамки» могут выступать либо самые обычные хозяйственные, бытовые, или обрядовые предметы¹⁶, либо предметы, изготовленные специально для данного ритуала. Из хозяйственных предметов «рамкой» часто служит хомут: чтобы увидеть покойника на сороковой день после смерти, у русских смотрели с печи через хомут (или сквозь решето) на место, приготовленное для покойника (Причитанья 1: 251). Украинцы при этом накидывали на хомут полотно

¹⁶Речь идет об обрядовых предметах, выступающих во вторичной функции (Толстой, Толстая 1995а).

или даже впрягались в конскую упряжь (Гринченко 1895: 42-43). В Полесье говорили: «Нельзя душу побачыть. Если колдун умирае, наложи хомута и керез хомут дывысь, будэш бачыты, як ёго [душу] лихия забирають» (ПА, Онисковичи Кобрин. р-на Брест. обл.). Через хомут можно увидеть лешего или домового (Власова 1995: 205), ведьму в купальскую ночь; если подсматривать через хомут за знахарем, можно перенять от него приемы чародейства. Члены семьи покойного колдуна через хомут наблюдают, как черти стягивают с мертвеца «шкуру». Крестьяне в Симбирской губ. полагали, что через хомут, снятый с потной лошади, видно, как черти сдирают кожу с самоубийцы (Белова 2012: 457). В роли «рамки» могли выступать также другие части конской упряжи и даже части тела самой лошади. Распознать лешего в случайном лесном попутчике можно было, посмотрев между ушами лошади (заглянув через правое ухо лошади), сквозь дугу конской упряжи (Власова 1995: 205, 219). В подобной функции могла выступать и борона. В Полесье и восточных районах Польши, спрятавшись в купальскую ночь за бороной в хлеву, сквозь ее прутья высматривали ведьму, пришедшую доить чужую корову (Kolberg DW 51: 43). Борона специально для этих целей изготавливалась южнорусскими крестьянами из осины, причем делать ее нужно было по четвергам в течение Великого поста. В Страстную субботу следовало спрятаться за такой бороной с зажженной свечой, тогда и в доме и во дворе можно будет увидеть ведьм (Власова 1995: 77). Лешего или домового высматривали через три бороны, поставленные таким образом, чтобы можно было сесть в середине между ними (Новичкова 1995: 317). Пересекающие друг друга крест-накрест прутья бороны или ячейки решета могли иметь дополнительное значение оберега от нечистой силы, что давало возможность человеку, подглядывающему за демонами, чувствовать себя в безопасности. В случае с бороной апотропеическую функцию выполняют также ее острые зубья (Гура 1995: 235).

Поляки в районе Спиша изготавливали специальные цедилку и стульчик, работая со дня св. Люции до Рождества, затем с этими предметами они шли в костел, становились на стульчик коленями или садились на него и смотрели через цедилку. Таким образом они могли увидеть ведьм, стоящих спиной к алтарю (Толстая 1998: 146). Цедилка выступает в качестве «рамки» не случайно, она связана с наиболее распространенной вредоносной функцией ведьм – отбиранием молока. На польском Спише пастухи, которые после Пасхальной службы трубили в трубы, могли посмотреть в свои трубы и увидеть стриг, только никому нельзя было говорить, кого они видели: «w Spiskiej Białej krowiarze, trąbiący po północnej mszy, gdy popatrzą się do trąb, wtedy zobaczą strzigi, ale im nie wolno nikomu powiedzieć, kogo widzieli» (Balara 1986: 42-43).

В функции рамки могут использоваться и другие отверстия, например, отверстие от сучка в гробовой доске или замочная скважина. Гробовую доску можно отнести к числу обрядовых предметов, связанных с покойником, и выступающих в данном контексте в функции вторичного обрядового символа (Плотникова 2009). Словаки верили, что если смотреть через дырку в гробовой доске или через замочную скважину в церковной двери накануне дня св. Люции, можно увидеть в церкви *стриг* — ведьм, собравшихся со всей округи (Horváthová 1986: 39). Поляки считали, что если хочешь увидеть дьявола, нужно на масленицу прийти к корчме, имея при себе заранее взятый на кладбище кусок гробовой доски с вынутым сучком, с этой доской пойти к окну корчмы, где играет музыка, посмотреть на танцующих, тогда увидишь дьявола, который пляшет среди людей (Siarkowski 1885: 22). Через дырку от сучка поляки смотрели на вихрь, чтобы разглядеть кружащихся в нем чертей (СД 1: 38). Русские крестьяне полагали, что во время пасхальной заутрени в церкви через отверстие в гробовой доске можно увидеть, что ведьмы стоят с кувшинами молока на голове (Толстая 1998: 143). С

помощью доски, выкопанной из могилы, можно было увидеть на всенощной в Рождество всех сельских ведм: для этого в доске нужно было найти или сделать отверстие, чтобы смотреть сквозь нее на алтарь (словен., Бела Краина), на собравшихся в церкви женщин (пол. радом., крак., познан., Куявы) (Плотникова 2009: 126). В Полесье через замочную скважину можно было наблюдать, как во время поминальных дней (на «деды») умершие предки приходят в дом на поминки (Толстая 2005: 26).

В замочную скважину смотрели во время гаданий. Русские и белорусы высматривали пришедших на поминальную трапезу предков через щель от вынутого верхнего дверного косяка (Никифоровский 1897: 296; Агапкина 2012: 80). Реже с этой целью используют другие отверстия: в Моравии со дня св. Люции до Рождественского сочельника строгали специальную поварешку, в которой затем делали дырку. Если смотреть через нее на молящихся в костеле во время рождественской мессы, можно распознать ведм, потому что у них на головах будут видны подойники (Толстая 1998: 147).

В ряд других «рамок» формально попадает и окно дома, хотя «рамкой» его можно назвать условно, потому что оно является скорее локусом. В класс «рамок» его представляется возможным включить благодаря тому, что взгляд смотрящего проходит через него, как и в случае с другими отверстиями. Так, поляки в окрестностях Жешова в день св. Люции на рассвете смотрели через окно, как ведьмы собираются на свой шабаш (Толстая 1998: 143). В других районах Польши считали, что ведьму можно увидеть через среднее окно дома с тремя окнами (Biegeleisen 1929: 234). Словенцы верили: если на св. Люцию трижды обойти дом со специальным стульчиком (*stolček*), в окне дома увидишь врага (Möderndorfer 1948: 32). В Полесье, глядя в окно из дома, можно было увидеть мертвых, идущих на поминки в свои дома: «Говорыли, шо надо систы в окошку [во время «Намской пасхи»] – воны идуть у цэрков

ночью, ти ж сами мэртвэцы. И як ты будэш стэрэгты, так ты побачиш йих (ПА, Нобель Заречнян. р-на Ровен. обл.). Если посмотреть с улицы через окно в дом, за столом можно увидеть покойных предков, но тот, кто сделает это, не проживет и года (Шейн 1980: 624-625). Человек, посмотрев на улицу сквозь окно, мог увидеть там домового (ю.-рус.); черта, катающегося с детьми с горки (с.-рус.); лешего, несущего проклятого ребенка (с.-рус.) (Виноградова, Левкиевская 2004: 536-537). Смотрение в окно часто практикуется в гаданиях. Беременная, желая узнать пол своего ребенка, сразу после окончания тканья выглядывала в окно – если первый человек, которого она видела, был мужчина, значит у нее родится мальчик (з.-полес.) (Виноградова, Левкиевская 2004: 537). У словенцев на Новый год кто-либо из домашних обегает вокруг дома и заглядывает в дом сквозь окно: если увидит в середине комнаты крест, это значит, что в течение года кто-либо умрет в доме (Kuret 1970: 237). Русские девушки на Святках заглядывали в окно, пытаясь разглядеть облик жениха (Виноградова 2000: 330). В славянских мифологических рассказах повитуха, идущая принимать роды, нищей или случайный прохожий может увидеть судьбу новорожденного, если посмотрит в окно избы, где находится роженица. Обычай заглядывать в окно, чтобы узнать судьбу новорожденного дожил и до наших дней: «Про судьбу только знаю, что ее можно на окне прочитать. Даже сейчас, в роддоме когда рожает, нужно на окно глядеть. Дитя родится, а в этот миг на окне будет написано, какая судьба дитю» (ю.-рус.) (Власкина 1998: 16).

В качестве «рамки» могла использоваться одежда. Нижние лужичане верили, что если посмотреть на вихрь через рукав, в нем можно увидеть образ зайца (Гура 1997: 188). Кашубы смотрели на вихрь через рукав, лужичане – через вывернутую рубаху, таким образом можно было увидеть крутящуюся в вихре нечистую силу (СД 1: 381).

Иногда «рамку» человек создает с помощью своего тела. Русские крестьяне верили, что можно увидеть черта, если, нагнувшись,

посмотреть на вихрь между ног (Власова 1995: 88). Украинцы с этой же целью смотрели на вихрь через левую руку (СД 1: 381). Чтобы заключить «договор» с лешим, также следовало, встав на пень и нагнувшись, посмотреть между ног на восток (Власова 1995: 218). В роли «рамки» фигурирует специально испеченный хлеб с дыркой внутри – калач. У южных славян встречается поверье, что если на Масленицу испечь калач из остатков разной еды, забраться на дерево и смотреть сквозь него, можно увидеть вил (СД 1: 371).

С целью увидеть невидимое практиковалось также «заглядывание» внутрь объектов-локусов, например, в печь: чтобы увидеть суженого, во время гаданий вглядывались в устье печи (рус.). В данном случае, «заглядывание» и «смотрение сквозь» преследовали одну цель: человек, оставаясь в этом мире, получал возможность увидеть невидимое (иной мир). В качестве «окна» в другой мир, в которое заглядывают с целью увидеть невидимое, часто выступает отражение – зеркало, колодец, водная или другая гладкая поверхность (например, растопленный жир). Вода или зеркало также не являются «рамкой»: невозможно посмотреть «сквозь» них, потому что объект, на который направлен взгляд смотрящего, – это именно отражение в зеркале, а не предмет за рамкой. Но зеркало функционально очень близко к «рамке», оно также используется для контакта с потусторонним миром, оно имеет определенные границы, а показывающиеся в нем объекты представляются такими же материальными, как и объекты за «рамкой». На Русском Севере знахарь, когда к нему приходили за помощью, по отражению в воде показывал человека, причинившего порчу и сглаз; причем в этот момент можно было отомстить обидчику – ткнуть ему в глаз, и тот получал увечье в реальной жизни, становился слепым (Мифологические рассказы 1996: 77, 76, 81). Болгары Пловдивского края, чтобы увидеть души покойников, держали над водой зеркало, пока в нем не появится отражение, или подвешивали зеркало над колодцем,

причем это считалось опасным и для мертвых и для живых (Пловдивски край 1986: 273-274). У русских запрещалось смотреть в зеркало ночью – это влекло за собой безбрачие или смерть. Особенно часто зеркало и вода фигурируют в гаданиях. Чешские девушки в Силезии ходили к проруби и смотрели в нее при свете месяца, гадая по тени, за кого им суждено выйти замуж (Bartoš 1892: 6). Иногда в дополнение к отражению использовалось кольцо: в восточнославянских гаданиях о женихе высматривали лицо суженого через перстень, опущенный в воду (Moszyński 1967: 374). Здесь «рамка» как бы удваивается; при этом кольцо, символизируя брачные узы, играет особую роль в гаданиях о замужестве. В сибирской быличке змея-любовника, который летает к девушке в образе погибшего жениха, распознает подруга, для чего она забирается под печь и смотрит на гостя через кольцо (Козлова 1990: 103). Довольно часто, как в последнем примере, локус и инструмент (локус *печь* и инструмент *кольцо*) выступают параллельно, что должно с большей вероятностью способствовать достижению поставленной цели.

Увидеть невидимое можно, используя особые растения, например, кленовую ветку, освященную на Троицу: «Один дед пошоў глядець, воткнул клёна [кленовую ветку, которую освящают на Троицу] у жыто и бачыць – двенацать девок взялис в круга и танцуюць. Ёсе ў белом, и косы долгиe, по пояс» (ПА, Кишин Олевск. р-на Житомир. обл.). Волшебными свойствами народное сознание наделило цветок «адамова голова» – если держать его в руке, то будешь видеть дьявола, чертей, леших и других демонических существ (волог., Власова 1998: 11-12).

У южных славян и украинцев Закарпатья распространены поверья, что обрести сверхзрение можно с помощью растений, пророщенных из головы змеи. Болгары верили, что увидеть дьявола и нечистую силу можно с помощью базилика, пророщенного через голову змеи, пойманной на Благовещение. Украинцы Закарпатья использовали перья чеснока, пророщенного через змеиную голову, чтобы распознать ведьм

во время Пасхальной службы (Гура 1997: 330). Русские считали, что клады откроются тому, кто убьет главную белую змею, натопит из неё сала, а потом вымажет этим салом глаза (Новичкова 1995: 191). Поляки в окрестностях Кракова полагали, что увидеть покойника сможет тот, кто сожжет kota и посмотрит через его кость (Arch.Muz.Etn. №I/1554, л. 57). Чтобы увидеть мифологических персонажей вил, нужно было взять из могилы человеческие кости, сварить их в первую пятницу новолуния и затем разбросать (СД 1: 371).

Увидеть чертей можно было рядом с человеком, который с ними знает, – колдуном (или «профессионалом» – пастухом, мельником, печником и пр.): если смотреть на агонию колдуна через вынутый в бревне сучок, тогда можно увидеть, как черти потащат в ад его душу (яросл., РКЖБН: 226). В пермской быличке дети видели чертей, прислуживающих колдуну, в то время как взрослым они казались цыплятами (Шумов 1991: №253); чтобы не увидеть лешего, с которым знает пастух, подходя к стаду, необходимо было подать голос (Там же: № 304). Колдун и сам мог «показать чертей»: в печорской быличке крестьянин, желая посмотреть на чертей, обращается с просьбой к колдуну, у которого их много. Для этого они отправляются в баню, колдун шепчет заклинания, ворожит по чёрной книге, после чего крестьянин смотрит через левое плечо колдуна в озеро и видит бесов в виде разноцветных огней (Власова 1995: 357).

Наконец, способность видеть невидимое можно было получить и от самих представителей иного мира. В пермской быличке мужик-гармонист попадает на вечерку, где гуляет нечистая сила: «Играл им с полуночи, долго. Глядит, а они скачут, скачут, там у них блюдечко стоит с водой, вот водой-то этой глаза протирают, дальше скачут. Он тожо взял да протёр глаза-то. И сразу – батюшки! – парни, девки-то все хвостатые и с рогами, ноги конёвые» (Шумов 1991: №144). В одной из сказок, записанной от сказочника Ф.И. Господарева, «мужик играл хорошо на

гармошке, за то черти постоянно брали его на вечеринки. А кому именно он играет – не знал. Раз, когда гармонист кончил играть, выстроились плясуны в ряд, будто отдыхают, а сами подходят к тазу с водой и пальцами глаза мажут. „Давай же и я помажу!” – решил гармонист. Только помазал – показывается ему на вечеринке соседская дочка, а она уже года три как удавилась. Многих давно умерших увидел музыкант и чертей стал видеть. После приглашали его на разные свадьбы, гулянья – и везде он рядом с людьми чертей видел. Мужички подопьют, заспорят, а черти их под бока толкают – мол „поддай ему”. Как-то позвали музыканта на свадьбу. Приводят молодую, тут чертей набежало – полная изба. Музыкант не стерпел и говорит: „Довольно бы трёх вас, приятелей!” Черти удивились и спрашивают: „Как же ты видишь нас?” – „Да вот, был у вас на вечеринке, вы мазали глаза и я помазал левый глаз, с тех пор и вижу вас, нечистых”. Чёрт подбежал и вырвал глаз у гармониста: „Больше не увидишь”» (Сказки Господарева: № 61).

Видение «невидимого», как и любой другой контакт со сферой «чужого», несет определенную опасность как для представителей этого мира, так и для демонов, поэтому требует соблюдения специальных защитных ритуалов. Важным условием являлось молчание. Видевший мифологических персонажей человек не должен был под страхом наказания рассказывать о том, что он видел (СД 1: 371). Мифологический персонаж мог покарать человека слепотой или смертью, если замечал, что за ним смотрят. Русские верили, что если домовый увидит, как человек за ним подглядывает, сидя в конюшне и накрывшись броней зубьями на себя, то может устроить так, что лошади начнут бить по бороне копытами и могут до смерти забить любопытного (Максимов 1903: 34). У южных славян вилы наказывают человека, подсматривающего за их купанием, игрой, танцами (СД 1: 371). Белорусы верили, что если подсматривающий за предками во время поминальной трапезы моргнет, или просто один из покойников будет

недоволен трапезой, он может выплеснуть миску с горячим кушаньем в глаза наблюдателю и навсегда ослепить его (Никифоровский 1897: 296).

Таким образом, с одной стороны, человеком движет любопытство, желание узнать неизвестное, приоткрыть завесу тайны и взглянуть «хоть одним глазом» на то, что видеть невозможно, и может быть, получить при этом какие-либо сверхъестественные способности. С другой стороны, видение невидимого расценивается как опасное, негативное явление, предвещающее, или влекущее за собой тяжкие для человека последствия. Как особенно опасный воспринимался визуальный контакт с чертями, лешими и пр. демонами, в то время как попытки увидеть своих умерших предков трактовались не как праздное любопытство, а как проявление заботы об их посмертной доле, наряду с организацией для них поминальных трапез, поминками на кладбище, освещением пути на тот свет и другими действиями, призванными обеспечить мертвым в загробной жизни как можно лучшую участь.

3.3.3. Слепота.

Противоположным полюсом, противопоставленным зрению, является слепота – отсутствие зрения, которая, так же как и сверхзрение, связывается с потусторонним миром и смертью (о слепоте демонов и покойников речь шла выше).

Слепые люди воспринимаются как существа необычные, связанные с иным миром. Они часто почитаются как праведники, знахари, знающие с нечистой силой, полагают, что они наделены особыми способностями. Например, слепые от рождения люди могут находить в глухую полночь накануне Васильева дня «нечуй-траву» (Афанасьев 1996: 39). Слепыми знахарям приписывается особая сила, так как считается, что их зрение находится как бы в «ином» мире, нередко именно по этой причине слепые люди наделяются способностью видеть будущее, которое, по верованиям, до своего наступления находится в

ином мире (ср. с.-рус. *глаза смотрят внутрь* 'о слепом' (Кабакова 2012: 47)). Признаком слепоты наделялись инородцы, например, *чудь белоглазая* (см. 1 главу). Согласно легендам, представители некоторых народов рождались слепыми: евреи (пол.), поляки, русины (белорус., укр.) (Там же).

Слепота придавала субъекту зрения определенные свойства: слепота некоторых животных (крота, летучей мыши) становится основанием для использования этих животных, их частей тела или предметов, с ними связанных, в магии, причем цели и мотивировки использования слепоты могут быть различными. У русских сердце крота употреблялось в любовной магии. Девушка давала его съесть в хлебе парню, чтобы он полюбил ее так же слепо, как слеп крот (ср. *слепая любовь*) (Komorovský 1976: 36). Слепые животные использовались в качестве апотропея: их слепота делала невидимым и неподвластным сглазу охраняемый объект: например, македонцы зашивали крыло или голову летучей мыши в одежду, считается, что как летучая мышь днем не может ничего видеть, так и дурной глаз не сможет увидеть и сглазить человека, который носит подобный амулет (Тановић 1934: 32). На Русском Севере невесте перед отправлением к венцу кладут в башмак или в карман крота, чтобы по дороге в церковь на нее не могли напустить порчу (Зеленин 1914: 269). В Болгарии землю, вырытую кротом, зашивают маленькому ребенку в шапку, чтобы его не сглазили (Захариев 1918: 60). У сербов зад филина жена дает в какой-либо еде съесть мужу, чтобы он не имел над ней власти, не знал и не видел, что она делает (Ђорђевић 1958 II: 44). Если макнуть в брагу слепого кутенка и напоить мужчину – его жена будет гулять, а муж, как слепой, ничего не будет замечать (Христофорова 2010: 134). С одной стороны, слепых животных использовали в апотропеических целях, чтобы объект магического воздействия не видел и, таким образом, не мог сглазить. Лишение зрения было одним из способов обезвредить противника (о

символическом ослеплении см. ниже). С другой стороны, магические действия были призваны сделать объект воздействия слепым, чтобы лишить его знания, информации (в примере с мужем). В этом случае «слепота» выступает в переносном значении, либо как отсутствие знания, неведение, либо как попустительство (ср. рус. фразеологизмы *закрывать глаза на что-либо, смотреть сквозь пальцы на что-либо*). С третьей, включалась «этимологическая» магия: слепота животного должна была вызвать у объекта магического воздействия слепую любовь, то есть любовь, при которой влюбленный не видит недостатков предмета своего обожания.

Наказание слепотой. Слепота выступает в качестве типичного божественного наказания, она обычно ниспосылается Богом и святыми за нарушение запретов и предписаний. В этиологических легендах слепота некоторых животных объясняется божьей карой за какую-либо провинность, нарушение запретов: например, согласно белорусской легенде, крот первым стал портить райские насаждения, за что был изгнан Богом в нору и глаза его стали постепенно уменьшаться (Никифоровский 1897: 187). «Крота Бог ослепил за то, что он копал землю на Благовещение» (Даль 1: 91). Слепотой могут поражать человека некоторые мифологические персонажи (в том числе и хтонические животные). Чаще всего наводят слепоту на человека персонажи загробного мира, как бы вовлекая человека в свою сферу, приобщая его к иному миру, лишая его одного из основных признаков жизни, зрения: наводят слепоту румынские русалии (русалиле) (Виноградова 2000: 207). Поляки верили, что жаба может плюнуть человеку в глаза, и он от этого ослепнет (Gustawicz 1881: 160). Ср. рус. костр. *жабьи плевки*, волог. *жабоплéвина* 'катаракта' (Березович 2007: 317, 319). Если раздражить ласку преследованием или отнять у нее детенышей, она плюнет в глаза своему обидчику и он от этого ослепнет

(Там же: 148)¹⁷. Слепота, лишение зрения оказывается страшным наказанием не только в обыденном понимании, но и в мифологическом смысле, так как слепота, ассоциируясь с тем светом, символически может обозначать смерть, вовлечение в сферу иного мира (см. выше проклятия, связанные со слепотой). Ослепление субъекта зрения становится равнозначным убиению, уничтожению, лишению жизненной силы.

Символическое ослепление. Часто именно «символическое ослепление» применяется в магии, чтобы обезвредить противника, лишить его силы. Символическое ослепление – не причинение противнику реальной слепоты, а введение его в некое состояние, при котором определенные вещи становятся недоступными его зрению. Умение манипулировать зрением (*запирать зрение, отводить глаза*) часто приписывается колдунам, людям, наделенным сверхъестественными способностями. Это представление развито на Русском Севере: «на Терском берегу Белого моря жители еще недавно вспоминали о пастухах-поморах, «сильных колдунах», которые сумели «закрыть» их скот, сделать его невидимым для людей» (Цивьян 2000: 186). Однако и обыкновенный человек мог «запереть зрение» предполагаемого противника при помощи заговоров и специальных магических приемов.

Символическое ослепление практиковалось для защиты от демонических сил: в северо-западной Сербии (в Мачве) при приближении градовой тучи пепел из очага, на котором пекли рождественский сакральный пирог, рассеивали вокруг дома, чтобы гонящие тучу злые силы (дьяволы, «ветрогони», нечестивые, души умерших) временно ослепли от попавшего в глаза пепла и обошли село,

¹⁷ Мотив плевания в глаза часто встречается в поверьях славян. Например, в глаза плюет болгарская баба Марта, наказывая тех, кто спит в день ее памяти.

в соответствующих отгонных формулах содержится угроза выжечь им глаза пеплом (Толстой, Толстая 1981: 83). Болгары в Сакаре в канун дня св. Георгия втыкали в посеы ветки и колючки боярышника, «да им бучка на мамнице в очите, да не мож да видят» [чтобы воткнуть их в глаза ведьмам (отбирающим урожай), чтобы они не видели] (Сакар 2002: 358).

Символическое ослепление активно применялось в хозяйственной магии с целью защитить скот или посеы от угрожающих им опасностей (волка, коршуна, воробьев, мышей и др.). Подобного рода магия часто носит имитативный характер: например, у южных славян в дни разгула волков («волчьи дни») закрываются различными способами (залепляются, замазываются, зашиваются и т.п.) всевозможные отверстия, что, по принципу подобия, должно спровоцировать замыкание глаз (или пасти) противника¹⁸. Например, в качестве оберега от волка практикуется *зачесывание, закрывание, зашивание, залатывание* глаз и пасти (Георгиева 1983: 49). В Витебской губернии на Рождество воробьев называют *слепцами* (Никифоровский 1897: 228). В Киевской области записан заговор от воробьев: «Гаю мой, гаю, птаство у тебе маю, дзюби затинаю, а *очи заслепляю*. Дай Бог помоч» (ПА, Копачи Чернобыльский р-н Киев. обл.). В Вятской губернии считают: если опрокинуть горшок, вороны не смогут увидеть цыплят и причинить им вред (Зеленин 1914: 420).

Иногда магические действия, направленные на «ослепление» противника, предписывается совершать в темноте (что также должно способствовать слепоте противника), здесь имеет место функциональная синонимия понятий «слепота» и «темнота», когда и то и другое в конечном итоге имеет единую цель, чтобы противник не увидел

¹⁸ Принцип построения данных предписаний напоминает запреты, связанные с опасением ослепить предков, только с противоположным знаком: действие выполняется нарочно, чтобы вызвать слепоту у объекта магического воздействия.

охраняемый объект. Македонцы Охрида совершают обряды от волков глубокой ночью, чтобы волк был слеп и не видел овец (Спространов 1900: 31; цит. по: Гура 1997: 147) . «Многие магические приемы защиты от воробьев используют мотив слепоты, ночной темноты, сокрытия, забвения, тишины, молчания и т.п., рассчитанные на то, чтобы воробьи не видели, не заметили посевов, не слышали и не знали о них» (Гура 1997: 592).

Еще одна стратегия, которая способствует лишению противника зрения, это выполнение перечисленных выше обрядовых действий с закрытыми глазами (не глядя). Слепота выполняющего обряд должна сообщиться противнику: сеятель завязывает себе глаза, говоря при этом: «Как я не вижу белого света, так пусть птицы не видят моих семян» (поверье севернорусского населения Забайкалья) (Зеленин 1991: 58). В Македонии женщины зашивают одежду, закрыв глаза и произнося заклинания: «Завезомо, закрпимо уста да не зева, *закрпимо очи да не гледа*»... «*Зачешља му очи да не гледа!* Нека иде где је гора, где се вода раздваја и где нема куће» [Завяжем, зашьем рот, чтобы не зевал, зашьем глаза, чтобы не смотрел. Зачесывает ему глаза, чтобы не смотрел! Пусть идет, где гора (или лес), где вода раздваивается и где нет дома] (Раичевић 1935: 55). На границе Брестской и Волынской обл. во время ужина (коляды) с кутьей все члены семьи закрывают глаза, а кто-нибудь стучит ложкой по лбу одного из сидящих, обычно детей, который должен угадать, кто его ударил. Это делается, «абы ячмэня ў лити воробухы нэ об'їидалы» (ПЭС: 76). Македонцы в районе Кривой Поланки в канун «волчьих дней» хозяин или хозяйка с закрытыми глазами и ртом сучит конопляную веревку руками, заложенными за спину с приговором: «Уста да му се затворе, очи да му се затворе, ноге да му се смрзну» [Пусть у него (волка) закроется пасть, пусть закроются глаза, смерзнутся ноги] (Раичевић 1935: 55). Болгары с закрытыми

глазами замазывают свежим навозом или грязью дверь или дымоход, чтобы замазать волчьи глаза и пасть, замазывают глиной дымоход, чтобы замазать глаза волку (Пирински край 1980: 452).

У поляков пастухи трижды обходят вокруг стада, останавливаются, а главный пастух, глядя на скот, говорит: «Спаси, Боже, наше стадо и каждую скотинку от всякого гада бегающего и от злого зверя», после этого все отворачиваются от стада и смотрят в открытое поле, крича, как будто отпугивая волков, а один из пастухов громко щелкает бичом, тогда главный пастух кричит: «Соль бросаю в глаза» (диким зверям, волкам). В тот момент, когда раздается крик пастуха, один из его помощников бросает перед собой горсть соли в открытое поле (Moszyński 1967: 289).

Часто обрядовые действия следовало выполнять тайком: как противник не видит и не знает о них, так бы он не видел и не знал об оберегаемом объекте: например, поляки или белорусы Виленской губернии топят печь до зари, чтобы воробьи не видали дыма и, соответственно, не клевали зерна (Szukiewicz 1903: 278). Совершение ритуала тайком (чтобы никто не видел) – частое условие, которое было призвано подчеркнуть его сакральность: например, в Калишском воев. Польши для выведения крыс хозяин и хозяйка после полуночи на всех дверях дома делают надпись освященным мелом, причем так, чтобы их никто не видел и чтобы они сами, предварительно условившись, не встретились друг с другом во время этого занятия (Kolberg DW 46: 492). Иногда это мотивировалось опасением сглаза, что повлекло бы за собой неуспех ритуала.

Ослепление фигурирует в качестве одного из мотивов в заговорах. В заговорах от детской бессонницы встречаются формулы-угрозы в адрес болезни: «Золотым ножом *глаза выколю*». «Горска мајко, горска вештице, горска мама подуро, досте си моју децу пудила. Ја имам златне ножеве – очи ћу ти извадим, зубе ћу ти поломим, сад се ти плаши од мене и моје деце...» (Зечевић 1981: 19). «Święty Mikołaju, weź kluczyki z

raju! Zamknij psa wściekłego i wilka leśnego, *niech nie patrzy* na te owce, co ja pasę» [Святой Николай, возьми райские ключи! Закрой бешеного пса и лесного волка, пусть не смотрит на овец, которых я пасу] (Kotula 1976: 93).

Мотив ослепления часто выражен в форме ритуальных диалогов в лечебной магии. Например, детскую бессонницу грозят «сжечь в печи», «запарить глаза кипятком» (Виноградова 2000: 313). В Полесье две женщины разыгрывали следующий диалог: одна женщина льет кипяток, а другая спрашивает: «Што вы робытэ?» Льющая кипяток отвечает: «Ночницы парим!» Первая говорит: «Парь, парь да *очи запарь!*» (ПЭС: 147). Ритуальные диалоги характерны и для болгарских оберегов от мышей: в «волчьи праздники» женщины зашивают себе подол красной ниткой спереди и сзади, а дети спрашивают: «Какво шиеш, бабо?». Она отвечает: «*Шия на мишките очите!*» (Попов 1993: 76). В Карловском р-не Болгарии женщина засовывает головешку в мышиную нору. Её спрашивают: «Кво мучиш, бабо?» [Что втыкаешь, баба?] – «Муша на мишките дупките, *да им изгора очите* да не ядат» [Втыкаю в норы мышам, чтобы у них сгорели глаза, и они ничего не ели] (Гура 1997: 411).

Анализ магических действий, направленных на ослепление противника, показывает, что для данной цели используются различные стратегии: выполнение ритуальных действий с закрытыми глазами, в темноте, в тайне. Здесь реализуется ментальное значение предиката *не видеть* 'не знать'. Символическое «ослепление» делает субъекта зрения неспособным увидеть охраняемый объект, узнать о его существовании и, следовательно, причинить ему вред. При этом воздействие на субъект зрения носит различный характер: от непосредственного воздействия на глаза (замазывание, зашивание, выкалывание и пр.), до имитации его состояния – слепоты (закрытые глаза) и внешней темноты (невидимости и неизвестности одновременно).

3.3.4. Объект.

Согласно архаическим представлениям, нашедшим отражение в обрядах и верованиях славян и подтверждаемым христианской традицией, помимо видимого, телесного мира, постигаемого человеческим зрением, существует мир невидимый для обычных людей. Соответственно, объекты зрения делятся на «видимые» и «невидимые» с точки зрения человека. Если к видимым объектам относятся все реалии этого мира, то к невидимым – реалии, связанные с потусторонним миром: мифологические персонажи в широком смысле слова («нечистая, неведомая и крестная сила»); скрытые клады, объекты, находящиеся в другом временном и пространственном плане (будущее, прошлое, отдаленные в пространственном отношении объекты); невидимые свойства видимых объектов (например, нужно прилагать дополнительные усилия, чтобы опознать ведьму среди соседок, или демоническое существо, принявшее антропоморфный или зооморфный облик).

Подобно тому, как слепота характеризует тот свет с точки зрения субъекта, невидимость, становится признаком объектов, принадлежащих миру темноты и смерти. Сама смерть выступает в загадке *невидимкой*: «Печь день и ночь печет, а невидимка дошлую ковригу выхватывает» («Смерть»). В проклятиях южных славян пожелание смерти могло выражаться как через пожелание слепоты, так и через пожелание невидимости. Адресату проклятия желают, чтобы его не видели: Бог и все люди: «Бог те не видео!» [Чтобы тебя Бог не видел] (Марковић 2000: 21). «Ако те Бог није видео како треба, ни људи те не видели!» [Если Бог тебя не видел как подобает, то и люди чтоб тебя не видели] (Там же: 17). Проклинаемого не должна видеть его родная мать: «Да та не види хубавата майкя» [Чтобы тебя твоя хорошая мать не увидела] (Дабева 1934: 51), в конце концов, он и сам не должен себя видеть.

Проклинающий желает самому себе не видеть адресата проклятия, хочет, чтобы он исчез с его глаз: «Богалю богалести не видео те више!» [Урод уродский, чтобы я больше тебя не видел!] (Марковић 2000: 22). Причем такая формула часто приравнивается к пожеланию, чтобы адресата проклятия не существовало на свете (чтобы он умер), *не било те више*: «Божји слепче не било те!» [Божий слепец, чтобы тебя не было!] (Там же: 22). «Да се витоса, да не види (ща човѣкъ, когото не искаме да видимъ)» [Чтобы ты свился, чтобы тебя не было видно (исчез из поля моего зрения)] (Дабева 1934: 10). «Дано та нищу нѣ виги» [Чтобы тебя ничто не увидело!] (Там же: 8). В ряде текстов адресату желают, чтобы его не видели небесные светила (солнце и луна): «Да го не види ни слънце, ни месечина» [Пусть его не видит ни солнце, ни луна] (Там же: 4). Таким образом, слепота и невидимость могут находиться в отношении прагматической синонимии, и в каждом конкретном случае выбор того или другого элемента обусловлен точкой зрения – субъекта (слепота) или объекта (невидимость). И слепота, и невидимость в данном контексте метафорически обозначают пожелание смерти адресату проклятия.

«Невидимые» объекты разнообразны по своей сути. Одни вообще не имеют облика (их в принципе невозможно увидеть) – например, это мифологические персонажи, проявляющиеся звуками, тенью, ветром, о существовании которых можно судить лишь по оставляемым ими следам. Согласно некоторым представлениям, невидимой является душа: «душу не можно побачити, йийи можно тильки почути» (ПА, Глинное Рокитнов. р-на Ровен. обл.); «Душа – вона невидима, але слышна. Говорять: выходила душа и ишла по хате и шлеп гдэсь в углу. Сорок ден душа так ходить» (ПА, Задворяны Пружан. р-на Брест. обл.). «...Гимназист Черович из Требиня видел, как женщина плакала над одеждой своего мужа. На его вопрос, что она делает, женщина ответила: «Ох, сынок, *мы не видим*, а здесь, возле этих одежд вьется душа моего

покойного Ильи» (Толстая 2000: 83). Обычно невидим, а если показывается, то принимает антропоморфный облик восточнославянский домовый. «...Домовик е, он такой, заплетает лошадям гривы, особенно ў конюшни работает ночью. Его никто не ловиў, *его не бачут*» (ПА, Журба Овруч. р-на Житомир. обл.). Украинцы представляют мару, как невидимый дух, ее также отождествляют с чертом (Moszyński 1967: 100). «Смулянка ходыла ў жыти, мы боялися. Молодые деўки умирали. *Ее никто не бачыць, ту смулянку*» (Виноградова 2000: 364). Невидимыми представляются демоны, которые появляются при рождении ребенка и определяют его судьбу, в меньшей степени – демоны болезней и смерти, демоны, кружащиеся в вихре и др. (Moszyński 1967: 605). Если от союза деревенской женщины и лешего рождались дети, они сразу исчезали, их никто не мог видеть (Виноградова 2000: 319).

Можно предположить, что визуальная граница между тем и этим светом представляется более «непроницаемой», чем звуковая, осязательная, обонятельная. Невидимых демонов можно распознать по звуковым проявлениям (голосу, свисту, скрипу, стуку, шуму, музыке), неприятному запаху (например, неприятный запах исходит от волос южнославянских вил), внезапно появившейся тяжести на повозке или на теле человека (в.-слав. леший, домовый), незримый домовый трогает человека волосатой рукой (с.-рус.).

Чаще всего «невидимость» мифологических персонажей относится только к внешнему облику и не распространяется на другие видимые знаки их присутствия (Плотникова 2002: 130). Так, невидимых мифологических персонажей можно опознать по сопровождающим их появлению погодным явлениям (грому, граду, ветру), имеющимся у них атрибутам (например, свечам): Жительница полесского села Тхорин (ПА, Овруч. р-на Житомир. обл.) рассказывала, что однажды она видела процессию душ, шествовавших с кладбища в село с зажженными свечами, по которым и можно было их распознать, так как сами души были

невидимы (Толстая 2000: 89). О присутствии демонического существа можно судить по его видимым действиям, а также оставляемым им следам. Например, останки невидимого вампира можно увидеть после его смерти в виде мокрого места, лужи крови, студенистой жидкости или косточке из его колена (Плотникова 2002: 130). Невидимые персонажи могут творить бесчинства, рассыпая и разбрасывая предметы (пол. спиш. oślady), наваливаясь и душа человека (в.-слав. домовой, ю.-слав. вампир), а также помогать по хозяйству: запрягать волов, просеивать муку и пр. (Вражиновски 1995: 117).

Другие объекты могут быть видимы, но увидеть их очень сложно, потому что они скрыты от зрения человека. Это, как правило, сакральные или мифические животные, растения, предметы и явления природы: например, уж с золотыми рожками, цветок папоротника, игра солнца на великие праздники и пр.

Третьи, как правило, невидимы, но могут визуализироваться в определенном облике. Например, покойников можно увидеть в их прижизненном образе, смерть является в виде женщины в белом и т.п. Согласно некоторым представлениям, душа может показываться в облике насекомого, птицы или мыши: так она покидает тело человека во время сна или в момент смерти – разлучения души с телом (Толстая 2000: 71-72). Невидимость души, по мнению А.К. Байбурина, свидетельствует о ее «иноприродности», принадлежности тому миру (Байбурин 1993: 205). Черт невидим, но может показываться в облике человека: «*Черта никто не видел. Говорят, что черт с рогами, делается человеком...*» (Мифологические рассказы 1996: № 250). По утверждению К. Мошиньского, вообще все известные славянам демоны могут становиться невидимыми, либо показываться человеческому глазу в том или ином облике в зависимости от своего желания или от других обстоятельств, в том числе и от воли человека (Moszyński 1967: 605).

Четвертые объекты обладают «визуальной вариативностью»: могут

менять свой облик, внезапно появляться («показываться») и исчезать. Эта черта приписывается многим мифологическим персонажам (леший, русалка, черт). По данным Л.Н. Виноградской, способность становиться невидимыми присуща русалке, богинке, самоде и виле (Виноградова 2000: 34). «Нулевоморфная ипостась», или способность внезапно исчезать и появляться, менять свой облик может считаться одним из основных признаков принадлежности существа к миру демонов (Плотникова 2002).

Пятые чаще всего видимы, но способны морочить человека, являясь в чужом обличье (например, способностью оборачиваться обладает ведьма). Задача состоит в том, чтобы распознать их, постичь их истинную сущность, что само собой является уже способом защиты от их вредоносного воздействия.

Наконец, к сфере невидимого в широком смысле можно отнести все неизвестное, неведомое. Это судьба (скрытое от человека будущее), неизвестное прошлое, происходящие на расстоянии события – все это становилось предметом гадания: в визуальных гаданиях мог человек увидеть свое будущее; женщина могла узнать, жив ли ее муж, ушедший на войну; можно было определить, кто навел порчу, найти потерянные или украденные предметы и узнать, кто является вором.

При этом невидимыми объекты являются условно, то есть они невидимы для простого человека в обычных обстоятельствах. Их можно увидеть (непреднамеренно или намеренно), но для этого нужно соблюсти особые условия (оказаться в определенном месте в определенное время), выполнить специальные ритуальные действия, о которых речь шла выше.

Невидимость мифологических персонажей, с одной стороны, представляет опасность для человека, потому что, сам того не ведая, он может причинить вред невидимому демону и поплатиться за это. У южных славян подробно разработан комплекс предосторожностей,

которые следует соблюдать, чтобы не натолкнуться на невидимых предков или других мифологических персонажей – *андр* (*андришит*), вил (Толстой 1995: 194-195).

С другой стороны, невидимость мифологических персонажей для простых смертных расценивается как благо, потому что, увидев демонов в их истинном обличье, человек может сойти с ума или умереть от страха (Новичкова 1995: 47). Без тяжких последствий для здоровья видеть невидимое могут люди с особыми способностями: у восточных славян – колдуны, ведьмы, пастухи и другие «специалисты», которые «знаются» с нечистой силой. В Верхокамье полагали, что если человек желал стать колдуном и читал с этими целями «черную книгу», но не дочитал ее до конца (то есть видел бесов, но не перешел в разряд колдунов), он сходил с ума (Христофорова 2010: 77).

Невидимость иного мира воспринималась как норма (А.К. Байбурин говорит о «презумпции невидимости того мира» – Байбурин 1993: 205), а размыкание границы между видимым и невидимым, когда невидимое становилось видимым (или же видимое оказывалось невидимым), оценивалось негативно. Визуализация невидимого (особенно не зависящая от воли человека и потому не сопровождаемая защитными ритуалами) свидетельствовала о близкой опасности, и часто так или иначе связывалась со смертью (см. об этом также с. 105-106, 148, 169).

Магическая невидимость. В некоторых случаях, наоборот, видимые объекты могли делаться невидимыми. Обстоятельства, при которых человек или другой объект (например, скотина) делался невидимым, во многом совпадают с обстоятельствами, при которых субъект наделялся сверхзрением. Невидимость выступала в качестве признака включенности объекта в мифологическое пространство, аналогично как для субъекта – способность видеть невидимое. Причиной того, что объект становился невидимым, могло быть проклятие,

вредоносные чары колдуна, взаимодействие с мифологическим персонажем («водит» леший). Часто эти факторы были взаимосвязаны: если родители проклинали ребенка, его подхватывал леший (*шишкí*), и он становился невидимым для людей (сев.-рус.). «Для отца моего *в тот же час, как он выговорил проклятья, я стал невидим*» (Новичкова 1995: 314). «Видели его [проклятого] в половенной яме, *токо начнут подходить, а его и нет*» (Мифологические рассказы 1996: №55). «Она говорит, Машка эта, открывали сундук любой [проклятая девочка и леший, который ее водил], брали, что нужно, поедят, где хотят, *а люди не видят*. Соседи говорят: „Ваша Машка скатерку трясла“. А родители не видели» (Там же: №59). Причиной попадания в мифологическое пространство и, как следствие, невидимости может быть нарушение запрета (например, запрета кричать или ругаться в лесу): «Говорят, парнишка однажды гейнул, и шишки его подхватили. Его и по елкам водили, и везде. И на елках кладут спать, и яблоками кормят. *И парнишки не увидишь*. А потом *поставили кресты и его увидели*. Шишки и отпустили его» (Мифологические рассказы 1996: №51). Иногда невидимость проклятого может сопровождаться его слепотой (невидимость и слепота, как говорилось выше, часто выступают параллельно), или искаженным зрением (подробнее см. в разделе 3.4). Слепота может замещаться немотой (которая также является признаком «иноного» мира): «Женщина однажды шесть дней в лесу находилась. Слышала, когда искали, самолеты видела, людей, а голос потеряла, ответа дать не может» (Мифологические рассказы 1996: №218).

При манипуляциях со зрением человека основная роль отводится субъекту-посреднику, который наделен особой силой делать объекты видимыми и невидимыми. Например, на Русском Севере до сих пор сохранились представления о том, что колдун может «закрыть» скот или человека, способностью «закрывать» скот от лешего обладали профессионалы. Пастух получал это умение благодаря доровору с

лешим: «Это особые умения, роднящие магических специалистов с нечистой силой. Если человек или скот *закрываются*, то это значит, что его не видят те, кто его ищет. Так же, когда пастух заключит договор с лешим, медведь или волк пасется в стаде коров, не видя их» (Мороз 2013: 17). В экспедиции в Слободской р-н Кировской обл. в 1998 г. информанты рассказывали о местной колдунье (женщине, которая «толсто знает»), живущей в заброшенной деревне посреди леса; ее скот пасется в лесу, а волки и медведи его не видят и не трогают, потому что она заключила договор с лешим.

Невидимость выступает как признак принадлежности к иному миру и по этой причине несет в себе угрозу, особенно в случае, когда она оказывается непреднамеренной. Иногда человек сам, выполнив какие-то действия в недобрый час, может сделать реалии этого мира невидимыми: «Лошадь поведут в поле, оброть снимешь с лошади, не имей привычки лошадь обротью стегнуть. У нас лично было. Он покатался, мерин-то, по земле, сняла оброть и им бить. *Мерин и исчез*. Ходит, люди его видят, а он не дается. Говорят: „Вон ваш мерин!“, а *мы и не видим*. Говорят, ударили его не в час. Баба Феня (колдунья) говорит: „Хлебца положь под куст, там ваш мерин и ходит“. Пришел» (Мифологические рассказы 1996: №68). Невидимость объектов этого мира могла насыщаться «знаткими людьми», например, как наказание за невыполненное обещание: «Робил он у одного, а тот ему не заплатил, че ли. Дак он так сделал, что тот мужик, хозяин, *лошадь свою не видит*, а остальные видят все. Или еще с одним хозяином разругался, и тот *теленка своего перестал видеть*. Люди видят, а он нет» (Шумов 1991: №228). Она также могла быть результатом воздействия мифологического персонажа: «Домовой, хозяин есть такой. Он не показывается, никто его не видит. Братец у меня зашел, а его водит по двору и не найти ему никак двери. Заводил его во весь двор, *водит просто его по двору, сам его не видит*. Отец открыл ворота, постучал три раза, он и вошел» (Мифологические

рассказы 1996: №76).

С другой стороны, невидимость дает объекту гарантии безопасности (если его не видно, ему нельзя причинить вред, например, его нельзя сглазить), а также может давать и определенные преимущества – будучи невидимым, можно с бóльшим успехом добиться поставленной цели. Именно эти причины побуждали человека искать способы сделаться невидимым самому или сделать невидимым (скрыть от посторонних глаз) тот или иной объект.

В магической практике особое внимание уделяется способам сделаться невидимым (например, у охотников, воров и т.п.)¹⁹, а также скрыть определенные объекты от нежелательного воздействия взгляда враждебного субъекта. Это актуально, например, для апотропеических действий, направленных на защиту скота и домашней птицы от диких животных (данное действие изофункционально действию «ослепление противника», о котором речь шла выше). Идея «невидимости», обособленной от персонажа-носителя и способной передаваться от мифологического персонажа к человеку или, далее, от человека к человеку, отразилась в представлении о существовании чудесного предмета – шапки-невидимки: согласно поверьям, шапкой-невидимкой пользовались западнославянские краснолюдки (гномы), относящиеся к группе домашних демонов, домовым приписывают обладание шапкой русские, украинцы говорят о шапке-невидимке по отношению к чертям (Moszyński 1967: 605). Крестьяне Олонецкой губернии полагали, что шапка-невидимка есть у банного хозяина (банника), возможность получить от него эту шапку предоставляется человеку один раз в году (Власова 1998: 34).

¹⁹ Способам стать невидимым типологически близки способы сделаться недостижимым для обоняния животных. «Нужно подкараулить ящерицу в тот момент, когда она ест травку. Выхватив у нее эту травку, можно идти с ней ночью в любой двор. Ни одна собака не почует тебя и не залает, если держать эту травку в руке, крепко зажав ее пальцами» (Гура 1997: 367).

В традиционной славянской культуре существует множество «рецептов» обретения способности быть невидимым, они очень разнообразны, но их объединяет сложность и трудная выполнимость действий, которые в них входят. Невидимость, обретенная человеком самостоятельно при помощи магических способов, не представляется опасной (в этом случае человек сам регулирует отношения с иным миром).

Некоторые действия, направленные на обретение невидимости, прямо дублируют ритуалы, выполняемые для обретения сверхзрения. Например, довольно часто используются растения, пророщенные через голову убитой змеи (или другого хтонического животного). На Карпатах убивали змею на Благовещение, затем на Пасху брали ее голову, клали в нее зубец чеснока и закапывали в огороде. На Ивана Купалу утром нужно было нагишом сорвать одно перышко проросшего чеснока и носить его на голове, под шапкой, чтобы быть невидимым (Толстая 1998а: 14). В Ивано-Франковской обл. полагали, что для достижения невидимости нужно было вырастить горох из головы убитой ящерицы, если держать во рту стручок такого гороха – будешь невидимым для окружающих (Gustawicz 1881: 133). Чехи проращивали волшебный стручок, дававший невидимость, из вложенной в правую глазницу сожженного змеиного черепа горошины (Новичкова 1995: 191).

В некоторых рецептах обретения невидимости основная роль отводится черному цвету, который (как и темнота) символически может обозначать невидимость: в Польше варили живьем черного кота, чтобы добыть кость, которая способна сделать человека невидимым (Гура 1997: 105). Черную кошку варили и на Русском Севере: «Про невидимку еще говорили, *надо черную кошку сварить*, и разобрать по косточкам, съесть в бане, кости в зубы брать да в зеркало смотреть: как себя не увидишь, так и есть невидимка» (Мифологические рассказы 1996: №380).

Иногда невидимость могут дать чудесные предметы, которые сами

являются невидимыми и по этой причине поиск их весьма затруднен (как их не видно, так и человека, обладающего ими, будет не видно). Белорусы Гродненской губ. верили, что невидимость можно обрести, найдя яйцо невидимой птицы: *«невидимая птица невідзімка, яйцо которой делает невидимым того, кому удастся взять его в руку»* (Federowski 1: 180). Это мог быть камень из гнезда ворона или орла (Гура 1997: 51). На этом же принципе основан часто встречающийся в мифологических рассказах и поверьях восточных и западных славян мотив поиска цветка папоротника: *«Как цветка этого никто не видывал, так и ты невидимым будешь»* (Мифологические рассказы 1987: №172). «На Иван-день ходили искать цветок-невидимку. В двенадцать часов ходят. Один мужчина на репище сорвал, да никак ему домой не добраться было, то на лес, то на репу ему указывало. Это его бес гнал... В двенадцать часов цветок этот расцветает, папоротник, видимо. Да не всем он покажется. *Как принесешь цветок – невидимым станешь»* (Мифологические рассказы 1996: №380). Показательно, что иногда наряду с невидимостью папоротник дает человеку, который его находит, и сверхзнания: *«Один мужчина пахал на быках в поле и потерял их. День ищет, два ищет – не может найти. На третий день цветок папоротника попал ему за голяшку. И мужик узнал от него, где быки. Он взял быков и вытряс из сапога папоротник, и сразу не стал знать все»* (Мифологические рассказы 1987: №173). Данный факт подтверждает гипотезу о том, что человек, становясь невидимым, уподобляется мифологическому персонажу, и тем самым попадает в сферу влияния иного мира, где начинают действовать другие законы, нежели в этом мире. В конечном итоге, невидимость, слепота / темнота, с одной стороны, и сверхзрение (сверхзнание) – с другой – противопоставляются видимости, зрячести / свету, как признакам этого мира²⁰. Комбинации

²⁰ Ср. в древнемонгольской легенде XIII в. одноглазый демонический персонаж Дува-Сохор одновременно наделен «сверхзоркостью» и имеет прозвище «слепой» (Неклюдов 2014: 136).

данных признаков могут быть различными, но неизменным остается наличие базовой оппозиции, уходящей корнями в архаические пласты мировоззрения славян.

Многочисленные параллели между слепотой и невидимостью, как на вербальном (лексическом) уровне, так и на уровне акциональном (магические действия), выявляют архаические представления о «мифологической» слепоте, включающей в себя не только слепоту в общепринятом понимании, но и невидимость. По справедливому утверждению С.Ю. Неклюдова, «в мифологической слепоте содержится идея обоюдности: это некое качество, в равной мере присущее и субъекту, и объекту коммуникации, „видящему” и „видимому”, точнее „невидящему” и „невидимому”; позиции воспринимающего и воспринимаемого суммируются: „слепой” – не только невидящий, но и невидимый» (Неклюдов 2014: 137). Исследователь указывает также на психологическую подоплеку данного феномена и сравнивает его с инфантильным поведением: маленький ребенок, желая спрятаться (сделаться невидимым), закрывает глаза (делает себя слепым). «Выключая» зрительный канал, субъект делается одновременно и слепым, и невидимым (Там же: 138).

3.4. Обман зрения в языке и народной культуре.

Еще одной характерной способностью мифологических персонажей (кроме способности делать объекты видимыми и невидимыми) является умение манипулировать зрением человека, наводить морок, показывать одно вместо другого. Состояние, в которое в результате этих манипуляций попадает человек, можно условно назвать «обманом зрения». Обман зрения – частный случай обмана в целом, однако чаще всего при обмане задействован именно зрительный канал восприятия, кроме того, глаголы со значением обманчивого зрительного восприятия используются для описания измененного состояния

сознания, в котором оказывается «обманутый» субъект восприятия.

В русском литературном языке и диалектах среди глаголов восприятия выделяется особая группа, объединенная значением ‘казаться, мерещиться’. Эта лексика так или иначе описывает состояние человека, получающего извне нечеткую, неопределенную или обманчивую, ложную информацию. Канал получения информации может быть разным: зрительным, слуховым, обонятельным, осязательным, вкусовым. Однако наиболее важными являются обманчивые слуховое и зрительное восприятия, которые описываются в русском языке специальными глаголами (*послышалось, привиделось*), в то время как восприятие с помощью остальных трех чувств не имеет собственного обозначения (**понюхалось, *осязалось* и др.), и к ним применяется универсальный глагол *казаться*: ему *показалось*, что его коснулась чья-то рука (осязание); ему *показалось*, что запахло горелым (обоняние); ему *показалось*, что вода была горькой (вкус). Характерно, что **kazati (sę)* изначально относился к «зрительным» глаголам, имел значение ‘показывать, делать знак’ (ЭССЯ 9: 169) и лишь позднее приобрел иные значения: речевое ‘сказать’ и ментальное ‘казаться’, ‘думать, представляться’. К глаголам «слухового обмана» в литературном и диалектном языке относятся: *послышаться (прислышаться), почуваться (почуяться, почувиться, причутиться), гластиться, гластиться* (от **golsъ* ‘голос’). «*Почулилось* мне, колокольцы рассыпались» (архангел., СРНГ 31: 20); «Мне *почуялось*, что кто-то пришел» (волог., СРНГ 31: 22); «Че-то че-то мне горькой *почулось*, наяву горькой почудилось» (перм.); «Да че-нибудь *почулось*» (архангел., СРНГ 31: 21); «Что, али мне *причутилось*» (яросл., СРНГ 32: 64); «Что-то мне-то, бедной сироте, *Причудилось* да *прислышалось*» (смол., СРНГ 32: 64); «Мне *прислышалось* что» (новг., СРНГ 31: 390). В ряде случаев слуховой и зрительный канал восприятия смешиваются, что обусловлено эфемерностью и обманчивостью подобного восприятия, при этом глаголы могут либо

иметь оба значения – ‘видеться’ и ‘слышаться’, например, *казаться* (ср. *показать* и *сказать*), *глумиться* ‘плохо слышать’ (олон., СРНГ 6: 211), ‘чудиться, казаться, слышаться’ (ЭССЯ 6: 149); либо глаголы со значением ‘слышаться’ употребляются при описании визуального восприятия и наоборот: «*Приблизилось* мне ночью, что кто-то к нам стучит в окно» (смол., СРНГ 31: 115); «Мне *почулось*» в значении ‘почудилось’ (СРНГ 31: 21). Вторая причина подобного смешения заключается в том, что в конечном итоге речь идет о ментальном восприятии, поэтому канал, по которому информация поступает к объекту, может не акцентироваться.

Глаголы со значением ‘казаться, представляться, мерещиться’ чаще всего употребляются в безличных конструкциях (*показалось, померещилось, почудилось*), например: мне *кажется*, что он идет; ей *померещилось*, что кто-то ходит; никого не было, ему только *почудилось*²¹.

В русском литературном языке глагол *казаться* часто выступает в значении ‘думать, полагать’ (*мне кажется, что я его уже видел* = ‘я думаю, что я его уже видел’), перейдя из разряда «зрительных» в сферу «ментальных» глаголов мнения. Однако семантика «зрительного обмана» в данном глаголе также сохраняется: в современном русском языке он выступает в двух значениях – «зрительном» и «ментальном». Это хорошо иллюстрирует шутливый ответ на фразу «Мне кажется...»: «Когда кажется – креститься надо!» Языковая игра в данном случае основана на возможности двойственного понимания глагола *казаться*: он словно бы возвращается из сферы «ментальных» глаголов в категорию «зрительных», причем подчеркивается мифологический аспект «обмана зрения», восходящий к архаическим, традиционным

²¹ Если у глагола *казаться* появляется субъект, то значение его в литературном языке меняется, например: он *казался* выше своего роста (‘выглядел’), он наконец-то *показался* ‘он появился, и его увидели’.

представлениям о мире и моделям восприятия. Если человеку нечто *кажется* (если он видит что-то необычное, не поддающееся осмыслению или не соответствующее реальности), это неспроста – здесь наверняка участвуют сверхъестественные силы, средством против которых выступают, согласно народным представлениям, крест и молитва. В данном значении глаголы ‘казаться’ можно отнести к мифологической лексике. Они выступают в роли терминов, обозначающих контакт человека с нечистой силой, то есть, с одной стороны, описывают воздействие мифологических персонажей на человеческое сознание, а с другой – характеризуют психическое состояние самого человека во время контакта.

В русских диалектах набор глаголов обманчивого восприятия значительно шире, чем в литературном языке. В «Словаре русских народных говоров» и других диалектных словарях зафиксирован целый ряд глаголов со значением ‘казаться, чудиться, мерещиться’. Мотивационные модели, по которым образуются подобные глаголы, достаточно разнообразны и отражают различные подходы к номинации данного фрагмента языковой картины мира. Причем часто в одних и тех же глаголах могут реализовываться две или несколько моделей одновременно, а некоторые глаголы представляют собой целые «сгустки», комплексы мифологических значений. У ряда глаголов (*похимаститъся, посиститъся, потимитъся, прикохнуть, брыздать, молавить, мельзить, матуситъся, помеледитъся, помишуриуться* и др.) внутренняя форма представляется не вполне ясной, их трудно интерпретировать с точки зрения этимологии. Дополнительную проблему порой создает многозначность слов, лежащих в основе номинации, а также возможность народно-этимологических аттракций между двумя или даже несколькими близкими по звучанию словами-мотиваторами (например, для ряда значений *блазнить* из **blaznĕti, *blazniti (se)* нельзя исключать сближения с *благой* из **bolgъ(jb)*).

Некоторые глаголы обманчивого восприятия – *блзнить(ся)*, *глумить(ся)*, *грезить(ся)*, *дековать(ся)* – можно считать центральными для данного семантического поля. Они имеют внутреннюю форму со сложной мотивационной структурой, каждый из них обладает комплексом значений и коннотаций, в том числе связанных с обманом зрения. Важную роль в этом ряду играет значение ‘казаться, мерещиться’. Анализ полисемичных лексем, одно из значений которых связано с «обманом зрения», дает возможность проследить, каким образом идея обманчивого зрительного восприятия реализуется в языке.

Этимологически **blaznĕti*, **blazniti (se)* (от **blaznĕ*) О.Н. Трубачев возводит к и.-е. **bhlāĝ-* «ударенный, пораженный» со значением ‘сумасшедший’; **glumъ* является родственным **glupъ*, и оба в свою очередь предположительно связаны с **gluxъ*; **grĕziti* имеет общие корни с латыш. *grĕizs* ‘косой’, а также праслав. **grĕxъ*; **dĕkovati(se)* связано с **dĕ(ja)ti* ‘делать’, у которого также отмечалось значение ‘говорить’ (ср. словен *dejati*). Все они, согласно данным «Словаря русских народных говоров», выступают в мифологических контекстах, когда речь идет о встрече человека с потусторонним, с нечистой силой, которая обычно является невидимой. Они употребляются в ситуации, когда в привычную повседневную жизнь человека вторгается мифологическое «сверхъестественное». Оно часто описывается как неопределенное, эфемерное, обладающее неустойчивым, изменчивым, зрительным обликом, «кажущееся» (Плотникова 2002: 129, 142).

Логическая ситуация «обманчивого зрительного контакта» строится чаще всего таким образом, что воспринимающий субъект и воспринимаемый зрением объект как бы меняются местами. Субъект зрения (человек, которому «кажется») оказывается в пассивном положении, а объект зрения выступает в роли активного члена логической пропозиции, воздействующего извне на сознание субъекта через зрение (реже – слух). Наряду с безличным употреблением

(*сдается, корзится, млится, декуется* и пр.) в диалектном тексте глаголы со значением 'казаться' могут выступать в функции предиката при субъекте воздействия (при том, кто «кажется»). Субъект иногда бывает выраженный, например, это может быть определенный мифологический персонаж или покойник: «все мне Виктор-то покойничек *корзится*» (вят.) (СРНГ 14: 331), «мне иной раз *мстится* Василек, который повесился» (СРНГ 18: 328)); порой он неопределенный (некий призрак, привидение: «*что-то* мне *чудилось*», «какая-то *блазнь* мне *поблазнила*») или чаще – вообще не выраженный, что оправдано самой ситуацией «нечеткого зрения» («раньше часто *чудилось*»). В ряде случаев неопределенный мифологический субъект, воздействующий на зрение и сознание человека, оформляется в языке в виде существительного, образованного от глагола со значением 'казаться': *морочить – морок, мерещиться – мерет, млиться – млилко, корзиться – корзенье, блазнить – блазнь, верзиться – верженки*.

Таким образом, изучая логическую пропозицию глаголов типа *кажется*, можно говорить о субъекте воздействия (*кто (что) кажется*) и объекте воздействия (*кому кажется*). Если проанализировать с этой точки зрения мотивационные модели глаголов со значением 'казаться', можно заметить, что часть из них описывает ситуацию обманчивого «зрительного контакта» с позиции субъекта (того, что / кто «кажется», «показывается», «бросается в глаза»), а часть – с позиции объекта (того, кто видит, кому «кажется»). В первом случае это глаголы воздействия (субъект зрения выступает в роли объекта воздействия), во втором – глаголы восприятия. В дальнейшем, очертив круг значений основной лексики со значением 'казаться', мы попытаемся составить представление о субъекте воздействия и о состоянии объекта (того, на кого данный субъект воздействует), а также проследить, каким образом в языке выражается значение нечеткого, обманчивого зрительного восприятия, из каких средств язык выбирает лексику для описания

данного фрагмента картины мира (какие она имеет дополнительные значения и коннотации), и как это связано с кругом традиционных верований.

Среди мотивационных моделей, связанных с позицией субъекта воздействия, выделяются следующие:

- Субъект воздействует на глаза (зрение) человека. Он «показывается», вдруг делается видимым: *показаться, показываться, метить(ся) (замечать 'видеть')*; «в этом доме *метит*; кикимора, баят, посажена» (перм., СРНГ 18: 138).

- Субъект воздействует на сознание объекта, проникая ему в голову: *втемежиться* (ворон., СРНГ 5: 226), *возголомениться*; «Во снях что ли *возголоменилось* тебе?» (сиб., СРНГ 5: 18).

- Субъект воздействует на зрение и сознание объекта, что передается рядом глаголов с первичным значением физических действий, направленных от субъекта к объекту (дать/давать, бросать, ставить). Субъект «дается» (ср. пол. *wydaje mi się, zdaje mi się*, словен. *se mi zdi* 'мне кажется'): *придаться* – «каждую ночь ей *придается*, умерший сын зайдет в хату, пооткрывает двери и ходит, ходит» (смол., СРНГ 31: 184), *подаваться* – «мне *подается*, что кто-то стоит в темном углу» (брян., СРНГ 27: 328), *сдаваться, присдаваться*: «и стало ему *присдаваться*, и стал он пригукивать родителей» (смол., СРНГ 31: 379); «бросается» (ср. «бросаться в глаза»): *верзиться (вержиться, вражиться, воржиться)* – «топерь в очах *вверзится*» (пск.), «заспишь и *вверзится* тебе» (архангел.), ср. значение 'бросаться в глаза' в тексте сказки: «ныне русьска кость сама в очи *вёржит*» (онеж. архангел., СРНГ 4: 146)²²; «приводится»: *приводиться* – «вот ему знакомый человек

²² Для глагола *верзиться (вержиться, вражиться)* нельзя исключать возможность народно-этимологической аттракции с *враг* (ср. *вражня* 'нечистая сила, бесы', *вражить* 'шалить, дурачить, блажить, баловаться, пакостить' (СРНГ 5: 183-184)) и *ворожить* 'гадать, предсказывать', 'размышлять' (СРНГ 5: 110).

привелся (т.е. увидел знакомого)» (волог., СРНГ 31: 143); «представляется» (‘ставить’, ср. «предстать пред ясны очи»): *представляться, преставляться* – «он погиб, я заголосила, стал он мне *преставляться*» (орл., СРНГ 31: 95). Иногда речь идет об интенсивном воздействии – ‘надоедать своим присутствием, мозолить глаза’: *блзнить* «иди домой да и не *блзни*, с глаз долой» (СРГС 1: 118), «Долго ты тут будешь бегать, *блзнить*» (свердл., СРНГ 2: 314).

- Субъект воздействует на объект беспорядочными и быстрыми, суетливыми движениями (он мельтешит, снует, мелькает), что логически оправдывает его нечеткую видимость: *маячить(ся)* («Что-то *помаячилось*», «*помаячилось*, может, а может и ходила», том., новосиб., СРНГ 29: 202), *бельтешиться* («*бельтешится* что-то в глазах, а что – не разберу», костром., СРНГ 2: 237), *метлесить(ся)* («*метлесится* тебе – перекрестись», свердл., СРНГ 18: 140), *муташиться* («приедешь в Москву – народ *муташится*», ‘мерещиться’ – второе значение, ряз., СРНГ 19: 27), *мутошиться* (твер., Даль, СРНГ 19: 33), *метуситься* ‘рябить, мелькать в глазах’ («что ты *метушишься*, словно торопишься, сам не знаешь, куда», горьк., СРНГ 18: 142), *помитуситься* (СРНГ 29: 210), *манькать* ‘маячить, мелькать, мерещиться’ и ‘манить, привлекать’ (север., Даль, СРНГ 17: 366).

- Субъект воздействия ослепляет человека ярким светом: *мститься* ‘ослеплять (блеском, ярким светом), слепить’ (вят., ЭССЯ 21: 171). Или, наоборот, затемняет зрение (с трудом просматривается из-за недостаточной освещенности): *побрезжить* («что-то *побрезжило* ей» (ср. *брезжать, брѣзжить* ‘светать’)), *мерещиться* (*мрачиться*) (ср. *мерещиться* ‘казаться’ и ‘темнеть, смеркаться’ (СРНГ 18: 117), глаголы **тъrkati (se)*, **тъrknoŭti* имеют в различных диалектах славянских языков значения и ‘темнеть, смеркаться’, и ‘потускнеть (о зрении)’, и ‘помрачиться (о сознании)’ (ЭССЯ 21: 132-134)); *маракосить* ‘мелькать, мерещиться в темноте, в потемках’ (пск., твер., СРНГ 18: 254),

притоманиться (возможно, производное от *туман*) ‘показаться’ (СРНГ 32: 20).

- Субъект воздействия имеет неустойчивый зрительный образ: меняется, появляется в чужом обличье, показывает то, чего на самом деле нет (заменяет одно на другое): *преставляться* (ср. *переставлять*), *мститься* (по О.Н. Трубачеву, родственно с **mьstь/*mьsta* (месть), которую он возводит к и.-е. **mei-tu-* ‘обмен’ (ЭССЯ 21: 172-173)): «все вишь ему *мстит* чего и нету» (архангел., перм., СРНГ 18: 328), *временить*: «*повременилось* что-то на овиди, и опять нет ничего» (архангел., Даль, СРНГ 27: 264), *блажнить(ся)*: «Она спит, так мне *приблажнилось*, померла» (архангел., СРНГ 31: 114).

- Субъект воздействия то появляется, то исчезает: *блзнить(ся)*: «чуди-люди жили, в царско время бежали, в горе жили, их то видно, то нет – *блзняются*» (арханг., СГРС 1: 118), *временить(ся)*: «*повременилось* что-то на овиди, и опять нет ничего» (архангел., Даль, СРНГ 27: 264).

- Субъект воздействия является во сне: *гриждиться* – «не во сне ли тебе *гриждится*» (свадебн. причит.) (волог., СРНГ 7: 222), *гребтеть* ‘видеться в бредовом состоянии, во сне’ (твер., СРНГ 7: 127), *замерещиться* ‘показаться во сне так явно, как наяву’ – «*замерещилось* тебе это, видно, от думы» (олонец., СРНГ 10: 240), *мещериться* ‘мерещиться, сниться’ (казан., СРНГ 18: 151), *намститься* ‘привидеться во сне’ (сев.-двин., СРНГ 20: 42), *приверзиться* ‘присниться, померещиться’ (пенз., СРНГ 31: 133), *пришавиться* ‘показаться, привидеться, присниться’ (олон., СРНГ 32: 64), *бруситься* ‘сниться (особенно о чем-то неприятном)’ и ‘видеться, грезиться’ (твер., СРНГ 3: 205). В данном случае «обманчивость» восприятия оправдывается нахождением человека в состоянии сна или в переходном состоянии между сном и явью, когда человек пребывает как бы между тем и этим светом и не властен над своим сознанием.

В перечисленных выше моделях речь шла в основном о

воздействии субъекта на зрение человека, однако у ряда глаголов, используемых для обозначения идеи «обманчивого зрения», есть другие значения, лежащие в русле общей семантики обмана.

- Субъект воздействия шалит, кривляется, дурачится. Подобные значения отмечаются у глаголов: *блзнить(ся)*, *блзновать(ся)* – «ах, детки мае, што вы кала стараго чилавека шутки *блзнуитися?*» (смол., СРНГ 3: 15), *глумить(ся)* – «в этом лесу, говорят, леший часто глумится: иногда он так скрадет дорогу, что крестьянки по целым суткам не могут выйти на свой путь к дому» (волог., СРНГ 6: 210), «кот *глумится* с мышью», *изумляться* – ‘дурачиться, сильно шалить, беситься’ (СРНГ 12: 173), *дековаться* ‘резвиться, шалить, дурачиться, буяннить, шуметь, издеваться, глумиться, дурачить, сбивать с толку (о нечистой силе)’ – «эк *декуется*, ровно леший в лесу» (СРНГ 7: 337), *грезить* ‘безобразничать, озорничать’ (СРНГ 7: 131). С другой стороны, глагол *бесниться* (помимо значения ‘беситься, шалить’ имеет значение ‘видеться, представляться’: «что-то *беснится* мне в глазах-то» (свердл., СРНГ 2: 269).

- Субъект воздействия смеется, шутит, насмехается, издевается: *глумиться* «*глумилась* верша над болотом, да сама туда же пошла» (Даль, СРНГ 6: 210), твер. *глумить* ‘дурачить кого-либо’ (СРНГ 6: 210), *дековать* ‘насмехаться, издеваться’ (СРНГ 7: 337).

- Субъект воздействия лжет, пустословит, соблазняет рассказами, болтовней: *блзня* ‘человек, который может соблазнить, склонить к чему-либо своими рассказами, обещаниями’ (перм., СРНГ 3: 15), *глумиться* ‘пустословить, хвастаться’, ‘болтать, насмехаться’ (ЭССЯ 6: 148-149), *грезить* ‘говорить вздор, пустословить’ (том., алт.), ‘наговаривать на кого-либо’, ‘врать, обманывать’ (СРНГ 7: 131), *мрачить* ‘обманывать, морочить’ (архангел., СРНГ 18: 327), *манить* ‘лгать, обманывать’ (СРНГ 17: 361), *глумиться* ‘врать’ (сарат., тер., СРНГ 6: 210), *бруситься* ‘говорить неразборчиво, невнятно’, ‘лгать’ (СРНГ 3: 205).

- Субъект воздействия запутывает, сбивает с толку: *дековать(ся)*

‘дурачить, запутывать, сбивать с толку кого-либо (о нечистой силе)’ – «надо заговор тот делать в полночь. И шибко тогда *декуется*: всяка нечиста сила лезет» (свердл., волог., яросл., СРНГ 7: 337).

- Субъект воздействия сводит с ума, помрачает сознание: *глумить* ‘лишать способности здраво рассуждать’ – «воны мне голову *глумивши*... чтоб я дом забрал у сына» (СРНГ 6: 210); является в воображении объекта: *запомниттись* ‘показаться, представиться в воображении, померещиться, почудиться’ (новг., олонец., СРНГ 10: 342).

- Субъект воздействия пугает, нагнетает страх: *блазнить* «раньше *блазило* чего-то, теперь ничего не бояться» (СГРС 1: 118); *малавить* ‘пугать (о нечистой силе)’ (волог., СРНГ 17: 317); *глумиться* ‘пугать’ (волог., сев.-двин., СРНГ 6: 210); *помститься* – «одному здесь боязно ночевать: еще что-нибудь *посмтится*» (яросл., СРНГ 29: 209).

- Субъект воздействия соблазняет, искушает, доводит до греха: др.-рус. *блазнити* ‘соблазнять, приводить в досаду, сомнение’ (Срезневский I, 1: 111) и *глумити* ‘соблазнять’ (Срезневский 1: 521).

- Субъект воздействия манит, зовет, влечет, водит: *блазнить* «игрунок водит в лесу, от его *блазнит*» (СГРС 1: 118); *мануть* ‘влечь, манить, вызывать какое-либо желание’ и ‘чудиться, мерещиться’ (волог., СРНГ 17: 365).

- Субъект воздействия портит: *глумиться* ‘напрасно уничтожать, истреблять, портить’ (смол., пск., СРНГ 6: 210), значение ‘портить’ данный глагол имеет также в украинских и белорусских говорах (ЭССЯ 6: 149); *грезить* ‘портить что-либо’ – «я думала: кто тут *грезит*? а это кошка! (перевертывает цветы в комнате)» (том.), ‘беду делать’ (алт., СРНГ 7: 131). Довольно близко к значению ‘портить’ оказывается «бытийное» значение у глаголов со значением ‘казаться’: ‘случаться, происходить, делаться’. Часто у таких глаголов присутствует негативная коннотация, ср. значение ‘происходить’ с уточнением «о чем-либо нехорошем», как *делать, сделать* – ‘навести порчу’: *подеяться*,

потрафляться, начать (поначиться), припритчиться ‘показаться, почудиться’ и ‘случиться, приключиться’, ‘случаться (о беде, болезни)’ (новг., СРНГ 31: 358.), *гризить* ‘делать кое-как, дурно’ (новг., ЭССЯ 7: 120). «Бытийное» значение было первоначальным и у глагола *дековаться* (от **de(ja)ti* ‘ставить, класть’, ‘делать’, ‘говорить’ (ЭССЯ 4: 231)). Ср. серб. *чинити се, причињавати се* ‘показаться’, *чинилица* ‘колдунья’ (от *чинити* ‘делать’).

- Субъект воздействия колдует: *дековаться* ‘колдовать, делать что-либо тайно для достижения каких-либо целей’ (свердл., ЭССЯ 4: 230), *мрачить* ‘колдовать’ (волог., СРНГ 18: 327), *попритчить* ‘навести порчу’ и ‘показаться, почудиться’ (СРНГ 29: 346).

Другой тип мотивационных моделей номинации «обманчивого зрения» основан на точке зрения объекта воздействия (или субъекта зрительного восприятия – того, кому «кажется»). Среди значений глаголов ‘казаться’ выделяются следующие мотивы.

- Субъект восприятия видит нечто неопределенное, при этом неопределенность передается через глаголы со значением ‘видеть, смотреть’ при помощи префиксов *при-*, *по-* : *привидеться, повидеться, поглазиться, зириться, призириться, поглянуться*.

- Субъект восприятия засматривается, долго мечтательно смотрит на что-либо, глазееет: *глумиться* ‘заглядываться, засматриваться на что-либо’ (пск., СРНГ 6: 211).

- Субъект восприятия видит галлюцинации, бредит (находится в пограничном состоянии сознания под влиянием болезни или сна): *грезить* ‘галлюцинировать, быть глубоко погруженным в мечты’, ‘мечтать, видеть во сне, бредить’ (ЭССЯ 7: 120), *мерекать* ‘бредить’ (пск., твер., СРНГ 18: 115), *глумиться* ‘мечтать’ – «ишь он *разглумился*» ‘размечтался’ (пск., СРНГ 6: 211).

- Субъект восприятия задумывается, действительно ли он видит происходящее, или это только плод его воображения, фантазии: ‘думать’,

‘воображать’: *мниться, млиться* (ЭССЯ 21: 114), *мерекать* ‘мечтать, задумываться’ (тамб., СРНГ 18: 115).

- Субъект восприятия удивляется: *чудиться (почудиться), дековаться* ‘удивляться’ (перм., урал., тюмен. СРНГ 7: 337), ср. глагол *изумляться* (с тем же корнем, что и *млиться*) в значении ‘казаться, представляться’.

- Субъект восприятия теряет разум, впадает в состояние безумия: *глумиться* ‘сходить с ума, терять ясность сознания’ (владимир., СРНГ 6: 210), *блзниться* (ср. *блзень* ‘глупенький, дурачок’ (СРНГ 2: 313), *блзнота* ‘глупость’ (смол.), *блзни, блзнота* ‘дети несмышленные’ (смол., СРНГ 3: 15); ср. контекст: «с тех пор как ему в лесу *подекалось*, он с ума и спятил» (алт. том., СРНГ 27: 399)²³.

- Субъект восприятия видит сон: *корзиться* (вят.) ‘представляться видению, видеть сон’ (СРНГ 14: 331).

- Субъект восприятия находится в состоянии болезни, порчи, сглаза: *запритчиться* – о внезапном чувстве недомогания от мнительности и «от сглаза» – «запритчилось ему!» (смол., СРНГ 29: 346), *попритчиться* – заболеть от колдовства, наговора, дурного глаза и т.п. – «ему притчится от дурного глаза» (смол., СРНГ 32: 34).

Мотивационные модели, основанные на точке зрения субъекта воздействия, и модели, основанные на точке зрения объекта, зеркально отражают и дополняют друг друга. Практически все упомянутые глаголы могут употребляться как в моделях «от субъекта», так и в моделях «от объекта» (грамматически это может выражаться в том числе наличием или отсутствием возвратного постфикса *-ся*). Например, мифологический субъект показывается, снится, сводит с ума, обманывает, пугает,

²³ Аналогичные значения наблюдаются и в других славянских языках: чеш. *blázen* ‘сумасшедший, душевнобольной, помешанный’, словац. *blázon* ‘безрассудный, неразумный человек, глупец’, в.-луж. *blazn* ‘глупец, дурак, шутник’, *blazny* ‘помешанный, сумасшедший, пошлый’, н.-луж. *blazn* ‘сумасшедший, дурак’ (ЭССЯ 2: 105).

соблазняет, колдует, портит. Объект воздействия видит (видит во сне), сходит с ума, обманывается, пугается, соблазняется, подвергается колдовству и порче. Порой данные модели невозможно разграничить в рамках одних и тех же предикатов, которые оказываются двойными, то есть могут становиться как на сторону субъекта, так и на сторону объекта. Данное языковое явление представляется неслучайным, именно такая зыбкость, двойственность, перетекание субъектно-объектных отношений как раз и характеризуют лексику семантического поля «обманчивого восприятия».

Такая же картина наблюдается и для имен существительных, образованных от глаголов со значением ‘казаться’. Они могут обозначать как состояние объекта воздействия (*блзня* ‘состояние, когда чудится, мерещится что-либо’: «один раз только у меня *блзня* была» (волог., СГРС 1: 118), *карзенье* (вят.), *блзнь*: «*блзнь* мне была даве», «а про ребенка-то это *блзнь* была», «*блзнь* нашла на его в бане» (урал., СРНГ 3: 15), *блзна*: «*блзна* така кажется, мужики каки-то белы, лешаки» (волог., СГРС 1: 117)), так и субъект воздействия (того, кто кажется) – привидение, призрак. Причем порой бывает трудно разграничить эти два значения, в ряде контекстов речь может идти о состоянии наблюдающего или о привидении: *мленье* «это только *мленье* одно» (вят., СРНГ 18: 183), «да *блзнь* это, очнись» (Ср. Урал, СРНГ 3: 15). В «Словаре русских народных говоров» зафиксированы также слова: *мллко*, *блзнушка* – «ой, *блзнушка*, мне *поблзнулось* сегодня»; «бывало, идешь лесом, и будто кто за спиной – ой, *блзнушко* привиделось» (СГРС 1: 118), *блзневка* – «*блзневка* кажется, ходит, *блзнеет*» (архангел., СГРС 1: 117), *мерек* ‘бред, призрак, видение’, ‘злой дух, черт’ (вят. пск., твер., СРНГ 18: 115), *мерет* ‘дьявол, черт, нечистый дух’ (новг., твер., СРНГ 18: 116). Иногда эти «видения» превращаются в более или менее оформленные мифологические персонажи: *верженки*, *мара*, *маньяк* (*манья*) (Власова 1995: 234-235). «*Блзнюшко* – мифическое существо,

пугающее людей. Детей *блзнюшком* пугали: гли-ко, *блзнюшко* идет, а кто такой – не знали, никто его не видел. Этта у болоте черт, а у доме все *блзнюшком* пугали. *Блзнюшко* побежит, побежит, белой весь, борода белая» (СРГС 1: 118).

Контекстом, в котором функционируют демонологические термины со значением ‘казаться’, служат фольклорные тексты таких жанров, как поверье и быличка. В поверье речь идет о возможности контакта человека с нечистой силой в определенном месте в определенное время («В лесу или в бане *глумится*»; «У них в доме *манит*, видно, кикимора завелась» (волог.); «Тут *декуется* ночью, страшно ходить одному» (перм.)). В быличке глагол со значением ‘казаться’ может выступать в преамбуле, предваряющей собственно текст мифологического рассказа, который в свою очередь играет роль иллюстрации: раскрывает содержание того, что именно «показалось». Он может употребляться также в заключении как итог, осмысление, рефлексия над произошедшим событием. Глагол со значением ‘казаться’ в концентрированном виде характеризует содержание былички («когда отец умер, нам *показалось*»). При этом значение глаголов ‘казаться’ может быть изофункционально ‘видеть’, но с оттенком нечеткого, обманчивого видения, а также с долей сомнения в достоверности случившегося («было ли, не было, а *казалось*»). В данном употреблении глаголов ‘казаться’ актуализируются перечисленные выше компоненты общей семантики «обмана», характеризующие поведение нечистой силы по отношению к человеку (ср. христианское представление о Сатане как об отце лжи (Иоанн 8: 44)). В традиционной культуре идея о лживости, двуличии нечистой силы находит благодатную почву для развития, получает новую окраску, обрастая множеством конкретных бытовых деталей. Демоны кажутся, являются, как правило, не просто так, а с определенными целями: они шутят, кривляются, смеются, насмеваются, играют со своей жертвой, обманывают ее, предсказывают судьбу,

пугают, вводят человека в искушение, соблазняют, стремятся привести его к гибели и т.д.

С другой стороны, глагол 'казаться' может употребляться в более узком значении и применяться к конкретной ситуации, когда человек под воздействием потусторонних сил видит не то, что происходит в реальности (иногда сам этот факт становится поводом, сюжетом для мифологического повествования). В этом значении 'казаться' противопоставляется 'быть' и означает 'видеть не то, что есть на самом деле'. В ряде сюжетов быличек речь идет о манипуляциях со зрением. Действия мифологического персонажа при этом могут описываться специальными терминами *морочить, отводить глаза, запира́ть зрение, наводить обаяние, туманить очи; омрачать, наводить мару (мороку), марить; напускать ману, наводить морок, затуманивать глаза* и др., но обычно фигурируют именно глаголы со значением 'казаться'. Часто сами мифологические персонажи показываются в обманчивом облике, они могут явиться под видом знакомого человека или просто в человеческом или зооморфном обличье, и лишь по некоторым признакам человеку удастся понять, что перед ним демон, существо из «иного» мира (Виноградова 1997; Толстая 1998: 142-143).

Также мифологическим персонажам приписывается способность искажать действительность в глазах человека, показывать человеку не то, что есть на самом деле (выдавать одно вместо другого), делать предметы этого мира невидимыми. При этом сама реальность остается прежней, видоизменяется лишь представление о ней наблюдателя (ср. выражение *в глазах потемнело, в глазах казалось*): «Вот так боялись люди, даже *в глазах казалось*» (Шумов 1991: №205). Демонические существа показываются человеку в лесу, морочат его, «водят»: «Черти часто заводят, на камень садят, как на печку, и замерзнет... Вот был пьяненькой, так черт его вел, вел, да к речке и привел, и *говорит: „Ложись, мол, вот печь“*. Наутро мужик проснувши, а лежит на

камень» (Мифологические рассказы 1996: №245).

Прóклятому, которого водит леший, кажется, что он ходит по знакомым местам, со знакомыми людьми: «он его ведет, а тот нико́во *не замечат*, что лес, что темно. А все ему гладко, как будто идут, куда надо. Вот приводит его на такую скалу. – Ну, садись, куманек, вот на кровать» (Мифологические рассказы 1987: 44). «Потом говорит: «Вон сено стоит, пойдем спать!» Он полез, а *это не стог, а куст*» (Мифологические рассказы 1996: №251). «Почему блудят-то, уводят? Это *леший покажется и ведет*» (Мифологические рассказы 1996: №137). У мужа жена колдунья, полетела на шабаш, он за ней, она его увидела, «дала ему *липовую палку*, а он на нее смотрит и *видит: конь стоит*. „Езжай, говорит, до дому и не оглядывайся!“ Нельзя, стало быть, ему оглядываться-то было. Вот поехал он и уж у самого дома оглянулся. *Видит: сам на липовой палке сидит*» (Шумов 1991: №265).

В какой-то момент человеку удается очнуться, и он видит, что находится на дереве, на скале, на крыше дома, на краю пропасти – в шаге от гибели. Например, ребенок, прóклятый мачехой, повел коней в лес и исчез, а после того как отслужили молебен, его нашли на краю крутого утеса. Когда его спрашивали, что с ним было, он рассказал, что с ним была его покойная мать, «а за пазухой у него нашли конское г... и губу. Он говорит: „Мы с мамой ходили, она давала мне *масло и хлеб*. Жучка маму не любила, никак не давала мне с мамой спать. *Когда молебен отслужили, я увидел, что у нее конские ноги*, хотел спросить, а она мне говорит: «Вот тебе масло и хлеб, ты со мной больше не ходи, отец запретил...»» (Мифологические рассказы 1987: 37). Подарки или угощение, полученные от лешего, каждый раз оказываются экскрементами, древесной корой, другими несъедобными предметами.

Часто способность отводить глаза приписывается колдунам, которые используют ее, чтобы портить людей, свадьбы и т.д. «Колдуны насылают на человека болезни, сушат его, *напускают на него мару*, так

что он *видит все в обманчивых образах*» (Афанасьев 1996: 38). В русской быличке колдунья «завязала глаза» сыну соседки, так что он плутал, видел то, чего нет на самом деле: «Шла я как-то к празднику, а у Марьи спрашиваю: „Ты идешь?“ А она: „Мне не к празднику идти, а *глаза завязать*”. Вечером пришла домой, Кольки (сына) нет... Дошел до лесу, думат, пойду к дяде Павлу. Пришел в Киглохту, смотрит, на лавке баба-покойник лежит. Повиделось, говорит... Домой пошел потом. Во как ходил, из-за той все бродил, что глаза-то, говорит, завяжу» (Мифологические рассказы 1996: №355). «Отводить глаза» человеку может и сама нечистая сила: «Васька Скородумов сына убил, *сын ему зайцем* показался. Так он схватил еще чужое ружье и стрельнул, а это человек, сын. Это ему черт глаза отводил... А кругом народ. Народу-то сын видится» (Мифологические рассказы 1996: №285).

Довольно распространенным способом избавиться от чар мифологического существа, увидеть реальное состояние вещей, является молитва: нужно отслужить молебен, помянуть Бога, *поставить крест*, перекреститься: «Только сказал „Господи” – никого не стало: ни дома, ни людей. А сидит вот на утесе, только упасть, мол» (Мифологические рассказы 1987: 44). В одном из приведенных выше текстов ребенок увидел, что у его «матери» конские ноги, именно после отслуженного молебна. Действие чар могло рассеяться, если выругаться, помянуть имена покойников, вывернуть одежду наизнанку и др. (сходные средства применялись для того, чтобы найти дорогу, если заблудишься в лесу). Иногда действие чар мифологического персонажа оканчивается в определенное время, например, с пением петухов.

Другой тип «морока» проявляется в том, что мифологический персонаж пугает человека, показывая ему страшные вещи, которых нет на самом деле. Этот мотив встречается, например, в быличках о тропе лешего. Человеку, уснувшему на тропе лешего, начинает казаться, будто поднимается страшная буря, шум. А на самом деле ничего этого нет в

реальности, таким образом леший прогоняет человека со своей тропы. В экспедиции кафедры фольклора МГУ в Кировскую обл. Слободской р-н в с. Шестаково в 1998 г. была записана быличка о мороке на свадьбе. Колдун сделал так, что всем гостям показалось, будто изба наполнена водой. На самом деле было сухо, вода была лишь мороком, который напустил колдун на присутствующих (мнимая опасность).

Значение 'обмана зрения' выражается в глагольной лексике различными способами: в одних из них учитывается позиция субъекта воздействия, а в других – объекта. Причем указанные точки зрения могут смешиваться, перетекать или взаимно заменять друг друга, что обусловлено стремлением языка передать неопределенность, обманчивость подобного зрения. Наибольший интерес представляют глаголы, для которых значение 'казаться' является не единственным: они употребляются в функции мифологического термина и описывают действия мифологических персонажей по отношению к человеку, а также состояние человека, подвергающегося потустороннему воздействию. Подобные глаголы впитали в себя множество смыслов и смысловых оттенков, позволяющих передать языковыми средствами представление о природе сверхъестественных явлений, в том числе об их нечеткости, зыбкости, обманчивости.

Зрение в языке и традиционной культуре осмысливается как одна из основных примет жизни и этого света, оно противопоставляется темноте и слепоте, признакам загробного мира. Соответственно, объектам видимым противопоставлены объекты невидимые. В традиционных верованиях с помощью признаков *видимый – невидимый* маркируются границы этого и того света. Причем эти границы оказываются подвижными: при определенных условиях видимые объекты могут становиться невидимыми и наоборот. Аналогичным образом и субъекты

могут быть «зрячими» или «слепыми» в зависимости от обстоятельств (в том числе под воздействием магии, направленной на обретение видимости / невидимости, видения / невидения). Зрение тесно связано с ментальными процессами и состояниями – познанием и мышлением. Помимо слепоты, зрению противопоставлено сверхзрение (сопряженное со сверхзнанием) – способность видеть то, что невидимо при обычных условиях, оно также оценивается как черта принадлежности к иному миру. В мифопоэтических представлениях о зрении кроме смотрящего субъекта и видимого объекта часто фигурирует субъект-посредник, который может манипулировать зрением: делать субъекта зрячим или слепым, объекты видимыми или невидимыми, а также показывать субъекту обманчивую картину действительности. Для языкового и культурного текста, связанного со зрением, характерно смешение субъектно-объектных отношений, наличие двух возможных точек зрения – точки зрения «от субъекта» и точки зрения «от объекта». На языковом уровне это выражается в смешении значений ‘слепой’ и ‘невидимый’ в пределах одних и тех же лексем (*тёмный* ‘слепой’, *слепой* ‘невидимый’). В культурных контекстах обе точки зрения могут выступать в изофункциональных отношениях: например, чтобы достичь цели: X не видит Y, можно сделать слепым X или сделать невидимым Y, в любом случае цель будет достигнута.

Заключение

Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян нашли отражение во множестве языковых и культурных контекстов, которые позволяют исследователю реконструировать семантическую структуру этого фрагмента представлений о мире. В качестве таких контекстов были выявлены в языке: глаголы и фразеологизмы со значениями 'смотреть', 'видеть', 'быть видимым', 'бросаться в глаза', 'показывать', 'делать(ся) видимым/невидимым', 'прозревать', 'слепнуть'; существительные, называющие глаз, его части (зрачок, белок); лексика (существительные и прилагательные), характеризующая субъекта с точки зрения зрительной способности, зрительного поведения и манеры смотреть, аномалий глаз; существительные, называющие глазные болезни и аномалии, и пр. В рамках семантического поля зрительного восприятия выделяются лексико-семантические группы, относящиеся к сфере народной мифологии: это лексико-семантическая группа 'сглаз' и лексика, связанная с обманом зрения, которую объединяет значение 'казаться, мерещиться'. Анализ внутренней формы и анализ вторичных значений «зрительной» лексики выявляет архаические представления о глазах и зрении, зафиксированные в языке. Среди них, например, представления о том, что в глазах отражается сущность человека, представления о человечках-душе в зрачках, о материальности взгляда, о связи зрения и познания, «водная» метафора зрения (глаза как жидкость, слепота как темная вода, которая разливается в глазах) и др.

В фольклоре и традиционной культуре значимыми для исследуемой темы контекстами и жанрами являются: поверья, запреты смотреть на что-либо (видеть что-либо), предписания смотреть на что-либо; мифологические рассказы, повествующие о визуальном контакте с иным

миром, былички о манипуляциях со зрением, о распознавании мифологического персонажа; магические способы увидеть невидимое, сделаться невидимым, сделать невидимым какой-либо объект, ослепить противника; комплекс представлений, связанных со сглазом; «зрительный» код обряда, проявляющийся ослеплении / наделении зрением, закрывании / открывании объектов, совершении ритуала с открытыми / закрытыми глазами, в темное время суток, тайно (невидимо). Представления о зрении нашли отражение также в заговорах, причитаниях, лирических песнях, загадках, проклятьях и клятвах, пословицах и поговорках.

Таким образом, данная тема широко представлена как в языке, так и в фольклорно-этнографических текстах широкого круга жанров. Она оказывается связана с такими различными сферами, как народная анатомия и физиология, народная демонология, визуальная магия. Сведения, почерпнутые из этих источников, позволили реконструировать **модель зрительного восприятия** в языке и традиционной культуре славян. Данная модель включает в себя участников: субъект, объект, действие, обстоятельства (время, место, цель, образ действия). За рамками ситуации находится зрение (способность видеть), которое выступает как предпосылка ситуации: без способности видеть зрительный контакт невозможен. Различаются предикаты зрительного восприятия, обозначающие активное действие (смотреть), и предикаты, обозначающие пассивное состояние (видеть). Субъект зрения может играть в ситуации активную роль, а может занимать пассивную позицию, когда роль субъектов логической пропозиции берут на себя видимые объекты – они бросаются в глаза, показываются, исчезают из поля зрения и т.д. Например, с подобной ситуацией мы имеем дело, когда речь идет об «обмане зрения». Глаголы со значением ‘казаться, мерещиться’ выступают, как правило, или в безличных конструкциях, или их субъектом является демонический персонаж, воздействующий на зрение человека, который

выступает в роли пассивного объекта воздействия.

Зрительный контакт представляет собой своего рода коммуникацию, при которой между субъектом зрения и созерцаемыми объектами происходит двусторонний обмен информацией. Информация, исходящая от субъекта, может быть как его внутренней, присущей ему, его природе, так и полученной ранее от других объектов, на которые упал его **взгляд**. Например, посмотрев на огонь, человек может сжечь своим взглядом дом, отсюда запрет переводить глаза с огня на легковоспламеняющиеся предметы. Семантика и прагматика зрительного контакта всякий раз зависит от его участников, прежде всего, субъекта, объекта, инструмента зрения (глаз), а также условий и обстоятельств.

Зрительный контакт наделяется аксиологическими характеристиками (оценкой), выражаемыми в прагматических категориях *опасный* / *безопасный*, что является предпосылкой возникновения системы запретов: кому, на что и когда запрещается смотреть. Мотивировки при этом могут быть различные – часть из них объясняет запрет опасностью, которой подвергается субъект зрения (если мужчина посмотрит в дежу, у него не будет расти борода), часть призвана защитить объект зрения (невесте закрывали лицо, чтобы защитить окружающих от ее вредоносного взгляда). С другой стороны, желая получить от объекта определенные свойства и качества, субъект должен был смотреть на этот объект (девушки смотрели на солнце, чтобы быть такими же румяными, как оно). В зависимости от обстоятельств, взгляд может иметь различные прагматические значения, он позволяет: избавиться от нежелательных чувств и переживаний (выпустить их из себя), подчинить себе объект, установить власть над ним, привязать к себе, констатировать и закрепить определенный социальный статус (ср. ритуал смотрин, проведывания и пр.).

Зрительный контакт может носить и мифологический характер – это

характерно, например, для визуального контакта с демонами, а также веры в сглаз, которая сохраняет актуальность и в настоящее время.

Особая роль отводится такому «участнику» ситуации зрительного контакта, как **глаза**, которые являются инструментом зрения. В языковой и традиционной картине мира глаза, будучи частью тела и органом человека, обнаруживают параллели с внешним миром (макрокосмом): с водой, небесными светилами, фрагментами жилища (окнами). Глаз может представляться как водоем (озеро, колодец); светонесущий объект (небесные светила); как отверстие, через которое поступает свет (окно) – этим объясняется его способность обеспечивать зрение. С другой стороны, глаза тесно связаны с внутренним миром субъекта, с его душой (сердцем). По некоторым представлениям в глазах (в зрачке) локализуется душа, в момент смерти она покидает тело через глаза, через них же она может вернуться в мертвое тело, в результате чего покойник станет демоном. Глаза могут восприниматься как средоточие жизненной силы (наряду с кровью и сердцем), в них могут быть заключены основные свойства субъекта, которые сохраняются даже после его смерти (глаза убитого волка носят с собой, чтобы обрести волчью храбрость). Глаза мыслятся как «зеркало души» субъекта, то есть они не только заключают в себе, но и сообщают окружающим информацию о его эмоциях, состоянии, характере и вообще о его сущности. Именно поэтому в традиционных представлениях глаза являются одним из маркеров, позволяющих отличить мифологического персонажа от человека (у ведьмы красные злые глаза, хмурый взгляд и т.п.). Лексика со значением 'глаз' развивает множество вторичных значений, как связанных со «зрительной» семантикой, так и выходящих за ее пределы, она участвует в номинации растений и животных (ср. растение *анютины глазки*, бабочка *павлиний глаз*). Глаз (особенно его центр – зрачок) выступает как одна из наивысших ценностей, что обусловлено, прежде всего, его способностью обеспечивать

зрение (ср: *беречь как зеницу ока*).

Зрение в языке и традиционной культуре выступает как важнейшая примета жизни и этого света, оно противопоставляется темноте и слепоте – признакам загробного мира. Именно этим объясняется его высокий аксиологический статус, зрение – это не просто способность видеть, это сама жизнь (*белый свет* – болг. *бѣло видело*). Тема зрения выражена в языке и традиционной культуре в семантических оппозициях *видимый / невидимый*, *зрение / слепота*, *свет / тьма*, которые непосредственно связаны с категориями *живой / мертвый*, *хороший / плохой* и др. Тема зрения / слепоты, «визуальный» код, сопровождает человека на протяжении всей жизни – от рождения и до смерти. В ритуалах он реализуется в различных формах (связанных как с субъектом, так и с объектом зрения): зажигании / гашении огня (свечи), закрывании / открывании глаз, укрывании / раскрывании различных объектов, использовании светлого / темного времени суток, светлых / темных цветов (например, в трауре), слепых животных (крота в любовной магии), покойнических предметов, выполнении ритуальных действий в тайне и т.п.

С помощью семантических категорий *видимый/невидимый* маркируются границы этого и того света, эти границы не фиксированы: при определенных условиях видимые объекты могут становиться невидимыми и наоборот. Аналогичным образом относительными являются и категории *зрячий / слепой*: субъекты могут быть «зрячими» или «слепыми» в зависимости от обстоятельств, они могут быть «зрячими» относительно одних объектов и «слепыми» по отношению к другим (в результате порчи скотина становится невидимой для хозяина). Зрение тесно связано с ментальными процессами и состояниями – познанием и мышлением, семиотизацией мира (распознаванием и истолкованием зрительных образов). Именно поэтому лексика, связанная со зрением, как правило, имеет переносные значения, относящиеся к ментальным

состояниям (*видеть* в значениях 'знать', 'понимать', 'предвидеть'). В мифопоэтических представлениях зрение противопоставлено не только слепоте, но и сверхзрению (сопряженному со сверхзнанием) – способности видеть то, что невидимо при обычных условиях, которая также является признаком принадлежности к иному миру.

Для языкового и культурного текста, связанного со зрением, характерно смешение субъектно-объектных отношений, наличие двух возможных точек зрения – «от субъекта» и «от объекта» (*темный* в значении 'слепой', слепой в значении 'плохо видимый': *слепой текст*). Неразличение субъекта и объекта (слепоты и темноты /невидимости, зречести и света/видимости) является очень древней чертой, присущей не только славянской, но и другим культурным традициям. Оно позволяет говорить о «мифологической слепоте», в которой обоюдно заключены и слепота и невидимость. «Мифологическая слепота» актуализируется, когда речь идет о взаимном «невидении» персонажей того и этого света, маркирующим границу между миром людей и иным миром.

Разумеется, в рамках диссертации невозможно было представить полностью весь материал, относящийся к теме глаз и зрения, исчерпать материал всех фольклорно-этнографических жанров, в которых так или иначе затрагивается эта тема. Очевидно и то, что каждый жанр накладывает в большей или меньшей степени отпечаток на мифологические представления, которые в нем отражены. В перспективе следовало бы исследовать тему глаз и зрения и ее реализацию в рамках конкретных жанров, таких как заговор, волшебная сказка, загадка, лирическая песня, причитание и др. (ср. попытку подобного исследования в пределах жанра проклятий в статье: Ясинская 2013). Требуется дальнейшего изучения также «зрительный код» и его реализация в отдельных обрядах – свадьбе, похоронном и поминальном обрядах, в окказиональных обрядах. Перспективным было бы проанализировать

представления о глазах и зрении в более широком, европейском, контексте (ср: Менцей 2013). Также было бы интересно сравнить полученные результаты с традициями других народов – например, балтов, финно-угров и др. Кроме того, с помощью этнолингвистического метода исследования, примененного в настоящей диссертации к модели зрительного восприятия, можно исследовать и описать модель слухового восприятия, а также систему восприятия в целом, сравнив отдельные ее виды.

Список сокращений

алт. – алтайское
 архангел. – Архангельская губерния (область)
 астрах. – Астраханская губерния (область)
 баш. – башкирское (из башкирского языка)
 белорус. – белорусский язык
 болг. – болгарский язык
 босн. – боснийский язык
 брест. – Брестская область
 брян. – Брянская область
 букв. – буквально
 в.-луж. – верхнелужицкий язык
 венг. – венгерский язык
 владимир. – Владимирская область (губерния)
 вол. – волость
 волог. – Вологодская область
 ворон. – Воронежская область
 вят. – Вятская губерния
 галицк. – галицкое
 герцеговин. – Герцеговина
 диал. – диалектное
 др.-рус. – древне-русский язык
 ельн. – Ельнинский уезд Смоленской губернии
 з.-рус. – западно-русское
 з.-слав. – западно-славянское
 заонеж. – Заонежский край Олонецкой губернии
 калуж. – Калужская область
 карел. – Карелия
 кашуб. – кашубский язык
 костр. – Костромская область
 краков. – Краковское воеводство
 кур. – Курская область
 латыш. – латышский язык
 лемк. – лемковские говоры
 ленингр. – Ленинградская область
 лит. – Литва (русские диалекты на территории Литвы)
 литер. – литературное
 мазов. – Мазовецкое воеводство
 макед. – македонский язык
 моск. – Московская область
 н.-луж. – нижнелужицкий язык
 нем. – немецкий язык
 нижегор. – Нижегородская губерния
 новг. – Новгородская область
 новосиб. – Новосибирская область
 обл. – область
 окр. – округ
 олон. – Олонецкая губерния
 онеж. – Онежский уезд Олонецкой губернии
 орл. – Орловский район

пенз. – Пензенская область
 перен. – переносное значение
 перм. – Пермский край
 петерб. – Петербургская губерния
 пол. – польский язык
 полес. – Полесье
 праслав. – праславянский язык
 примор. – приморский диалект словенского языка
 пск. – Псковская область
 пуд. – Пудожский уезд Олонецкой губернии
 р-н – район
 родоп. – родопские говоры болгарского языка
 рус. – русский язык
 ряз. – Рязанская область
 с.-хорв. – сербо-хорватский язык
 самар. – Самарская область
 сев.-двин. – Северо-Двинское (по р. Северной Двине)
 сев.-зап. – северо-западное
 сев.-кавк. – Северный Кавказ
 серб. – сербский язык
 симбир. – Симбирская губерния
 словац. – словацкий язык
 словен. – словенский язык
 смол. – Смоленская область (губерния)
 спиш. – Спиш
 ст.-пол. – старопольский язык
 ст.-слав. – старославянский язык
 ст.-чеш. – старочешский язык
 тамб. – Тамбовская область
 тарнобжег. – Тарнобжегское воеводство
 твер. – Тверская область (губерния)
 тихв. – Тихвинский уезд Новгородской губернии
 том. – Томская область
 у. – уезд
 укр. – украинский язык
 устар. – устаревший
 фраз. – фразеологизм
 хорв. – хорватский язык
 ц.-белорус. – центрально-белорусское
 челяб. – Челябинская область
 череп. – Череповецкий уезд Вологодской губернии
 чернигов. – Черниговская губерния
 чеш. – чешский язык
 штайер. – штайерский диалект словенского языка
 ю.-рус. – южно-русское
 якут. – Якутия
 ярослав. – Ярославская область (губерния)

Библиография

1. Агапкина 1996 – *Агапкина Т.А.* Славянские верования и обряды, касающиеся менструации // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 103-150.
2. Агапкина 2002 – *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
3. Агапкина 2010 – *Агапкина Т.А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М., 2010.
4. Агапкина 2012 – *Агапкина Т.А.* Смотреть // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 75-81.
5. Агапкина 2012а – *Агапкина Т.А.* Сквозь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 5. М., 2012. С. 12-16.
6. Активный словарь русского языка 2014 – Активный словарь русского языка. Т. 1, А – Б; Т. 2, В – Г / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2014.
7. Амосова 2014 – *Амосова С.Н.* «...Ну посыпать ей глаза»: мотив наказания слепотой за работу в неурочное время // Сила взгляда: глаза в мифологии и иконографии. М., 2014. С. 306-316.
8. Анічэнка 1999 – *Анічэнка У.В.* Вопыт літаратурна-дыялектнага слоўніка беларускай мовы. Гомель, 1999.
9. Аникин 1998 – Русские заговоры и заклинания / Под ред. В.П. Аникина. М., 1998.
10. Анохина 2011 – *Анохина С.З.* Когнитивное исследование объектов в процессе зрительного восприятия. Дисс. ... канд. наук. Уфа, 2011.
11. АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецово́й. М., 1980–. Вып. 1–.

12. Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка. Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
13. Афанасьев 1983 – *Афанасьев А.Н.* Стихия света в ее поэтических представлениях // А.Н. Афанасьев. Древо жизни. М., 1983. С.60-72.
14. Афанасьев 1994 – *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1-4. М., 1994.
15. Афанасьев 1996 – *Афанасьев А.Н.* Мифическая связь понятий: света, зрения, огня, металла, оружия и жолчи // А.Н. Афанасьев. Происхождение мифа. М., 1996. С. 234-252.
16. Байбурин 1993 – *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
17. Бартминьский 2005 – *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.
18. Бартминьский 2015 – *Бартминьский Е.* «Ani widu, ani slychu»: о семантической (а)симметрии зрения и слуха // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / Отв. ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург, 2015. С. 19-24.
19. БАС – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950–1965. Т. 1-17.
20. Бахвалова 1996 – *Бахвалова Т.В.* Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности. Орел, 1996.
21. БВКЗ – Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / Авторы-составители: Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993.

22. БНЕ – Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М., 1988.
23. Белова 2001 – *Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2001.
24. Белова 2012 – *Белова О.В.* Хомут // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 5. М., 2012. С. 455-458.
25. Белова, Кабакова 2014 – У истоков мира: русские этиологические легенды. Сост. и комм. О.В. Беловой, Г.И. Кабаковой. М., 2014.
26. Беновска-Събкова 1992 – *Беновска-Събкова М.* Змеят в български фолклор. София, 1992.
27. Беновска-Събкова 1997 – *Беновска-Събкова М.* За една негативна магическа употреба на хляба // Хлябът в славянската култура. София, 1997.
28. Бердяев 1985 – *Бердяев Н.А.* Собрание сочинений. Т. 2. Смысл творчества. Paris, 1985.
29. Березович, в печати – *Березович Е.Л.* Берестяная роза и берестяные глаза: этнолингвистический комментарий к русским диалектным фразеологизмам (в печати).
30. Березович 2007 – *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007.
31. Богатырев 2007 – *Богатырев П.Г.* Народная культура славян. М., 2007.
32. Богданович 1895 – *Богданович А.Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно, 1895.
33. Богуславский 1994 – *Богуславский В.М.* Словарь оценок внешности человека. М., 1994.
34. БРС – Болгарско-русский словарь / Сост. С.Б. Берштейн. М., 1953.

35. БСРП – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок / Под общ. ред. В.М. Мокиенко. М., 2008.
36. Булашев 1909 – *Булашев Г.О.* Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Вып. 1: Космогонические украинские воззрения и верования. Киев, 1909.
37. Вакарелски 1935 – *Вакарелски Х.* Бит и език на тракийските и малоазийските българи. Ч. 1: Бит. От Х. Вакарелски // ТСб. 1935. Кн. 5.
38. Валодзіна 2009 – *Валодзіна Т.В.* Цела чалавека: слова, міф, рытуал. Мінск, 2009.
39. Вежбицкая 1996 – *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
40. Вежбицкая 1999 – *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
41. Вельмезова 2004 – *Вельмезова Е.В.* Чешские заговоры. Исследования и тексты. М., 2004.
42. Виноградова 1989 – *Виноградова Л.Н.* Фольклор как источник для реконструкции древней славянской духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989.
43. Виноградова 1995 – *Виноградова Л.Н.* Вода // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 386-390.
44. Виноградова 1997 – *Виноградова Л.Н.* Как распознать чужого среди своих // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре. Вып.1. / Под ред. А. Архипова, И. Полинской. Oakland, [1997]. С. 53-62.
45. Виноградова, Левкиевская 2004 – *Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е.* Окно // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 534-539.

46. Винородова 2000 – *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-риутальная традиция славян. М, 2000.
47. Виноградова 2011 – *Виноградова Л.Н.* Светоносные ночные духи в мифологии западных и южных славян // Балканский спектр: от света к цвету. Балканские чтения 11. Тезисы и материалы. М., 2011. С. 40-44.
48. Виноградова 2015 – *Виноградова Л.Н.* Глаза и зрение в народной магии и мифологических верованиях (рецензия на сборник «Сила взгляда: глаза в мифологии и иконографии») // Славяноведение. №5. М., 2015. С. 59-64.
49. ВКТК – Время и календарь в традиционной культуре. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. СПб., 1999.
50. Власкина 1998 – *Власкина Т.Ю.* Донские былички о повитухах // Живая старина. №2, 1998. С. 15-17.
51. Власова 1995 – *Власова М.Н.* Новая абевега русских суеверий. СПб., 1995.
52. Власова 1998 – *Власова М.Н.* Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб., 1998.
53. Володина 2001 – *Володина Т.В.* О некоторых особенностях наивной антропологии в поверьях и фразеологизмах // *Rossica olomucensia*. XL. Olomouc, 2001. С. 309-315.
54. Вражиновски 1995 – *Вражиновски Т.* Народна демонологија на македонците. Скопје; Прилеп, 1995.
55. ВФМ – Вятский фольклор. Мифология / Сост. А.А. Иванова. Котельнич, 1996.
56. Галанова 2011 – *Галанова М.* Представи за окото и зрението в традиционната култура на славяноезичните балкански народи // Етнографски проблеми на народната култура. Т. 8. София, 2011. С. 283-318.

57. Георгиева 1983 – *Георгиева И.* Българска народна митология. София, 1983.
58. Гнатюк 1912 – *Гнатюк В.* Похоронні звичаї й обряди // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. 31-32.
59. Гринченко 1895, 1896 – *Гринченко Б.Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895-1900. Вып. 1-3.
60. Гура 1995 – *Гура А.В.* Борона // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 235-238.
61. Гура 1997 – *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
62. Гура 2012 – *Гура А.В.* Еще о некоторых параллелях к гоголевскому Вию // Н.В. Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения: Сб. статей по материалам Междунар. науч. конф., Москва. 30 марта – 1 апреля 2012 г. / Под общ. Ред. В.П. Викуловой. Новосибирск, 2012. С. 133-142.
63. Гура 2012а – *Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре. М., 2012.
64. Гуцульські говірки 1997 – *Гуцульські говірки.* Короткий словник. Львів, 1997.
65. Дабева 1934 – *Дабева М.* Български народни клетви. Принос към изучаването на народната душа и народния живот. София, 1934.
66. Давыдова 1998 – *Давыдова Ю.А.* Представления о «чужом народе» в Уржумском районе // Живая старина. 1998. № 4. С. 35-37.
67. Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2. СПб.; М., 1880–1882. Т. 1–4. Фотомеханическое воспроизведение. М., 1978–1980. Изд. 3 / Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб., 1903-1909. Т. 1-4.
68. Даль 1957 – *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957.

69. Демидович 1896 – *Демидович П.П.* Из области верований и сказаний белорусов // ЭО. 1896. №2. С. 107-146.
70. Добровольский 1891 – *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 1: [Диалектологические заметки; народные рассказы, былички, сказки]. СПб., 1891.
71. Добровольский 1914 – *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
72. Долгушев 1998 – *Долгушев В.Г.* И мальчики кровавые в глазах // Русская речь. 1998. №6. С. 109-111.
73. Доронин 2014 – *Доронин Д.Ю.* «Правым, ласковым глазом взгляни!»: глаза и взгляд в актуальной мифологии народов Алтая // Сила взгляда: глаза в демонологии и иконографии. М., 2014. С. 217-281.
74. Ђорђевић 1938 – *Ђорђевић Тихомир Р.* Зле очи у веровању Јужних Словена // Српски етнографски зборник. LIII, 1938.
75. Ђорђевић 1958 – *Ђорђевић Тихомир Р.* Природа у веровању и предању нашега народа. Књ. I-II. Београд, 1958 (Српски етнографски зборник. Књ. 71, 72. 1958).
76. Заглада 1929 – *Заглада Н.* Побут селянської дитини. Матеріяли до монографії с. Старосілля. Київ, 1929 (Матеріяли до етнології, I).
77. Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 – *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сб-к статей. М., 2005.
78. Захариев 1918 – *Захариев Й.* Кюстендилско крайще // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. 32. София, 1918.
79. Зеленин 1914 – *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1914. вып. 1.

80. Зеленин 1915 – *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1915. вып.2.
81. Зеленин 1934 – *Зеленин Д.К.* Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма. Л., 1934.
82. Зеленин 1991 – *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
83. Зечевић 1967 – *Зечевић С.* Смартни ритуал и неки облици култа мртвих у становништва влашког говорног језика Крајине и Кључа // Гласник Етнографског музеја у Београду. Књ. 30. Београд, 1967. С. 47-78.
84. Зечевић 1971 – *Зечевић С.* Народна веровања у Свињици // Сборник радова Етнографског института САНУ, 1971. Књ. 5. С. 89-99.
85. Зечевић 1978 – *Зечевић С.* Самртни обичаји у околини Зајечара // Гласник Етнографског музеја у Београду, 1978, књ. 42. С. 383-398.
86. Зечевић 1981 – *Зечевић С.* Митска бића српских предања. Београд, 1981.
87. Зечевић 1982 – *Зечевић С.* Култ мртвих код Срба. Београд, 1982.
88. ЗЗП 1998 – Заговори и заклинания Пинежья. / Сост. А.А. Иванова. Карпогоры, 1994.
89. Златковић 1989 – *Златковић Д.* Фразеологија страха и наде у пиротском говору // Српски дијалектолошки зборник. № XXXV. Београд, 1989.
90. Зорин 2001 – *Зорин Н.В.* Русский свадебный ритуал. М., 2001.
91. Мороз 2013 – Знатки, ведуны и чернокнижники. Колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Под общ. ред. А.Б. Мороза. М., 2013.
92. Иваницкий 1890 – *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия Имп. Общества любителей

естествознания, антропологии и этнографии при Имп. Московском университете. 1890. Т.69. Труды этнографического отдела. Т.11, вып.1.

93. Иванов 1973 – *Иванов Вяч.Вс.* Категория «видимого» и «невидимого» в тексте: еще раз о восточнославянских фольклорных параллелях к гоголевскому «Вию» // *Structure of texts and semiotics of culture.* The Hague – P., 1973.

94. Иванов 1973а – *Иванов Вяч.Вс.* Категория «видимого»-«невидимого» в текстах архаических культур // *Сборник статей по вторичным моделирующим системам.* Тарту, 1973. С. 34-38.

95. Иванов 1973b – *Иванов Вяч. Вc.* Об одной параллели к гоголевскому «Вию» // *Труды по знаковым системам.* Т. 5. Тарту, 1973.

96. Иванов, Топоров 1965 – *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период. М., 1965.

97. Иванов, Топоров 1973 – *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии // *Труды по знаковым системам.* Т. 6. Тарту, 1973.

98. Иванов, Топоров 1974 – *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.

99. Кабакова 2012 – *Кабакова Г.И.* Слепота // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н.И. Толстого.* Т. 5. М., 2012. С. 46-49.

100. Кабакова 2014 – *Кабакова Г.И.* Русские традиции гостеприимства и застолья. М., 2014.

101. Капанци 1985 – *Капанци: Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. Етнографски и езикови проучвания.* София, 1985.

102. Кацва 1993 – *Кацва М.С.* Глагольная мифологическая лексика в русском и украинском языках. Дипломная работа. МГУ. 1993.
103. КГ – Круглый год. Русский земледельческий календарь / Сост. А.Ф. Некрылова. М., 1991.
104. Козлова 1990 – *Козлова Н.К.* Русский фольклор Сибири. Новосибирск, 1990.
105. Кондратенко 2000 – *Кондратенко М.М.* Лексика народной метеорологии (Опыт сравнительного анализа славянских и немецких наименований природных явлений). Slavistische Beiträge, Bd. 394, Verlag Otto Sagner, München, 2000.
106. Коршунков 2000 – *Коршунков В.А.* Колдовские глаза и «мальчики в глазах» // Русская речь. 2000. №3. С. 112–121.
107. Костић – *Костић П.* Годишњи обичаји у Неготинској Крајини // Гласник Етнографског музеја у Београду, 1968/1969. Књ. 38. С. 363-396.
108. Криничная 1991 – *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991.
109. Криничная 1992 – *Криничная Н.А.* Дом, его облик и душа. Петрозаводск, 1992.
110. Криничная 1993 – *Криничная Н.А.* Домашний дух и святочные гадания. Петрозаводск, 1993.
111. Кустова 2004 – *Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
112. ЛАЯ 1999 – Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
113. Левкиевская 1995 – *Левкиевская Е.Е.* Вампир // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 565-567.
114. Левкиевская 2000 – *Левкиевская Е.Е.* Мифологические персонажи в славянской традиции: I. Восточнославянский *домовой* //

Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С.96-161.

115. Левкиевская 2002 – *Левкиевская Е.Е.* Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002.

116. Левкиевская 2009 – *Левкиевская Е.Е.* Свет-тьма // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 565-567.

117. Левкиевская 2009а – *Левкиевская Е.Е.* Сглаз // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 597-602.

118. Листова 1993 – *Листова Т.А.* Похоронно-поминальные обычаи русских // Похоронно-поминальные обычаи и обряды (Библиотека Российского этнографа). М., 1993. С. 48-83.

119. Лобкова 2000 – *Лобкова Г.* Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность. Образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000.

120. Логинов 1993 – *Логинов К.К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.

121. Мазалова 2001 – *Мазалова Н.Е.* Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских. М., 2001.

122. Максимов 1903 – *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

123. Малыхин 1861 – *Малыхин П.* Город Нижнедевицк и его уезд // Воронежский литературный сборник. Воронеж, 1861. Вып. 1.

124. Маринов 1914 – *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1914 (Сборник за народни умовотворения, наука и книжнина, 1914, кн. 28).

125. Марковић 2000 – *Марковић Р.* Српске народне клетве и заклетве. Београд, 2000.

126. Марусенко 1968 – *Марусенко Т.А.* Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) – Полесье. М., 1968.
127. МАС – Малый академический словарь. Т. 1-4. М., 1985–1988.
128. Мендельсон 1897 – *Мендельсон Н.М.* К поверьям о св. Касьяне // Этнографическое обозрение, кн. 32, 1897. № 1. С. 1-21.
129. Менцей 2013 – *Менцей М.* Словенские представления о дурном глазе в европейском контексте // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М., 2013. С. 130-151.
130. Милосављевић 1913 – *Милосављевић С.М.* Српски народни обичаји из среза Хомољског // Српски етнографски зборник, 1913. Књ. 19. С. 1-442.
131. Мифологические рассказы 1987 – Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.
132. Мифологические рассказы 1996 – Мифологические рассказы и легенды русского Севера / Сост. О.А. Черепанова. СПб., 1996.
133. Мицева 1994 – Невидими нощни гости / Подбор и научен коментар Е. Мицева. София, 1994.
134. Младенова 2002 – *Младенова Д.* «Глаза» и «зрение» небесных светил: связь концептов света и зрения в балканских языках и традиционной культуре // *Славяноведение*. 2002. № 6.
135. Младенова 2006 – *Младенова Д.* Звездното небе над нас: Етнолингвистично изследоване на балканските народни астроними. София, 2006.
136. МНМ – Мифы народов мира. Энциклопедия / Под ред. С.А. Токарева. Т.1,2. М., 1997.
137. МСГ – Матэрыялы дыялектнага слоўніка Гомельшчыны // Беларуская мова і мовазнаўства. Мінск, 1975. Вып. 3.

138. МЧТ 2008 – Митология на човешкото тяло. Антропологичен речник. София, 2008.

139. Мяцельская, Камароўскі 1972 – *Мяцельская Е.С., Камароўскі Я.М.* Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мінск, 1972.

140. Неклюдов 2010 – *Неклюдов С.Ю.* Духи и нелюди в недружелюбном мире (о некоторых стратегиях конструирования мифологического образа) // *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij.* A cura di Sergio Bertolissi e Roberta Salvatore. Napoli: M. D'auria editore, 2010. Vol. II. P.101-120.

141. Неклюдов 2014 – *Неклюдов С.Ю.* Слепота демона и ее литературные перспективы // *Сила взгляда: глаза в демонологии и иконографии.* М., 2014. С. 125-147.

142. Неклюдов, Новик 2010 – *Неклюдов С.Ю., Новик Е.С.* Невидимый и нежеланный гость // *Исследования по лингвистике и семиотике. Сб. статей к юбилею Вяч.Вс. Иванова.* Отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 393-408.

143. Никифоровский 1897 – Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Собрал в Витебской Белоруссии Н.Я. Никифоровский. Витебск, 1897.

144. Никифоровский 1907 – *Никифоровский Н.Я.* Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Вильна, 1907 (Виленский временник. Кн. 2).

145. Николић-Стојанчевић 1974 – *Николић-Стојанчевић В.* Врањско Поморавље. Етнолошка испитивања. Београд, 1974 (Српски етнографски зборник. Књ. 86).

146. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/index.html>

147. Новичкова 1995 – *Новичкова Т.А.* Русский демонологический словарь. СПб., 1995.

148. Номис 1864 – Українські приказки, прислів'я. М. Номис. №3 180. СПб., 1864.

149. НОСС 1995 – *Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.

150. НОСС 1997 – *Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В., Гловинская М.Я., Крылова Т.В.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. М., 1997.

151. НОСС 2003 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под. общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М., 2003.

152. Ожегов 1984 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Изд. 16-е, испр. М., 1984.

153. ОЛА 2009 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Т. 9. Человек. Варшава, 2009.

154. Олонецкий сборник 1886 – *Малиновский Л.*, учитель Петрозавод. духовного училища. Причитанья или заплачки по умершим // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 2. Петрозаводск, 1886. С. 43.

155. ПА – Полесский архив Института славяноведения РАН.

156. Падучева 2001 – *Падучева Е.В.* К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 23-44.

157. ПЗ – Полесские заговоры (в записях 1970-1990-х гг.) / Сост. Т.А. Агапкина, Е.Л. Левкиевская, А.Л. Топорков. М., 2003.

158. Пирински край 1980 – Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.

159. Пловдивски край 1986 – Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1986.

160. Плотникова 2002 – *Плотникова А.А.* «Видимая» и «невидимая» нечистая сила: мифологические образы у балканских славян // Признаковое пространство культуры. М., 2002.

161. Плотникова 2004 – *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

162. Плотникова 2006 – *Плотникова А.А.* Этнолингвистические материалы из с. Теово в Македонии (область Велеса, регион Азот) // Исследования по славянской диалектологии. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. Вып. 12. М., 2006. С. 192-227.

163. Плотникова 2009 – *Плотникова А.А.* Покойницкие предметы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 124-127.

164. Плотникова 2009а – *Плотникова А.А.* Саван // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 526-527.

165. ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–.

166. Потебня 1865 – *Потебня А.А.* О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. II: Баба-Яга // Чтения в Императорском о-ве истории и древностей Российских при Московском университете. 1865. кн. 3.

167. Потебня 1989 – *Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989.

168. Потушняк 1938 – *Потушняк Ф.М.* Душа в народнім повір'ю села Осій // Науковий збірник Товариства «Просвіта». Ужгород, 1938. Роч. 13-14, С. 33-34.

169. Потушняк 1941 – *Потушняк Ф.М.* [Работы об оборотне «вовкуне», о змее, о зверях и птицах в народных представлениях украинцев Закарпаття.] // Литературна недѣля Подкарпатского общества наук (Ужгород), 1941, р. 1.

170. Потушняк 1942 – *Потушняк Ф.М.* [Работы о рождественском хлебе «крачуне», о растениях, о Пасхе, о яйце в народной культуре украинцев Закарпатья.] // Литературна недѣля Подкарпатского общества наук (Ужгород), 1942, р. 2.

171. Причитанья – Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым / Изд. подгот. Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. Т. 1-2. СПб., 1997.

172. Пропп 2002 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Москва, 2002.

173. Протић 1937 – *Протић Љ.* Неки обичаји око куповине, продаје и траме // Гласник етнографског музеја у Београду. Књ. 12. Београд, 1937. С. 40-60.

174. ПЭС – Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования / Отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1983.

175. Раденкович 1995 – *Раденкович Л.* Дурной глаз в народных представлениях славян // Живая Старина, 1995. №3(7).

176. Раденковић 1996 – *Раденковић Љ.* Символика света у народној магији Јужних Словена. Ниш, 1996.

177. Раичевић 1935 – *Раичевић С.* Обичаји о Мартинцима у Јужној Србији // Гласник Етнографског музеја у Београду, књ. 10. Београд, 1935. С. 54-61.

178. Расковник 1995 – Расковник. Часопис за књижевност и културу. Народна библиотека «Вук Караџић». Бр. 79-80. Београд, 1995.

179. Ристески 1998 – *Ристески Љ.* Митските представи на светот на мртвите во традиционалната култура на Македонците // *Studia Mythologica Slavica*. Ljubljana, 1998. №1. S.

180. РМЈ – Речник на македонскиот јазик со српскохватски толкувања / Ред. Б. Конески. I–III. Скопје, 1961–1966.

181. РКЖБН – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т.2. Ярославская губерния. Ч.1. Пошехонский уезд. СПб., 2006.

182. Романов – *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. 1-9. Киев, Витебск, Могилев, Вильна, 1886-1912.

183. РСКЈ – Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1967-1976. Књ. 1-6.

184. РСКНЈ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–. Књ. 1–.

185. Рябинина 2005 – *Рябинина Н.А.* Когнитивная модель восприятия в русском языке (на материале фразеологизмов с компонентами глаз, ухо, нос). - Томск. 2005.

186. Сабадош 2008 – *Сабадош І.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.

187. Садовников 1876 – *Садовников Д.* Загадки русского народа. СПб., 1876.

188. Сакар 2002 – Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково изследване. София, 2002.

189. Сахаров 1849 – *Сахаров И.* Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 7: Русская народная годовщина.

190. СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 3. Екатеринбург, 2005.

191. СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1–5. М., 1995–2012.

192. Седакова О. 1983 – *Седакова О.А.* Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 246-262.

193. Седакова О. 2004 – *Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

194. Седакова 2007 – *Седакова И.А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М., 2007.
195. Селиванов 1886 – *Селиванов А.* Этнографические очерки Воронежской губернии: Народные приметы и поверья // Воронежский юбилейный сборник. Воронеж, 1886. Т. 2. С. 69-115.
196. Сикимић 2006 – Сикимић Б. Етнолингвистика у Србији: од реконструкције културе до теренских истраживања // Свет речи 23-24. Београд, 2006 [2007]. С 37-42.
197. Сказки Господарева – Сказки Ф.И. Господарева / запись текста, вступ. статья и примечания Н.В. Новикова. Петрозаводск, 1941.
198. СМ – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
199. Соболевский – Великорусские народные песни / Изд. проф. А.И. Соболевским. Т. 1–7. СПб., 1895–1907.
200. СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1, 2. Пермь, 1999-2002.
201. Спространов 1900 – *Спространов Е.* Песни и обычаи периодически и религиозни. Г) Народни календари. 2. От Охрид // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. 16 и 17. II. Материали. София, 1900. С. 24-40.
202. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред А.С. Гердт. СПб., 1994-2005. Вып. 1-6.
203. Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1903. Т. 1-3.
204. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. М.; Л. (СПб.), 1965–. Вып. 1–.
205. СХРС – Сербскохорватско-русский словарь /Сост. И.И. Толстой. М., 1982.
206. Сэпир 1934 – *Сэпир Э.* Язык. М.; Л., 1934.

207. Тановић 1934 – *Тановић С.* Урок – уручовање. (Из околине Бевђелије) // Гласник Етнографског музеја у Београду, књ. 9. Београд, 1934.
208. Тешић 1988 – *Тешић М.* Народни живот и обичаји Пожешког краја. Пожега, 1988.
209. ТМКБ 2006 – Традиційная мастацкая культура беларусаў. Т. 3. Кн. 1. Гродзенскае Панямонне. Мінск, 2006.
210. Толстая М. 2012 – *Толстая М.Н.* Из карпато-южнославянских параллелей: поверья о первых весенних птицах // Заједничко у словенском фолклору: Зб. радова / Ур. Љ. Раденковић. Београд, 2012. С. 335-348.
211. Толстая 1988 – *Толстая С.М.* Зеркало в славянских народных обрядах и верованиях // Семиотика культуры. Тезисы Всесоюзной школы-семинара. Архангельск, 1988. С. 22-24.
212. Толстая 1994 – *Толстая С.М.* Зеркало в славянских народных верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 111-129.
213. Толстая 1995 – *Толстая С.М.* Время // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 448-452.
214. Толстая 1995а – *Толстая С.М.* Беременность, Беременная женщина // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 160-164.
215. Толстая 1996 – *Толстая С.М.* Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 89-103.
216. Толстая 1998 – *Толстая С.М.* Магические способы распознавания ведьмы // *Studia Mythologica Slavica*. Ljubljana, 1998. №1. С.141-152.

217. Толстая 1998а – *Толстая С.М.* Культурная семантика славянского **kriv-* // Слово и культура. Т. 2. М., 1998.

218. Толстая 1999 – *Толстая С.М.* Зеркало // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 321-324.

219. Толстая 2000 – *Толстая С.М.* Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 52-95.

220. Толстая 2000а — *Толстая С.М.* Мир живых и мир мертвых: формула сосуществования // Славяноведение, 2000. №6.

221. Толстая 2005 – *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. М., 2005.

222. Толстая 2008 – *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

223. Толстая 2009 – *Толстая С.М.* Покойник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 112–118.

224. Толстая 2010 – *Толстая С.М.* Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2010.

225. Толстая 2012 – *Толстая С.М.* Смерть // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2012. С. 58-71.

226. Толстая 2014 – *Толстая С.М.* Палитра чувств в зеркале языка // Rocznik sławistyczny. Т. LXIII. Warszawa, 2014. S. 129-144.

227. Толстой 1982 – *Толстой Н.И.* Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 41, № 5. 1982. С.397-405.

228. Толстой 1983 – *Толстой Н.И.* О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983. С.181-190.

229. Толстой 1995 – *Толстой Н.И.* Глаза и зрение покойников // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

230. Толстой 1995а – *Толстой Н.И.* Из «грамматики» славянских обрядов // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике М., 1995. С.63-78.

231. Толстой 2013 – *Толстой Н.И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Н.И. Толстой, С.М. Толстая. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М., 2013. С. 19-31.

232. Толстой, Толстая 1981 – *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. М., 1981.

233. Толстой, Толстая 1995 – *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Вторичная функция обрядового символа // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 167-184.

234. Толстой, Толстая 1995а – *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Вторичные функции обрядового символа // Язык и народная культура. Очерки по этнолингвистике. М., 1995. С. 167-184.

235. Толстой, Толстая 2013 – Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М., 2013.

236. Топорков 1991 – *Топорков А.Л.* Структура и функции сельского застольного этикета у славян // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 190-203.

237. Топоров 1997 – *Топоров В.Н.* Глаз // Мифы народов мира. Энциклопедия / Под ред. С.А. Токарева. М., 1997. Т.1.

238. Ђупић 1997 – *Ђупић Д., Ђупић Ж.* Речник говора Загарача. Београд, 1997 [Српски дијалектолошки зборник. Књ. XLIV].
239. Узенева 2010 – *Узенева Е.С.* Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М., 2010.
240. УДр – *Подюков И.А., Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Хоробрых С.В., Антипов Д.А.* Усольские древности. Традиционная культура русских конца XIX – XX вв. Усолье, 2004.
241. Уорф 1960 – *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 135-168.
242. Урысон 1998 – *Урысон Е.В.* Языковая картина мира vs. Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания, 1998. № 2. С. 3-22.
243. Урысон 2003 – *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.
244. Успенский 1982 – *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
245. Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. I–IV, М., 1964–1973.
246. Федоров – Фразеологический словарь русского литературного языка XVIII–XX вв. / Под ред. А.И. Федорова. Т. 1,2. Новосибирск, 1995.
247. ФСРГП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н.А. Ставшина. Сыктывкар, 2008.
248. Христофорова 2010 – *Христофорова О.Б.* Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010.
249. Хроленко, Завалишина 2005 – *Хроленко А.Т., Завалишина К.Г.* «Глаз» и «брови»: опыт кросскультурного исследования // Ученые записки Курского государственного университета. Серия: филологические науки. 2005. № 1(2). С. 107-117.

250. Цивьян 1978 – *Цивьян Т.В.* Аíδ- < *n-uid- и рефлексы этого образа на Балканах // Античная балканистика 3. Языковые данные и этнокультурный контекст средиземноморья. Предварительные материалы. М., 1978. С. 53-55.

251. Цивьян 1979 – *Цивьян Т.В.* Категория видимого/невидимого: балканские маргиналии // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 201-207.

252. Цивьян 1978а – *Цивьян Т.В.* «Дом» в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам, 10. Тарту, 1978. С. 65-85.

253. Цивьян 1990 – *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

254. Цивьян 2000 – *Цивьян Т.В.* Об одном классе персонажей низшей мифологии: «профессионалы» // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000.

255. Чалавек 2006 – Чалавек. Тэматычны слоўнік. Мінск, 2006.

256. Черванева 2014 – *Черванева В.А.* Как покойник «ходит»? Из наблюдений над лексикой физического восприятия в мифологическом тексте // *In umbra: Демонология как семиотическая система*. Вып. 3 / Отв. ред. и сост. Д.А. Антонов, О.Б. Христофорова. М., 2014. С. 315-339.

257. Черных – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1-2. М., 1994.

258. Чубинский – Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П.П. Чубинским. СПб., 1872-1878. Т. 1-7.

259. Шейн 1890 – *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1890. Т. 1. Ч. 1.

260. Шумов 1991 – Былички и бывальщины (старозаветные рассказы, записанные в Прикамье). / Сост. К. Шумов. Пермь, 1991.

261. Шумов 1993 – Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежити на овине, в избе и бане. / Сост. К. Шумов, Е. Преженцева. Пермь, 1993.

262. Экзюпери 1963 – *А. де Сент-Экзюпери. Маленький принц* / пер. с фр. Нора Галь. М., 1963.

263. ЭО – Этнографическое обозрение. Этнографический отдел Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. М., 1889–1916. Кн. 1-112.

264. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974–. Вып. 1–.

265. Языковая картина мира 2006 – Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006.

266. Яковлева 1994 – *Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. М., 1994.

267. Якушкина 2002 – *Якушкина Е.И. Оппозиции прямой – кривой и прямой – обратный и их культурные коннотации // Признаковое пространство культуры*. М., 2002. С. 163-183.

268. Ясинская 2011 – *Ясинская М.В. Визуализация невидимого: способы контакта с иным миром // Славянский и балканский фольклор. Виноградье. К юбилею Л.Н. Виноградовой*. М., 2011. С. 109-120.

269. Ясинская 2013 – *Ясинская М.В. «Света белого не видеть» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) // Славяноведение, № 2, 2013. С. 79-89.*

270. Ясинская 2013а – *Ясинская М.В. Визуальная магия: магическое действие смотреть сквозь // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. К юбилею С.М. Толстой*. М., 2013. С. 191-199.

271. Arch.Muz.Etn. – Archiwum Muzeum Etnograficznego w Krakowie.
272. Balara 1986 – *Balara M.* Na Spiszu. Obrzędy ludowe, opowieści i bajdy. Warszawa, 1986.
273. Baranowski 1981 – *Baranowski B.* W kręgu upiorów i wilkołaków. Łódź, 1981.
274. Barthel de Weydenthal 1922 – *Barthel de Weydenthal M.* Uroczne oczy. Lwów, 1922.
275. Bartmiński, Niebrzegowska-Bartmińska 2004 – *Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S.* Dynamika kategorii punktu widzenia w języku, tekście i dyskursie // Punkt widzenia w języku i w kulturze. Lublin, 2004. S. 321-358.
276. Bogusławski 1998 – *Bogusławski A.* Science as Linguistic Activity, Linguistics as Scientific Activity. Warszawa, 1998.
277. Bartoš 1892 – *Bartoš F.* Moravský lid. Sebrané rozpravy z oboru moravské lidovědy. Telč, 1892.
278. Biegeleisen 1929 – *Biegeleisen H.* U kolebki. Przed ołtarzem. Nad mogiłą. Lwów, 1929.
279. Dragičević 1896 – *Dragičević T.* Trudne žene a porod. a) Čega se čuva žena u Bosni dok je trudna // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Knj. 1. Zagreb, 1896. S. 195-198.
280. Engelking 2000 – *Engelking A.* Kłątwa. Rzecz o ludowej magii słowa. Warszawa, 2000.
281. Federowski 1897 – *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897.
282. Foster 1965 – *Foster G.M.* Peasant society and the image of limited good // *American Antropologist.* 1965. Vol. 67. №2.
283. Gustawicz 1881 – *Gustawicz B.* Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1881. T. 5. S. 102-186.

284. Horvátová 1986 – *Horvátová E.* Rok vo zvykov našho ľudu. Bratislava, 1986.
285. Hruška 1907 – Dialektický slovník chodský. Jan František Hruška. Praga, 1907.
286. HSSJ – Historický slovník slovenského jazyka, 1991-2008, red. M. Majtán, I-VII, Bratislava.
287. JOŚ – Językowy obraz świata / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1990.
288. Keber 2011 – *Keber J.* Slovar slovenskih frazemov. Ljubljana, 2011.
289. Kolberg DW – *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań, 1961–1985. T. 1-60.
290. Komorovský 1976 – *Komorovský J.* Tradičná svadba u Slovanov. [Bratislava], 1976.
291. Kopečný 1960 – *Kopečný F.* Slovanské zěnica // *Slavia*, XXIX. Praha, 1960. S. 185-192.
292. Kotula 1976 – *Kotula F.* Znaki przeszłości. Odchodzące ślady zatrzymać w pamięci. Warszawa, 1976.
293. Krawczyk-Tyrpa 1987 – *Krawczyk-Tyrpa A.* Frazeologia somatyczna w gwarach polskich. Związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych cechami części ciała. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, 1987.
294. Kuret 1970 – *Kuret N.* Praznično leto Slovencev. Starosvetne šege in navade od pomladi do zime. D. 4: Zima. Celje, 1970.
295. Lokar 1937 – *Lokar J.* Lovsko-ribiški slovar. Ljubljana, 1937.
296. Mencej 1997 – *Mencej M.* Voda v predstavah starih Slovanov o posmrtnem življenju in šegah ob smrti. Ljbljana, 1997.

297. Mencej 2006 – *Mencej M.* Coprnice so me nosile. Raziskava vaškega čarovništva na podeželju vzhodne Slovenije ob prelomu tisočletja. Ljubljana, 2006.
298. Mencej 2013 – *Mencej M.* Sem vso noč lupal v krogu. Simbolika krožnega gibanja v evropski tradicijski kulturi. Ljubljana, 2013.
299. Möderndorfer 1948 – *Möderndorfer V.* Verovanja, uvere in običaji Slovencev. Narodopisno gradivo. T. 2: Prazniki. Celje, 1948.
300. Möderndorfer 1964 – *Möderndorfer V.* Ljudska medicina pri Slovencih. Ljubljana, 1964.
301. Moszyński 1967– *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. Kultura duchowa. T. 2, cz. 1.
302. Niebrzegowska-Barmińska 1996 – *Niebrzegowska-Bartmińska S.* Polski sennik ludowy. Lublin, 1996.
303. Niebrzegowska-Barmińska 2008 – *Niebrzegowska-Barmińska S.* Wzorce tekstów ustnych w perspektywie etnolingwistycznej. Lublin, 2008.
304. NKPP – Nowa Księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich / W oparciu o dzieło Samuela Adalberga / Red. J. Krzyżanowski, S. Świrko. Warszawa, 1969–1978. T. 1–4.
305. Nycz 1977 – *Nycz R.* Oko i dłoń pisarza. Próba interpretacji dzieła Leopolda Buczkowskiego // *Teksty*, № 3. S. 34–49. 1977.
306. Pełka 1987 – *Pełka Ł.* Polska demonologia ludowa. Warszawa, 1987.
307. Pleteršnik – *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. I-II. Ljubljana, 1894-1895.
308. PSJP – Popularny słownik języka polskiego / Oprac. E. Sobol. Warszawa, 2001.
309. Siarkowski 1885 – *Siarkowski W.* Materiały do etnografii ludu polskiego z okolic Pinczowa. Cz. 1 // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*. Kraków, 1885. T. 9. S. 3–72.

310. Siatkowski 2009 – *Siatkowski J.* Słowiańskie nazwy ‘oczu’ w świetle materiałów gwarowych i źródeł historycznych // Poznańskie Spotkania Językoznawcze. XVIII. Z wdzięcznością o Profesorze Władysławie Kuraszkiwiczu, pod red. J. Migdał i S. Mikołajczaka. S. 99-106. Poznań, 2009.
311. Siatkowski 2010 – *Siatkowski J.* Słowiańskie nazwy ‘żrenicy’ w świetle materiałów gwarowych i źródeł historycznych // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. XLV. Warszawa, 2010. S. 143–174.
312. Siatkowski 2012 – *Siatkowski J.* Żrenica // Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach. Warszawa 2012. S. 61-86.
313. Sikimić 1996 – *Sikimić B.* Etimologija i male folklorne forme. Beograd, 1996.
314. Słownik gwar polskich 1994 – Słownik gwar polskich. T. V, Z. 1. Krakow, 1994.
315. SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970–1991 (<http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html>).
316. SSN – Slovník slovenských nářečí / Red. I. Ripka. Bratislava, 1994–.
317. SSSL – Słownik stereotypów i symboli ludowych / Red. J. Bartmiński. Lublin, 1996 (Cz. 1); 1999 (Cz. 2); 2012 (Cz. 3; Cz. 4).
318. Stelmachowska 1933 – *Stelmachowska B.* Rok obrzędowy na Pomorzu. Toruń, 1933.
319. Sychta – *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. T. 1–7.
320. Szukiewicz 1903 – *Szukiewicz W.* Wierzenia i praktyki ludowe (zabobony, przesady, wróżby i t.d.), zebrane w gubernji wileńskiej // Wisła. T. 17. Warszawa, 1903.
321. Tomiccy 1975 – *Tomiccy J. i R.* Drzewo życia (ludowa wizja świata i człowieka). Warszawa, 1975.
322. VSRS – Veľký slovensko-ruský slovník. Diel I-VI. Большой словацко-русский словарь. T. I-VI. Bratislava, 1979-1995.

323. Vukanović 1986 – *Vukanović T.* Srbi na Kosovu. Vranje, 1986. T. 2.
324. Wierzbicka 1992 – *Wierzbicka A.* Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York; Oxford, 1992.
325. Wójcicki 1837 – *Wójcicki K.* Klechdy, starożytne podania i powieści ludu polskiego i Rusi. T. 1. Warszawa, 1837.
326. Wójcicki 1876 – *Wójcicki K.* Klechdy, starożytne podania i powieści ludowe. Warszawa, 1876.
327. Záturecký 1965 – *Záturecký A.P.* Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Bratislava, 1965 (http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1439/Zaturecky_Slovenske-prislovia-porekadla-a-uslovia-Ludsky-rozum/1).
328. Zawisławska 2000 – *M. Zawisławska.* Czasowniki percepcji wzrokowej a procesy mentalne // Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne. Warszawa, 2000. Cz. 1. S. 305-315.

Приложение.
Лексический указатель

- андроны* (рус.) 34
аршать (рус.) 85
балайки (рус.) 33
балы (рус.) 33, 34
бачити (укр.) 72, 144
бачить (рус.) 87
бачыць, бачиць, бачыты (полес., белорус.) 109, 144, 158, 170, 175, 177, 182, 194, 195
безики (белорус.) 34
безочный (рус.) 41
бела помана (серб.) 156
белоглазый (рус.) 41, 54, 68, 186
белок (рус.) 25
белокон (рус.) 41
белоши (рус.) 54
белуток (рус.) 54
белушина (рус.) 54
белыш (рус.) 39, 54
бель (рус.) 54
бельма, бельмы (рус.) 33, 34, 97
бельмакі (рус.) 33
бельмо (рус.) 25
бельмушки (рус.) 33
бельтешитсья (рус.) 211
бельтюшки (рус.) 33
беньки (рус.) 34
беснить(ся) (рус.) 213
бечити се (серб.) 85
бізікі (рус.) 33
бијела (серб.) 46
блажнить(ся) (рус.) 212
блазень (рус.) 216
блазна (рус.) 217
блазневка (рус.) 217
блазнеть (рус.) 217
блазни (рус.) 216
блазнити (др.-рус.) 214
блазнить(ся) (рус.) 207, 209, 211, 212, 213, 214, 216
блазновать(ся) (рус.) 213
блазнота (рус.) 216
блазнушка / блазнушко / блазнюшко (рус.) 217-218
блазнь (рус.) 209, 217
блазня (рус.) 213, 217
блеснутсья (рус.) 138
большеглаз (рус.) 54
большеглазиться (рус.) 85
брэжжась / брэжжить (рус.) 211
брови (рус.) 25
бруситься (рус.) 212, 213

- брыздать (рус.) 207
 буздылы (рус.) 34
 булыглазить (рус.) 85
 булындыши (рус.) 34
 булычи (рус.) 34
 булыши (рус.) 33, 34
 буравы (рус.) 34
 буренышки (рус.) 34
 буркаластый (рус.) 54
 буркалить (рус.) 85
 буркалки (рус.) 33
 буркать (рус.) 85, 86
 буркулы (рус.) 34
 бутуситься / бутуситься (рус.) 85
 быркалы (рус.) 34
 бырлы (рус.) 34
 быстроглазый (рус.) 54, 86
 в очью (рус.) 43
 вандыши (рус.) 33
 Вася-мигало (рус.) 54
 вглядиться (рус.) 85
 веко, веки (рус.) 25, 53
 верженки (рус.) 209, 217
 верзить(ся) / вержить(ся) / вражиться / воржиться (рус.) 91, 107, 209, 210
 вертоглазик (рус.) 54
 вертоглазый (рус.) 54
 верхогляд (рус.) 54
 вершить (рус.) 85
 вестеглазый (рус.) 54
 взариваться (рус.) 85
 взгляд (рус.) 86 и далее
 бегающий взгляд (рус.) 94, 95, 128
 бросить взгляд (рус.) 87, 88
 буравить взглядом (рус.) 34
 взгляд не оторвать от чего-либо (рус.) 88
 взгляды прикованы к чему-либо (рус.) 88, 92
 говорящий взгляд (рус.) 91
 дикий взгляд (рус.) 94, 134
 кинуть взгляд (рус.) 88
 красноречивый взгляд (рус.) 91
 метать взгляды (рус.) 88
 пожирать взглядом (рус.) 86
 уничтожающий взгляд (рус.) 91
 хмурый взгляд (рус.) 94
 взгляdistый (рус.) 84
 взглядище (рус.) 83
 взглядный (рус.) 84
 взглядывать(ся) (рус.) 85
 взерцатися (рус.) 85
 взетить (рус.) 85
 взирать (рус.) 85

- взор потухший (рус.) 49
 взористый (рус.) 84
 взорный (рус.) 146
 взрачный (рус.) 84
 взыриться (рус.) 85
 вид (макед., рус.) 143, 148
 видело (макед., болг.) 155, 228
 бело видело (макед.) 155, 159
 бъло видело (болг.) 228
 виденье (*виденьё*) (рус.) 34
 видети (серб.) 144
 видеть (рус.) 22, 82, 109, 142, 143, 144, 145, 146
 видеть не могу (рус.) 84
 видеться (рус.) 121, 221
 видины (рус.) 34
 видкой (рус.) 107
 видка (рус.) 146
 видки (*видок*) (рус.) 89
 видкий (рус.) 108
 виднеть(ся) (рус.) 22, 26, 48
 видный (рус.) 84
 видовитый (рус.) 84
 видучий / *видущий* (рус.) 146
 выдычий (рус.) 124
 видюхи (рус.) 34
 виждам (болг.) 144
 вижи (рус.) 34
 возголомениться (рус.) 210
 воззреть (рус.) 85
 воко (укр.) 42
 воочию (рус.) 33
 вочка (белорус.) 36
 вочки (полес.) 77
 вочный (бел.) 44
 вочы (белорус.) 31, 108, 152, 161
 впадати / впасти в око (в очі) (укр.) 107
 запарушанае вока (белорус.) 170
 кідацца у вочы (белорус.) 108
 падаць у вочы (белорус.) 108
 у вока упасці (белорус.) 83
 временить(ся) (рус.) 212
 втемежиться (рус.) 210
 възглед (болг.) 88
 выглянуть (рус.) 94
 вылупиться (рус.) 34
высматривать (о незакрытых глазах покойника) (рус.) 56
 вѣпуки (рус.) 33, 34
 гизюкі (белорус.) 34
 глаз (рус.), *глаза́, гла́зы* (рус.) 22, 31 и далее
 берестяные глаза (рус.) 68
 бесстыжие глаза (рус.) 54

бить в глаза (рус.) 107, 138
 Бог глаза закрыл (рус.) 155
 бросаться в глаза (рус.) 22, 107, 138, 210
 в глазах казалось (рус.) 219
 в глазах потемнело (рус.) 219
 в глазах света нет (рус.) 149
 в четыре глаза (рус.) 40
 вбирать глаза (рус.) 107
 вглубнуть глаза (рус.) 85
 веселые глаза (рус.) 54
 взбросить глазами (рус.) 85
 волчий глаз (рус.) 40
 вороний глаз (рус.) 41
 вставить глаза (рус.) 147
 встrelить в глаза (рус.) 107
 вторгнуться в глаза (рус.) 107
 выплакать все глаза (рус.) 50
 глаз наметан (рус.) 30
 глаз не кажет (рус.) 40
 глаз не сводить (рус.) 119
 глаз с навесом (рус.) 124
 глаз сломить (рус.) 138
 глаза б не глядели / не смотрели на что-либо (не видели что-либо) (рус.) 45, 120
 глаза выпучить (рус.) 33
 глаза вытекли (рус.) 49, 51
 глаза завешало (рус.) 155
 глаза завязать (рус.) 221
 глаза лгут (рус.) 55
 глаза на мокром месте (рус.) 50
 глаза опрокинулись (рус.) 74
 глаза попонкой завернуть / занавесить / задернуть (рус.) 155
 дикий глаз (рус.) 124
 для отвода глаз (рус.) 137
 дурной глаз (рус.) 124, 128, 129
 дурны глаз (белорус.) 124
 есть глазами (рус.) 50, 86, 131
 за глаза (рус.) 40, 43
 закрывать (скот) (рус.) 199-200
 закрывать глаза на что-то (рус.) 147
 заливать глаза (рус.) 160
 замазывать глаза (рус.) 26, 160
 засорить глаза (рус.) 26, 159
 затуманивать глаза (рус.) 219
 злой глаз (рус.) 124
 колоть глаза (рус.) 160
 лезть в глаза (рус.) 107, 137
 лживые глаза (рус.) 54
 метаться в глаза (рус.) 107
 мозолить глаза (рус.) 30
 на глаза плотно надеть (рус.) 55
 на леву сторону глаза выворачивать (рус.) 74

- на чужую кучу глаза пучить* (рус.) 86
наострить глаза (рус.) 30
накованный глаз (рус.) 124
нехороший глаз (рус.) 124
опустить / потупить / поднять глаза (рус.) 53
отводить глаза (рус.) 26, 137, 188, 219
открытые глаза (рус.) 54
открыть глаза на что-либо (рус.) 147
павлиний глаз (рус.) 41, 78, 227
по глазу (рус.) 82, 83
поздороваться глазами (рус.) 91
положить глаз (рус.) 83, 88
попрощаться глазами (рус.) 91
прийтись по глазу (рус.) 83
проглядеть все глаза (рус.) 143
продавать глаза (рус.) 85
прочитать в глазах (рус.) 55
прочищать глаза (покойнику) (рус.) 26
пускать пыль в глаза (рус.) 160
пьяные глаза (рус.) 54
разметать глаза покойникам (рус.) 159
резать глаза (рус.) 138
роковой глаз (рус.) 124
с глаз долой, с сердца вон (рус.) 83
с теми же глазами (рус.) 128
словно на глаза плотно надеть (рус.) 154
спросить у глаз (рус.) 91
тупые глаза (рус.) 30
умереть – только глаза запереть (рус.) 155
худой глаз (рус.) 124
честные глаза (рус.) 54
чортовы глаза (полес.) 124
глазасто (рус.) 108
глазастый (рус.) 108
глазелец (рус.) 36
глазельцо (рус.) 36
глазельчик (рус.) 36
глазик (рус.) 41, 44
 анютины / анюткины глазки (рус.) 44, 78, 227
 васюткины глазки (рус.) 43
 веселые глазки (рус.) 43
глазина (рус.) 42
глазка (белорус.) 36
глазко (рус.) 42
глазливый (рус.) 25, 123, 124
Глазна река (макед.) 33
глазник (рус.) 42
глазнички (рус.) 41
глазной (рус.) 44
глазовина (рус.) 42
глазок (рус.) 41, 42, 43, 51

лазопял (рус.) 86
лазоутешный (рус.) 84
лазъ (др.-рус.) 32
лазъкъ (др.-рус.) 32
гледац (серб.) 35
гледельце (рус.) 39, 44
гледелька (серб.) 35
гедиште (серб.) 88
гедище (болг.) 88
глеца (серб.) 35
глумить(ся) (рус.) 205, 207, 2113, 214, 215, 216
гляданки (рус.) 122
гляделки (рус.) 35
гляденец (рус.) 35
глядеть (рус.) 116, 120, 132, 146
 глядеть не наглядеться (рус.) 132
 выбирай, что на тебя глядит / смотрит (рус.) 83
 у той бок не глядзецъ (бел.) 84
глянуться (рус.) 83
голубоглазый (рус.) 54
гребтеть (рус.) 212
грезить(ся) (рус.) 207, 213, 214, 215
гриждиться (рус.) 212
гризить (рус.) 214
двоеглазки 167
дековать(ся) (рус.) 207, 213, 215, 216
дете (макед.) 36
детенце (макед.) 36
дивляти (укр.) 104
дивный (рус.) 82
диво (рус.) 82
дивовать(ся) (рус.) 82
дивить(ся) (рус.) 77
дозирать (рус.) 116
дозорить (рус.) 116
дывица (полес.) 95
дядечко (укр.) 36
жабоплёвина (рус.) 187
жабьи плевки (рус.) 187
жёлтая вода (рус.) 76
завидост (серб.) 124
загледачи (серб.) 122
заглядённый / заглядённый (рус.) 82
заглядимчик (рус.) 83
заглядимый (рус.) 82
загляжённый (рус.) 84
заглянуться / заглянуться (рус.) 83
ззор (серб.) 124
замерещиться (рус.) 212
запомнититься (рус.) 214
запритчиться (рус.) 216

- зарек* (болг., макед.) 123
зарок (белорус.) 35
зáроци (болг.) 123
заслеплять (полес.) 189
затемнен (рус.) 147
затуманен (рус.) 147
здрічко (укр.) 37
здрічок (укр.) 37, 38
здрав (укр.) 38
здручок (укр.) 35
зéкалки (рус.) 33
зѣница (ст.-слав.) 35
зеница (рус., серб.) 44, 51, 115, 228
 беречь как зеницу ока (рус.) 33, 44, 228
 пазя го ката зеницата на окото си (болг.) 44
 соглядеть как зеницу ока (рус.) 116
 сохранити яко зеницу ока (ст.-слав.) 44
зенка (белорус.) 35
зénки (рус.) 33, 34, 51
 зенки выкатил (рус.) 33
 зенки вылезли (рус.) 46
зенок (рус.) 35
зер (белорус.) 149
зеркальце (рус.) 39, 44
зернетко / зернятко (рус.) 36
зинуть (рус.) 96
зінька (укр.) 35
зириться (рус.) 215
зір (укр.) 88, 149
зірниця (укр.) 35
злоок (серб.) 125
злоочник (рус.) 124
значок (рус.) 36
зорёк (рус.) 35
зорить (рус.) 85, 119
зорочок (белорус.) 35
зрілко (лемк.) 35
зрічко (укр.) 37
зрак (макед.) 35
зрачко (рус.) 35
зрачок (рус.) 25, 35
зрелко (белорус.) 35
зрение (болг.) 148
 зрение утекло (полес.) 155
 запирать зрение (рус.) 188, 219
зреньце (рус.) 143
зреть (рус.) 39, 85
зречка (укр.) 37
зрить(ся) (рус.) 85
зрно (макед.) 36
зрнице (макед.) 36

зрок (белорус.) 149
 зрочок (укр.) 35
 зря (рус.) 86
 зрячий (рус.) 146
 зрячая вода (рус.) 50
 зряшина (рус.) 86
 зряиный (рус.) 86
 зряще (рус.) 86
 зяпки (белорус.) 34
 зърно (болг.) 36
 изумляться (рус.) 213, 216
 изурочить (рус.) 125, 139
 казаться (рус.) 22, 26, 205, 206
 казистый (рус.) 84
 корзенье (рус.) 209
 корзиться (рус.) 26, 209, 216
 короглазина (белорус.) 38
 косоглазие (рус.) 25
 косой (рус.) 73, 86, 128
 косыга (рус.) 54
 кривак (рус.) 54
 кривой (рус.) 43, 59, 70, 71, 86, 87
 лупыши (рус.) 33
 лунить / лунеть (рус.) 39
 лунок (рус.) 39
 лунь (рус.) 39
 лупы (рус.) 34
 лялечка / лялячка (белорус.) 36
 мальчик (белорус.) 38
 малавить (рус.) 214
 малица (с.-хорв.) 36
 мальчик(и) (рус.) 14, 38, 62
 мальчики в глазах (бегают) (рус.) 14, 38
 мана (рус.) 219
 напускать ману (рус.) 219
 манить (рус.) 213, 218
 мануть (рус.) 214
 манькать (рус.) 211
 манья (рус.) 217
 маньяк (рус.) 217
 мара (рус.) 217
 наводит мару (мороку) (рус.) 219
 маракосить (рус.) 211
 марить (рус.) 219
 матуситься (рус.) 207
 маячить(ся) (рус.) 26, 211
 мельзить (рус.) 207
 мерек (рус.) 217
 мерекать (рус.) 215
 мерет (рус.) 217
 мерещиться (рус.) 22, 26, 209, 211

- метить(ся)* (рус.) 210
метлесить(ся) (рус.) 211
метуситься (рус.) 211
мленье (рус.) 217
млилко (рус.) 217
млиться (рус.) 26, 209, 215
мниться (рус.) 215
молавить (рус.) 207
моргалы (рус.) 33, 34
морок(а) (рус.) 209, 219
 наводит морок (рус.) 219
морочить (рус.) 26, 145, 209, 219
мрачить(ся) (рус.) 211, 213, 215
мстить(ся) (рус.) 209, 211, 212
муташиться /мутошиться (рус.) 211
на загляденье (рус.) 84
навидѣти (др.-рус.) 84
наводит обаяние (рус.) 219
навидеться (рус.) 84
навидити ся (укр.) 84
наглядеться про запас (рус.) 120
намститься (рус.) 212
начать (рус.) 214
ненавидеть (рус.) 22, 84, 119
ненаглядный (рус.) 22, 119, 132
одноглазый (рус.) 68
озев (рус.) 124
озерко (рус.) 39
озорок (рус.) 35
озорочек (рус.) 35
окати (серб.) 151
окно (рус.) 33, 51
око (рус., др.-рус., серб.) 31 и далее
 грдо око (серб.) 124
 има лукаво око (с.-хорв.) 86
 криво око (серб.) 124
 лоше око (очи) (серб.) 124
 око за око (рус.) 33
окоём (рус.) 89
омайване (болг.) 124
омрачать (рус.) 219
опризорить (рус.) 125
ослепительно (рус.) 84
ослепить (рус.) 26
осмотр (рус.) 122
отемнеть (рус.) 149
очи (укр.) 31 и далее
очи (болг., макед., серб.) 31, 46 и далее
 брати очи (на себе) (укр.) 108
 в очах чоловічки догори ногами стали (укр.) 62
 вбирати (в себе) очи (укр.) 108

- далеко од очију, далеко од срца* (серб.) 83
зле очи /зли очи (серб.) 124
змијски очи (болг.) 124
микуляти очима (укр.) 95
набігати/ набігти на очі (укр.) 107
омайни очи (болг.) 124
опустить очи долу (рус.) 33
остри очи (серб.) 124
очи царские (рус.) 43
пагани очи (белорус.) 124
пакосне очи (серб.) 124
предстать пред светлые очи (рус.) 33
се пукват очите (болг.) 57-58
силни очи (серб.) 124
слаби очи (болг.) 148-149
спадати, спасти на очі (укр.) 107
туманить очи (рус.) 219
очебиен (болг.) 44
очеболь (др.-рус.) 32
очевидец (рус.) 33
очевидно (рус.) 33, 40
очевидный (рус.) 33, 43, 44
очевисто (очивѣсто) (др.-рус.) 32
очивѣсть (др.-рус.) 32
очёк (рус.) 43
очен (болг.) 44
очернить (рус.) 149
очивисть (др.-рус.) 32
очимый (рус.) 42
очки (рус.) 42
очко (рус.) 41, 43, 51
очковый (рус.) 43
очный/заочный (рус.) 33, 44
очько (др.-рус.) 43
очьныи (др.-рус.) 32
очьце (др.-рус.) 43
падиў (полес.) 124
падумы (полес.) 124
побачити, побачыть (полес.) 177, 194
поблазнуться (рус.) 217
побрезжить (рус.) 211
повидеться (рус.) 215
поглазиться (рус.) 215
поглед (болг., серб.) 88
 кос поглед (серб.) 86
 поглед кривим оком (серб.) 87, 124
 лош поглед (серб.) 124
 рђав поглед (серб.) 124
погляд (рус., укр.) 88, 122
погляденье (рус.) 122
поглядища (болг.) 124

поглядушки (рус.) 122
 поглянуться (рус.) 83, 215
 подаваться (рус.) 210
 подекатся (рус.) 216
 подеяться (рус.) 214
 подив (полес.) 124
 подивок (полес.) 124
 подуманэ (полес.) 124
 подуми (полес.) 124
 позаочный (рус.) 42
 позірк (белорус.) 88
 позоряне (рус.) 122
 показывать (рус.) 22
 показывать чертей (рус.) 26
 показаться /показываться (рус.) 83, 210
 помеледиться (рус.) 207
 померещиться (рус.) 212, 214
 померити (серб.) 140
 помитуситься (рус.) 211
 помишуриться (рус.) 207
 помститься (рус.) 214
 поначиться (рус.) 214
 попритчиться (рус.) 215, 216
 посиститься (рус.) 207
 потимиться (рус.) 207
 потрафляться (рус.) 214
 похимаститься (рус.) 207
 почуди (болг.) 124
 почудица (болг.) 124
 почудиться (рус.) 215
 почудиште (макед., серб.) 124
 предвидеть (рус.) 168
 представляться (рус.) 210
 преставляться (рус.) 210, 211
 привег (серб.) 156
 приверзиться (рус.) 212
 привидеться (рус.) 205, 215, 217
 приводиться (рус.) 210
 приглядеться (рус.) 83
 приглядный (рус.) 84, 119
 приглянуться (рус.) 83
 придаться /придаваться (рус.) 210
 призириться (рус.) 215
 призор (рус.) 124
 прикос (рус.) 124
 прикохнуть (рус.) 207
 примаўка (укр.) 124
 примовки (белорус.) 124
 припритчить(ся) (рус.) 214
 присдаваться (рус.) 210
 пристрек (укр.) 124

притка (укр.) 124
притоманиться (рус.) 211
притча (укр.) 124
причињавати се (серб.) 215
пришавиться (рус.) 212
провидеть (рус.) 155
прозор (серб.) 51
прозорец (болг.) 51
промерити (герцеговин.) 125
промерние (герцеговин.) 124
проморгать (рус.) 35
просвещать (рус.) 147
пычки (рус.) 34
пялиться (рус.) 34, 135
пялы (белорус.) 34
рајска свећа (серб.) 156
ресницы (рус.) 25
рок (серб.) 123
світыны (гуцул.) 156
светлост (болг., серб.) 49, 156
 извести на светлост (серб.) 156
свет (рус.) 149 и далее
 свет вышел (рус.) 149
 свет из глаз выкатился (рус.) 149
 свет теряется / потерялся (рус.) 49, 149
светла (белорус.) 149
сглаз (рус.) 22, 50, 68, 74, 92, 104, 123, 124, 125
сглазить (рус.) 124, 125
сдаваться (рус.) 208, 210
слепак (серб., черногор.) 153
слепая любовь (рус.) 84, 186
слепе (серб.) 151
слепило (серб.) 149
слепић (серб., черногор.) 153
слепой (рус.) 59, 223, 229
слепота (рус., болг.) 149
смотреть (рус.) 22, 80 и далее
 смотреть не хочется (рус.) 84
 смотреть волком (рус.) 120
смотрины (рус.) 122
смотроки (рус.) 122
соглядать (рус.) 116
суботњак (серб.) 168
сурóцы (белорус.) 123
съботник (болг.) 168
тёмная вода [в глазах разлилась] (рус.) 76
темничар / тъмничар (макед.) 149
темно, хоть глаз выколи (рус.) 150
темноглазый (рус.) 54
тёмной / темный (рус.) 147, 149, 229
угланчики в глазах (бегают) (рус.) 38

- углеђани (серб.) 122
 углядеть (полес.) 175
 удивительный (рус.) 82
 удивление (рус.) 82
 удивляться (рус.) 82
 узрочнасць (белорус.) 149
 уреснице (серб.) 124
 уречи (серб.) 125
 урóк (рус.) 114
 урóки (рус., укр., белорус.) 123
 ўроки (болг.) 123
 ўроци (болг.) 123
 урóчица (укр.) 123
 урок (макед., серб.) 123
 урочак (серб.) 123
 урочливый (рус.) 25, 68, 123, 124, 125
 урук (серб.) 123
 уставиться (рус.) 135
 црни пост (серб.) 156
 црнка (макед.) 36
 црно (макед.) 36
 црнице (макед.) 36
 черныш (рус.) 36
 чёрныш (рус.) 36
 чёрнышко (рус.) 36
 чёртыш (рус.) 62
 чилавечки (рус.) 61
 чинилица (рус.) 215
 чинити се (серб.) 215
 човајчка (макед.) 36
 човече (макед.) 36
 чоловічок (укр.) 36, 37, 38
 чуди (серб.) 124
 чудиться (почудиться) 215
 чудь белоглазая (рус.) 68, 186
 чулу'вічок (укр.) 37
 шары (рус.) 33, 66
 шары выкатить (рус.) 33
 ядрышко (рус.) 36
 akan (арм.) 33
 babka (словац.) 36
 bač-i-tь 81
 biť do očí (словац.) 108
 blázen (чеш.) 216
 blázn (в.-луж., н.-луж.) 216
 *blazněti / *blazniti (se) 207
 bláznу (в.-луж.) 216
 blázon (словац.) 216
 brzydki weźrok (пол.) 123
 brzydkie oczy (пол.) 124
 *čelověkь 37

'černo (хорв.) 36
čočka (чеш.) 36
čoło'v'ečok (белорус.) 36
čorne (луж.) 36
ču'leče (болг.) 36
człowieczek (пол.) 37
da'nica (серб.) 36
**de(ja)ti* 215
deklica (хорв.) 36
děčlica (словен.) 36
**dėkovati(se)* 208
div-a-j-e-tь se 80
div-e-tь se 80
div-i-tь se 80
dogładać (bydło, dzieci) (пол.) 116
gałka (пол.) 36
gauy (пол.) 34
gl'a'di: (хорв.) 35
**glaz-* 31, 40, 41, 42, 44
glaz (пол.) 33
glazik (пол.) 33
**ględati* 35
glē:di (хорв.) 35
ględ-a-j-e-tь 80
ględalko (н.-луж.) 35
gledanje (словен.) 88
glede'lec (болг.) 35
ględ-i-tь 81
ględ-j-e-tь 81
grēizs (латыш.) 208
gvjōzda (пол.) 36
halottlátó (венг.) 168
hlagančko (в.-луж.) 35
hlazec (ст.-чеш.) 33
ћорави (серб.) 151
jabłko (кашуб.) 36
jabłuszko (кашуб.) 36
jagoda (кашуб.) 36
jagódka (кашуб.) 36
**kazati (se)* 205
kropka (кашуб.) 36
kryńica (пол.) 36
kuk-a-j-e-tь se 81
lalka (пол.) 36
lalko (словац.) 36
liche oczy (пол.) 124
**metati* 88
muži:ček (чеш.) 36
mužiček (чеш.) 38
**mōžičьkь* 38
nawidzieć (пол.) 84

- nazor* (словен.) 88
oči (словац., хорв., чеш.) 31
morské oči (словац.) 41
oczy (пол.) 31
(pierwszy) rzut oka (пол.) 88
co z oczu, to i z myśli /pamięci (пол.) 83
čo oči nevidia, srdcu nežial' (словац.) 83
čo oči nevidia, to srdce nebolí (словац.) 83
morskie oko (пол.) 42
niedobre oczy (пол.) 124
oči (словен., чеш., словац., хорв.) 31, 41, 83, 85, 108, 124
oči so počivale na čem (словен.) 85
oczy do czarta (пол.) 129
oczy się odewrzą (пол.) 147
otworzyć komuś oczy (пол.) 147
pasti oči na čem (словен.) 85
pasti v oči (словен.) 108
poškodne oči (словен.) 124
przyroczone oczy (пол.) 62, 124
przyrokliwe oczy (пол.) 124
škodljive oči (словен.) 124
strupene oči (словен.) 124
sumljive oči (словен.) 124
ucorzne oczy (пол.) 124
urokliwe oczy (пол.) 124
vreči oko na koga / kaj (словен.) 83
wpaść w oko komuś (пол.) 83
zalit oci (чеш.) 56
złe oczy (пол.) 88, 124
ogle'dačka (серб.) 35
**ok-* 31, 32, 40, 41, 42, 44
oko (словен., словац.) 41, 42, 83, 124,
**okъno* 33
panička (словац.) 36
panienka (пол.) 36
**patriti* 35
patr-i-tъ sę 81
patr-j-a-j-e-tъ 81
patrolka (пол.) 35
patronka (пол.) 35
patrzaczka (пол.) 35
patrzydelko (пол.) 35
patrzydłko (пол.) 35
patrzydło (пол.) 35
paźmin 'łuski' spadnie z oczu (пол.) 147
pogląd (пол.) 88
pogled (словен.) 88
zli pogled (словен.) 124
po-ględ-a-j-e-tъ 81
popka (словац.) 36
po-sъ-motr-i-tъ 81

po-zir-a-j-e-tъ se 81
przyroczyć (пол.) 125
przyrok (пол.) 123
ru:pca (словен.) 36
pul-e-tъ 81
pul-i-tъ 81
punčica (словен.) 36
punčka (словен.) 36
punkt (кашуб.) 36
rupela (пол.) 36
ruścić na kogo uroki (пол.) 125
rupka (кашуб.) 36
rupka (словен.) 36
rzucać się w oczy komuś (пол.) 108
rzucić urok (пол.) 125
ślepa (пол.) 34, 131
jeść ślepiami (пол.) 131
ślepie (пол.) 45
ślepotą (пол.) 149
ślepoty (словен., чеш.) 149
spojrzenie (пол.) 88
съ-motr-i-tъ 81
съ-po-ględ-a-j-e-tъ 81
**slěp-* 77, 149
**съmotrěti/ *съmotriti/ *motriti* 89
urak (словен.) 123
urok (пол., чеш.) 123
dać urok (пол.) 125
zadać urok (пол.) 125
uroki (словен.) 123, 125
urzec (пол.) 123, 125
urzek (пол.) 123
vid (словен., с.-хорв.) 148
vidět (чеш.) 144
videti (словен.) 144
vidieť (словац.) 144
vid-i-tъ 81
vid-j-a-tъ 81
**viděti* 35
vid- 81, 82
**vid-* 144
vürok (словен.) 123
въ-zir-a-j-e-tъ se 81
weźrok (пол.) 123
widzec (кашуб.) 144
widzeńčko (луж.) 35
widženjo (луж.) 35
widzeńko (луж.) 35
widziadko (пол.) 35
widziadło (пол.) 35
widzieć (пол.) 52, 144, 146

- widzieć kogo /co oczami duszy* (пол.) 52
window (англ.) 33
woči (в.-луж.) 31
woč'ko (укр.) 36
wócy (н.-луж.) 31
wydaje mi się (пол.) 210
wypatruje/ wypatrzy oczy (пол.) 143
wyźrzy oczy (пол.) 143
wzrok (пол.) 88, 125, 149
zajrzec, zajrzeć (пол.) 125, 131
zaziory (ст.-пол.) 124
zdaje mi się (пол.) 210
zdi se mi (словен.) 210
'zə:rkalo (словен.) 35
zèncà (хорв.) 35
zení:ca (словен.) 35
zènica (хорв.) 35
paziti na koga kot na zenico svojega očesa (словен.) 45
zachovat'/ opatrovat'/ ostrihat' koho ako
zretdlnicu / zrete(d)lničku oka svojho (словац.) 45
zernko (н.-луж.) 36
ziarać (пол.) 125
zinica (хорв.) 35
ziorać (пол.) 125
zornica (словац.) 35
zornička (словац.) 35
zorniczka (пол.) 35
zornjatko (н.-луж.) 36
zrak (чеш., словац.) 149
zrelnica (словац.) 35
зьr-i-ть 81
зьr- 81
'zɣ:kaɫu (словен.) 35
z'rklo (словен.) 35
**zěti* 34, 35
**zijati / *zinoti* 51
**zbrěti* 35, 51, 86